

Екатерина Смирнова

ДИКИЙ ОГОНЬ

Летит по небу Дикий Огонь, и от искры его возгорается пламя. Полыхают города, отмечая путь великой армии, полыхают на кострах чародеи, истребляемые сотни лет, вот-вот вспыхнет проклятый город Тан-Фойден. Скучает в тюрьме пропагандист, лжец и вор Эмиль де Лантор, шествует по миру могущественная Императрица Иссианская, Императрица-ведьма, сменяя старый кровавый миропорядок на новый кровавый. Готовятся к большой войне короли, сеют смерть мятежные маги, тщетно взывает к миру бродячая проповедница. Летит по небу Дикий Огонь, и с ним невозможно сражаться. От него можно только бежать.

---

Я думал, что я хороший... Мне снилось, что я орел!

Я сражался за чистый разум, но он опять не туда завел

Юрий Шевчук

Воистину, великая надобна самоуверенность и великая ослепленность, дабы кровь, стекающую с эшафота, именовать правосудием

Анджей Сапковский

Все боролись за правое дело, только дела почему-то были у всех разные

Автор неизвестен

Глава 1

— Светлого вам дня, добрые господа! И вновь с вами я, неподражаемый Эмиль де Лантор. Омойте же трудовой пот с лица и сядьте кучнее, ибо я расскажу вам о том, что есть и что будет. Города стонут под гнетом узурпатора, у людей отбирают последнее, умирающих от голода выкидывают из их домов и оставляют на улице, поля, где некогда колосилась рожь, пропитались кровью и слезами, а цветущие холмы превратились в могильные курганы. Кто на нас идет, спросите вы? Кто способен чинить такие зверства? Исчадия Тьмы, почитатели Шамора, безумцы, потерявшие человеческий облик? И да, и нет, добрые господа. Идет бедствие, неслыханное доньше, идет армия мясников и палачей, возглавляемая сумасшедшей чернокнижницей, Тафирской Ведьмой, что делит ложе с собственным братом и не стыдится этого. Идут противные Свету чародеи, в гордыне своей отринувшие Светозарного и поклоняющиеся Князю Тьмы, призывающие демонов и пьющие людскую кровь. Скачут в ночи Алые Всадники с головами койотов и волков, что режут детей и предаются греху с лошадьми. Чудовища, что зовут себя повелителями стихий, безумные прорицатели, что в своих видениях зрят лишь Тьму. Уродливы их лица, темны их помыслы, смерть и разрушение оставляют они за собой. Алое знамя, кровавое знамя реет над разрушенными городами и сожженными селами.

Но не бойтесь, добрые господа, спите спокойно в своих постелях. Армия Иссиана далеко, она... эээ... где-то там и не посмеет посягнуть на нашу землю. Пусть только имперцы осмелятся переступить границу Танаира, наши доблестные солдаты оставят от них лишь кровь и пепел! Наша армия насчитывает ... эээ... на данный момент сколько-то там человек, и каждый из них будет стоять до конца! Потому что это не просто война, о нет, это, без преувеличения, бой Тьмы и Света, битва за выживание человечества. Битва добра и зла! А добро, как мы знаем, всегда побеждает. Каждый колдун, каждый, кто хранит у себя запрещенные книги — не только наш враг, враг самого Света. Видишь высшего мага — бери вилы! Видишь отмеченного черным крестом — проследи, чтобы он встал на учет, и отойди,

не пачкай руки о скверну. Видишь целителя — протяни руку, коли за Свет он, но бей безжалостно, коли с другими колдунами якшается. Смерть чернокнижникам!

Итак, кто же сегодня собрался в наших покоях? Добрые господа, вашему вниманию представляется стол! Не раз земля, на которой произрастало породившее его дерево, обогрелась кровью невинных, не раз слышала она плач и мольбы, к которым ублюдки самозваной императрицы оставались глухи. Стол не может рассказать вам об этом, он даже не может плакать, но стол не забудет и не простит! Никогда! А вот и его друг и боевой товарищ, стул! Сотни раз стул незримо рыдал под мерзкими задами чернокнижников, сносил издевательства и унижения. Даже здесь, в Сиде Корале, стул чувствует себя намного лучше, а это, добрые господа, дорогого стоит. И, наконец, третий и самый ожидаемый гость: тумбочка!!! История ее столь ужасна и кровава, что тумбочка не в силах рассказать ее, она может лишь стоять и скорбно молчать в углу.

Я вскочил на упомянутый стол, столь жестоко притесняемый, любясь на себя в зеркало, и заорал:

— Слушай, Сиде Корале! Новый манифест Эмиля де Лантора! Свободу мебели! Долой гнет презренных седалищ, долой эксплуатацию и жестокость, пилы и топоры! Стулья и столы всех королевств, объединяйтесь! Только вместе мы сможем победить армию захватчиков! Разве короли и королевы берегут наш сон, разве они хранят наши вещи и даруют отдых после долгой работы? Нет! Стул и стол — вот истинные друзья каждого честного крестьянина и дворянина! Разве что-то может сравниться с надежностью стула и преданностью стола? Ответь мне, Сиде Корале!

Увы, Сиде Корале не отвечала. Сиде Корале была тюрьмой.

— Но, если ряды нашей доблестной армии дрогнут, если Танаир все же падет, знайте, добрые господа, виной всему будет один лишь Максимильтен де Лантор. Что сказать о том, кто настолько жесток, что засадил в тюрьму собственного сына? Кто лишил Танаир его рупора, его надежды и опоры в столь трудный и темный час? Вероломно отправил в заточение того, кого вы, о, глупцы, должны носить на руках! Не в силах забыть мелкие обиды, он не в состоянии встретиться с действительностью и...

Оглушительно грохнуло, и мир взлетел на воздух. Я свалился с угнетаемого стола, голова больно встретила с действительностью, то есть с полом. В нос ударил запах гари и пороха. Взбесившаяся вдруг тюрьма звенела, тряслась и кидалась плохо закрепленными предметами. И, что совсем уж удивительно, где-то совсем рядом загрохотал гром и резко задул ветер.

Я откатился в угол и забился под пресловутый стол. Наверное, когда Шамор обрушил границу между мирами, грохотало также. Мироздание осчастливило Сиде Корале землетрясением или кто-то отчаянный решил взять штурмом самые охраняемые казематы Танаира? Лучше бы первое. Отношение чернокнижников к Эмилю де Лантору колебалось где-то между «насадить на кол» и «насадить на кол, предварительно содрав кожу», а больше сюда никто не сунется.

Под столом взору открывался художественный этюд на тему герба Танаира. Кто-то грубо намалевал синего двухголового льва, в одной башке угадывался король, в другой — папочка. Головы скалились друг на друга, в то время как в задницу льву вцепилось нечто, напоминающее хрому собаку. Жаль, я не видел этого шедевра раньше, внес бы пару коррективов. У Танаира две головы, говорят в народе, которые вечно грызут друг друга. И временами настолько этим заняты, что не видят репья на жопе.

Со звоном грохнулось зеркало, разлетевшись на десяток осколков. Придется выпрашивать у стражников новое. Если меня в ближайшее время не убьют, конечно.

Пристойная еда, пристойная камера с удобствами и большой кроватью, верхний ярус практически у входа в тюрьму, а не в мрачных подземельях, и книги — вот и вся милость, пожалованная мне отцом. Тряхнуло снова, хоть и слабее. Моя любимая книга сорвалась с полки и с глухим бульком угодила прямо в чудом устоявшее ведро с остатками воды. Милости становилось меньше с каждой минутой.

По коридору браво протопало. Доблестная стража ломанулась к выходу, решив предоставить шпионам, чернокнижникам и прочему отребью провалиться к Шамору. В преданности и отваге солдат нашего светлейшего короля я никогда не сомневался.

Что-то крикнула женщина, судя по голосу, молодая, и гром ударил снова. Откуда в Сиде Корале юные девицы? Ей ответила грубая брань, резко оборвавшаяся. Несомненно, в коридорах тюрьмы шел бой. Понять бы еще, кого именно отбивают.

Пол больше не трясло. Я выполз из-под стола и попытался выглянуть через зарешеченное окошко на двери.

Обзор перекрывала спина в коричневом плаще с капюшоном, судя по всему, той самой женщины. В одной руке она держала клинок, другую вскинула вверх в странном жесте. Жесте, наводящем меня на крайне неприятные мысли. Под ногами прекрасной (или не очень) незнакомки уже валялась пара трупов. Со стражниками господа захватчики не церемонились.

Из-за спины девушки выплыли двое, толстый и тонкий, лиц в тюремном полумраке я разглядеть не смог. Выплыли и направились в мою сторону.

Я прыжком отскочил от двери. Сохрани меня Светозарный, я так мечтал выбраться отсюда и поскорее, но не в компании каких-то подозрительных личностей, от которых за версту несет колдовством. Тюрьма моя тюрьма, мне в тебе тепло и уютно, я не собираюсь никуда спасаться.

Я быстро оглядел камеру. Спрятаться было решительно негде, разве что попробовать утопиться в ведре с водой для умывания. Вспомнив о безусловных заслугах мебели перед человечеством, я во второй раз заполз под стол.

— Он здесь.

Черную дверь, получившую в первые дни моего заключения столько незаслуженных пинков, цивилизованно открыли ключом. Очевидно, снятым с трупа. Даже обидно, я-то ожидал светопреставления и крошащихся камней. На пороге стояли лысый детина со шрамом через все лицо и мелкий жилистый тип с рожей страдающего запором хорька. Отправивший парочку на задание явно не был лишен чувства юмора.

— Эмиль де Лантор?

Голос лысого мне понравился еще меньше, чем он сам. Таким голосом папочка обычно отдавал распоряжение запытать кого-нибудь до смерти.

Поняв, что отступать некуда, я принялся лихорадочно соображать. Кто они? Чернокнижники пришли спасать своих и захотели попутно порезать меня на кусочки? Папочка раскаялся? Это вряд ли. Горячо любимые и глубоко союзные соседние королевства решили взять в заложники сына канцлера? В любом случае, радоваться мне нечему.

— Да, это я. Добрые господа, вы спасли мне жизнь. То, что я попал сюда, это чудовищная, трагическая ошибка, — заныл я, пытаюсь изобразить на лице безмерное страдание напополам с безмерной же благодарностью. — Спасибо вам, добрые люди,

большое спасибо. Я в неоплатном долгу перед вами. Уверю вас, я всегда был предан...

Кому я предан, я придумать не успел, так как в лицо мне недвусмысленно полетел кулак.

Лысый не отличался ни многословностью, ни дружелюбием.

Меня подхватили под руки и потащили, словно куль с мукой. На каменном тюремном полу валялось с полдюжины трупов. Решившие спастись бегством надзиратели не преуспели. Остальные стражники то ли оказались более удачливыми, то ли лежали этажом ниже. Казематы Сида Корале уходили вглубь земли, словно винтовая лестница.

Женщина, а, точнее, девушка, невозмутимо стояла рядом с заляпанной кровью стеной. На меня она даже не взглянула.

— Забираем еще кого-то?

— Нет. Тащите его наверх.

Без сомнения, девица здесь командует. Что ж, это к лучшему, с женщинами у меня всегда получалось лучше, чем с мужчинами.

— Госпожа, освободите меня, — снова заскулил я. — Я могу идти сам, я с благодарностью последую за своими спасителями, только...

Прямо у моего лица ударила молния. Похоже, вся спасательная экспедиция соревнуется в умении без слов сказать: «заткнись».

Небесный маг. Небесный маг высокой ступени, громовержица. Я почувствовал горячую волну подступающей паники. Это имперцы, это точно имперцы, солдаты Лофт, больше некому. Свет, я не хочу умирать!

— Пустите меня! — я отчаянно задержался, но руки лысого держали крепко. — Пустите!

— Мы тебя вообще-то из тюрьмы спасем, кретин, — наконец разлепил губы лысый.

— А я не хочу спастись. Я хочу назад в тюрьму! Я преступник, я должен понести наказание! Я раскаиваюсь!

Удар под дых прервал мое покаяние.

— Куда вы меня ведете? Зачем? Кто вы такие? Отец заплатит за меня выкуп, большой выкуп! Больше, чем вы можете себе представить! Может, договоримся?!

Тишина.

— Надеюсь, вы мои фанаты, — соврал я, ибо надежды в моем голосе не было.

— Заткнись, — зло сплюнул хорек.

— Зачем я вам нужен?

— Нам ты не нужен, за тебя заплатили.

Заплатили? Кто?

Меня протащили мимо еще одного трупа, вперившегося в полоток изумленным взглядом. Стражник, который по приказу отца таскал мне книги. Похоже, он даже не понял, что умирает.

Запах пороха становился нестерпимым. Интересно, могу я здесь задохнуться? Если да, клянусь Светом, буду являться папочке в кошмарах до скончания веков.

Лестница наверх показалась бесконечной. В голове мутилось, губы пересохли, немилосердно болели содранные в кровь руки. Я решительно не мог вспомнить, когда успел их ободрать. Женщина развернулась, кинула взгляд вниз и сделала пасс рукой. Грянул гром, прямо под потолком образовалась грозовая туча и пошел дождь. Не дождь, ливень. Потoki воды стекали по ступеням и катились вниз, смывая многолетнюю грязь. Более бредового и одновременно завораживающего зрелища я не видел. Рядом родилась вторая туча, поток

превратился в водопад. Громовержица стояла неподвижно, воздев руки. Она что, хочет затопить тюрьму?!

Водопад рушился вниз с яростью селевого потока. В Сида Корале пять или шесть ярусов. Сколько нужно воды, чтобы затопить хотя бы первый? Сколько бы ни было, а в недрах призванной колдовством тучи они найдутся.

Я сглотнул. Живое воображение тут же нарисовало, как вода внизу прибывает. Просачивается под дверь тонким ручейком, на полу разливается лужа, мои собраты по заточению изумленно смотрят на это и не понимают, что происходит. Но вот лужа растет, растекается по всей камере, вода поднимается выше и выше, сначала до щиколоток, потом до колен. Люди карабкаются на кровати, на стулья, но из ловушки выхода нет, а смерть все прибывает, чтобы в конце концов огненным потоком ворваться в легкие. Еще немного, и меня стошнит.

Магичка опустила руки, но тучи не исчезли. Потрескивали молниями и извергали из себя ливень. Мне показалось, что снизу я слышу крики.

Громовержица развернулась и жестом приказала следовать за ней. Меня снова подхватили и потащили. Свет, я способен идти сам, да и куда мне бежать. Не вниз же, чтобы захлебнуться.

Дверь в тюрьму не просто взорвали, ее разворотили. Темные и мрачные ворота Сида Корале, окованные мастером каким-то там и признанные произведением искусства, перестали существовать. Невосполнимая потеря, ничего не скажешь. Камни торчали из обломков стены, как гнилые зубы, и симпатий вызывали примерно столько же. Колдуны или нет, а здесь они и правда обошлись самым обычным порохом.

— Вот твой де Лантор.

— Я знаю, как выглядит де Лантор, уж поверь.

Я в очередной раз упал на землю. Прямо под ноги высокой худой женщине. Которая выглядела еще недружелюбнее первой.

Глаза старухи мерцали на иссушенном лице, как два колодца. Когда-то она была красива, но от бывшего очарования не осталось и следа. Впрочем, даже лицо и тело восточной богини Шандри ей бы не помогли: от такого взгляда хотелось забиться куда угодно, хоть в кучу навоза, и сидеть, пока сия прекрасная дама не пройдет мимо.

Колодцы вперились в меня. Куча навоза показались просто-таки Светлыми Чертогами.

— Радуйся, что ты нам нужен. Будь моя воля, де Лантор, я бы намотала твои кишки на деревья.

Я с трудом поднялся. В виде исключения меня даже не свалили пинком обратно на землю.

— Мы свое дело сделали, ведьма, где награда? — напомнил о себе лысый.

— Вот твоя награда.

Одновременно ударили две молнии. Лысый и хорек повалились на землю, запахло горелой плотью. Старая карга кивнула молодой, обе на наемников даже не взглянули.

— Сидори, все в порядке?

Вот, значит, как зовут молодую. Сидори.

— Да, госпожа.

— Тогда открывай портал.

Воздух впереди замерцал. Заклубился, подернулся рябью, я увидел смутные очертания какого-то зала. Словно отражение в водной глади, колеблющееся и волнующееся. Там, с той

стороны, Иссиан?

Свет, я не хочу в портал, я не хочу умирать, посадите меня в другую тюрьму, я не буду больше воровать, я попрошу прощения у отца, только...

Молодая толкнула меня в спину. Мерцающая дыра навалилась на меня, и я полетел. Вниз и вниз. Вперед к собственной смерти. Прямо как... Нет, нет, этого не было, не было никогда, не думай об этом.

Тафирская Ведьма жестока и беспощадна. Она убивает, не зная жалости, вырезает целые города, осмеливающиеся ей не повиноваться. И она очень, очень ненавидит меня. Что можно сделать с человеком, когда ты практически всемогущ? Заставить гнить изнутри? Запустить червей в глаза? Распилить на тысячу маленьких де Ланторгов?

Лофт отрежет мне пальцы и вырвет язык. А потом меня отдадут Алым Всадникам, и они погонят меня по лесу, как зверя на охоте. Пока я не свалюсь, и в спину мне не вонзится копье. Нужно убить себя. Броситься на меч, выпрыгнуть из окна, что угодно. Напасть на Лофт, чтоб стража меня испепелила. Когда переход завершится...

Переход завершился. Вот только вывалился я не под ноги Императрицы-чернокнижницы.

— Король?

;

Глава 2

— Я не понимаю, Ваше Величество. Зачем вы штурмуете собственную тюрьму?

Светлый наш король Иерам Второй был толст, небрит и монументален, как разожравшаяся свинья. Как свинья он и хрюкнул, когда мы вылетели из ниоткуда пред его очи. Хрюкнул довольно и, в общем, добродушно, что меня успокоило. Это не Лофт и убивать меня не собираются. По крайней мере, пока.

— По многим причинам. И первая из них — ты.

— Не думал, что я вам настолько нравлюсь, Ваше Величество.

Как всегда, от страха я начал наглеть.

— Ты вообще мне не нравишься, де Лантор, — отрезал король. — Ты нахальный, самовлюбленный, трусливый, изнеженный мальчишка, к тому же вор и лжец. Но так уж вышло, что ты мне нужен.

То, что выкинуло нас не во дворец, я понял сразу. Очевидно, какая-то из летних резиденций короля. Не слишком тайная, но хорошо охраняемая. Умеренная роскошь, насколько вообще у короля роскошь может быть умеренной. Массивные шкафы темного дерева, умело расписанный потолок, изящные люстры под ним, картины на стенах. Обитые парчой кресла и диваны, легкий аромат благовоний. Сесть нам не предложили, так что мы с колдуньями бестолково переминались с ноги на ногу. Спеси, злорадно отметил я, пред королевскими очами в ведьмах изрядно поубавилось.

Впрочем, стоял и сам король, опершись задницей на дубовый стол, инкрустированный по углам каким-то тусклыми желтыми камнями. Один, я это понял сразу, вылетел из гнезда и валялся, ничем не закрепленный. Очень привлекательно валялся.

— Я не вор, Ваше Величество.

— Неважно, как ты это называешь, в тюрьме ты очутился именно за воровство. Но я готов простить твои преступления. Возможно. Шириам.

Старая карга у нас, значит, Шириам.

— Мне было видение, — слова сыпались из ее рта и шуршали, как сухой песок. — Когда

Тьма опустится на мир, когда живые позавидуют мертвым, узник без отца и матери, что обрел нового отца, чьи уста источают ложь, что крадет без умысла и страдает без вины, остановит великую Империю и сохранит мир, пока тот не пал во Тьму к Шамору.

— Шириам — лучшая провидица, когда-либо состоявшая на королевской службе, — внушительно проговорил король. — За историю Танаира и, возможно, всего мира. Если она что-то узрела, значит, так оно и есть. И мы не без оснований полагаем, что этот узник — ты.

Я рассмеялся. Неудержимо и истерически, не думая, что за один непочтительный взгляд в сторону короля меня могут повесить. Узник... Империя... Свет, они рехнулись, они все рехнулись. Я не всегда могу остановить даже покинутую девицу от попытки выцарапать мне глаза, а спятивший монарх решил подрядить меня в спасители мира.

Король стоял, скрестив толстые руки на груди, и ждал. Я вытер слезы и перевел дыхание.

— Ваше Величество, при всем уважении, я не колдун и не воин и уж точно не смогу сражаться против армии. Не хочу подвергать сомнению таланты госпожи Шириам, но не все пророчества сбываются. Вы правда верите во все это?

Король сделал знак рукой: ведьмы бесшумно исчезли.

— Я верю в то, что армию, в три раза превышающую нашу, отделяет от Танаира лишь река, а в тылу у меня пороховая бочка в Тан-Фойдене. А наши доблестные союзники, забери их Изнанка, поджали хвост и выражают нам искреннюю поддержку, чтоб она застряла у них в глотке, а солдат и оружие выражать почему-то не спешат. Ты в курсе, что Тибольд, тот самый Тибольд, который клялся стоять до последнего, понесся навстречу Лофт с ключами от Файзины, как собачка, только что не скулил? То же самое ждет и нас. Так что, если Шириам скажет, что для победы нужно посадить сына кузнеца на пятнистую козу, дать ему в руки палку и отправить в одиночку на армию Лофт, я найду этого сына и посажу, и неважно, буду я верить или нет.

— Файзину? Файзину?! — от изумления я чуть не грохнулся на пол. — Ваше Величество, мне в тюрьму не завозили свежие новости, что вообще происходит?

Величество окинул меня тяжелым взглядом.

— Так ты ничего не знаешь? Совсем ничего? Я в тебе разочарован, чтобы Эмиль де Лантор и не смог развязать язык охране.

— Я знаю, что армия идет и все плохо, — коротко отрапортовал я. — Периодически поступает информация, что все очень плохо. Но чтобы настолько? Файзина пала?!

— Пала Файзина, пали Амар и Кория. Сдались без боя. После того, как насмотрелись на Валенис. Те кричали, что отправят колдунов на Изнанку, столицу взяли за три дня. Все королевства Южной долины, если их можно назвать королевствами, теперь под властью Иссиана. Сейчас эта коронованная шлюха со свитой в файзинском замке ждет нашей капитуляции. И, когда ждать ей надоест, армия двинется через Рааду. Прямо на нас.

— Замечательно, — пробормотал я. — А Тан-Фойден? Проклятый город? Что там еще стряслось после Долгой Ночи? Не огнетворец же вырвался на свободу?

Король выжидательно посмотрел на меня.

— Шамор, да быть не может! Они же там все в ошейниках, из лагеря невозможно освободиться.

— Выходит, что возможно. Лагерь теперь побоище. Колдовские выродки во главе с Аскольдом как-то вырвались, перебили всех, до кого смогли дотянуться, сидят там и наводят ужас на город.



— Сидят? — я окончательно перестал что-либо понимать. — Не пытаются прорваться в Иссиан, не сбежали, просто сидят и все?

— Говорят, Трехпалый обезумел, пьет людскую кровь и плюется огнем, а все, чего он хочет — это мстить и убивать. И справляется с этим, уверяю тебя. Он объявил бывший лагерь в лесу независимым государством, а себя — Королем Черного Креста, душевно здоровый человек такого не выкинет. А главное, эти твари похерили нам всю торговлю с Серстой. Если так пойдет дальше, в Танаире не останется ни вин, ни шелков. Я узнал много нового о себе из письма королевы Яэнис, когда пара ее караванов вернулась побитая, без денег и без товара. Как ты знаешь, наша дорогая соседка не склонна выбирать выражения. Так что, милостью Трехпалого, караваны к нам больше не идут. Ни один монстр с Изнанки не доставляет столько проблем, сколько этот колдун. Правда, твой отец обещал с ним разобраться, послал туда бродячую проповедницу. Не представляю, как она нам поможет, но это уже не моя проблема. Мою проблему будешь решать ты.

Величество отвернулся от меня и от камешка. Я прилип к нему взглядом. Какой красивый. Желтый, гладкий, блестящий, красивый камешек. И наверняка здесь никому не нужен. Так соблазнительно лежит. Как обнаженная девушка на постели, к которой нельзя притронуться. Или можно?

— Вы могли просто подписать указ и отпустить меня. Необязательно было идти на такие сложности.

— Я не хочу, чтобы Максимильтен знал, где ты и с кем. К тому же, Сида Корале слишком близко к границе, ее давно пора было сносить, сидящих там уродов, слишком знатных, чтобы казнить их просто так, отправить к Шамору, а ряды наших низших магов — проредить. После того, как колдовские выродки зверски убили тебя и еще пару народных любимцев, якобы безвинно страдающих, никто не возразит, если я повешу десятков пять травников, неблагонадежных целителей и прочих сочувствующих. Мне не нужны предатели в собственном тылу, один Тан-Фойден мы уже получили.

— Так значит, я мертв? — проявил я чудеса догадливости.

— Именно так. И будешь еще более мертвым, если попытаешься сбежать. Тебе ясно?

Я кивнул. Сбежать я, разумеется, попытаюсь, и чем дальше, тем лучше.

— Что я должен делать, Ваше Величество?

— Пока ничего.

\*\*\*

— Есть!

Прямо на носу Лофт красовалось красное пятно. В изобретенной мною три минуты назад игре «попади во врага помидором» я одержал сокрушительную победу. В художественном оформлении портрета я тоже поучаствовал: трость в руке чернокнижницы обрела снизу два шарика и стала напоминать нечто неприличное. Темные волосы, умные темные глаза на холодном лице, темные же одежды. Если бы не помидор, Императрица выглядела бы весьма сурово. Впрочем, изящная диадема с алыми камнями на голове Темной казалась удивительно чужеродной. Всем известно, что иссианская ведьма корону практически не носит.

Воистину, жизнь прекрасна.

Разумеется, сокрушать империи и убивать всемогущих ведьм я не собирался, это работа для папочки. Если за каким-то Шамором старая идиотка возомнила меня защитником человечества, а коронованный идиот ей поверил, их дело, но свалю я при первой же

возможности, в идеале прихватив что-нибудь ценное. У меня с детства аллергия на войны, злых колдунов и прочие подобные вещи. С моего одинокого, тяжелого детства.

Еще один снаряд впечатался ведьме в глаз. Спасение мира шло полным ходом.

Я лениво убрал ноги со стола и с наслаждением закурил, поигрывая бокалом с «Милостью королевы». Может, Яэнис и послала торговлю с Танаиром ко всем демонам, но в подвалах нашего запасливого величества серстских вин более чем достаточно. Табак, еда, вино, о чем еще может мечтать вчерашний заключенный?

Уже сутки я занимался примерно ничем. Похоже, великому плану по спасению мира при помощи де Лантора-младшего не хватало детализации, что со мной делать дальше, король не представлял. Я тоже не представлял, что один не умеющий ни колдовать, ни махать мечом, хоть и невероятно умный и прекрасный во всех отношениях молодой человек может сделать против целой армии, так что даже немного сочувствовал интеллектуальным терзаниям Его Величества.

Наша бравая команда спасателей и правда расположилась в летней резиденции короля. Монарх отбыл, кроме Шириам и Сидори глаз радовали десятка полтора стражников, торчащих у каждого выхода. Король не доверял то ли мне, то ли ведьмам, а, скорее всего, всем сразу.

Выйти за ворота я не мог, войти в закрытые, то есть почти во все, комнаты — тоже, даже путных книг здесь не было. Из интересного я откопал в сундуке только нещадно испохабленный портрет Темной Императрицы и сразу же пристроил к делу. Теперь портрет испохабился окончательно и надоел. Оставалось или предаваться чревоугодию, или искать общества, хоть и не слишком приятного. Зато полезного. Видишь врага — беги, не можешь убежать — постарайся втереться в доверие.

Начать я решил с наиболее мерзкого, то есть с Шириам. Прорицатели — самые загадочные, бестолковые и одновременно полезные из высших магов. Официально присутствующие в Танаире, ясное дело, только в виде угольков. Насколько я помню, последнего вещуна на королевской службе предали огню за то, что напроорочил обласкавшему его монарху смерть от рук собственной дочери. Колдун сгорел, а ребенка стали любить пуще прежнего, посчитав, что злобный маг решил внести раздор в венценосное семейство. Кто же знал, что однажды девочка поиграется на кухне с крысиным ядом, решив насыпать его папочке вместо приправы.

Ведьма обнаружилась на галерее. Старуха стояла одна и смотрела вдаль. А она ведь не старуха, понял я, вряд ли ей больше сорока пяти. Это лицо высушило горе, а не возраст. Что ж, у меня тоже горе — мне скучно и я напуган. А люди в горе уязвимы и должны утешать друг друга.

— Не помешаю?

Вещунья зыркнула на меня и ничего не ответила. Я осторожно встал рядом.

— Шириам, зачем вы помогаете королю? Лофт ведь освобождает магов, она воюет за вас, за ваши права.

Шириам зло сплюнула.

— За нас? О да, она, безусловно, так считает. Вот только ее так называемая освободительная война подарила нам Долгую Ночь. Мой сын жил спокойно двадцать шесть лет, пока с юга не пришла весть, что Иссиан объявил войну всему миру и скоро придет, чтобы разбить оковы на чародеях. Что явится Тафирская Ведьма с легионом солдат и перевешает здесь всех, а местные колдуны ей помогут. И люди обезумели от страха. Моего

сына забили камнями, размозжили голову. Только за то, что он понимал в травах. Прошло четыре года, и где же Императрица? Где же свобода? Если она за кого-то и воюет, то за тех, кто по ту сторону Раады, на нас ей наплевать. Из-за таких, как она, нас и уничтожают.

Я сделал понимающее лицо.

— А Сидори?

— Сидори была его женой.

Вот, значит, как, семейный подряд обиженных. Не то чтобы я не догадывался, что у нашего Величества и, скорее всего, у всех других Величеств тоже, припасена в заглазнике пара колдунов, но все равно оказаться в одной команде с чернокнижницами было странно. И опасно — любви маги ко мне не питают. И уж тем более я не хочу быть втянутым в разборки одних колдунов против других.

— Сочувствую вашему горю. У меня тоже нет семьи.

Уже полгода как нет. Да и не было, если быть честным, никогда не было.

— У тебя есть отец, — сквозь зубы буркнула чернокнижница.

Бабушка не спешит меня жалеть. Что ж, иное было бы странно.

— Максимильен де Лантор мне не отец.

— Он забрал тебя из дома призрения и воспитал, спас от нищего существования, ты должен быть благодарен, — выплюнула ведьма и отвернулась.

Воспитал. А потом выкинул из своей жизни, словно мусор.

— Спас? — я горько усмехнулся. — О нет, добрая госпожа Шириам, он и не думал меня спасать. Он увидел во мне «таланты, которые могут пригодиться», ни больше ни меньше. Так и сказал. Он никогда не был мне отцом и не скрывал этого. Он ни разу не навестил меня в тюрьме. И все же я люблю его. Ведь больше у меня в этом мире никого нет. Нет матери...

Я вздохнул и печально улыбнулся. Эта улыбка растопила бы самое черствое сердце.

Что-то впилося мне в волосы, и я полетел лицом в перила. Из носа хлынула кровь.

— Ты смеешь приходить ко мне и распускать свой лживый язык? Знаешь, что кричали люди, когда забивали моего сына камнями? Смерть чернокнижникам! Ты заставлял людей жечь нас на кострах, насаживать на вилы, превращал простых крестьян в чудовищ. Они собирались на площади, ты являлся к ним через этот шаморов камень и лгал, лгал, лгал. Они слушали тебя и шли убивать, те, кто еще утром сидели с нами бок о бок. Это ты убил моего сына, ты и Лофт!

Я пискнул, вывернулся и отшатнулся от старой карги. К счастью, та снова отвернулась, не предпринимая попыток разбить мне еще что-нибудь. Ладно, признаю, Шириам мне в мамочки не годится. Придется обрабатывать молодую.

Я сбежал с галереи, вытирая лицо. Нос не сломан, это хорошо, но кровь так и хлещет. Надо попасться в таком виде Сидори — женщины любят жалеть несчастных и прощать покаявшихся. Женская жалость — это практически любовь, а влюбленной можно наболтать все, что угодно.

Абсолютно случайно я свернул в направлении комнат громовержицы. Особняк негласно поделили на две половины: женщины не слишком жаловали друг друга, это я понял сразу. В западном крыле окопалась старая, в восточном — молодая, а я торчал посередине и как никогда остро чувствовал, что меня никто не любит. Пора было это исправлять.

Девушка заметила меня первой — сидела внизу у камина и перебирала какие-то пожелтевшие листки, очевидно, магического содержания. Голубые глаза встретились с моими, чернокнижница нахмурилась. Прекрасно, она обеспокоена.

Без капюшона и в спокойной обстановке она казалась даже симпатичной. Голубые глаза, светло-русые волосы, вздернутый носик. И в голову не придет, что это милое создание затопило полсотни человек и бровью не повело.

— Что с тобой случилось?

— Немного повздорили с Шириам, — я без спроса уселся рядом. — Но я не виню ее, она во всем права. Я говорил ужасные слова и делал ужасные вещи. То, что происходит с вами, во многом моя вина.

— Твоя, — подтвердила девушка, но ненависти в глазах не было. С этим материалом можно работать.

— Знаю, в это сложно поверить, — принялся я вдохновенно врать. — Но теперь мне стыдно. Я ведь действительно считал, что говорю правду, что колдуны несут лишь зло. Я был слеп, я совсем не знал вас. — Это точно, Его Величество как-то забыл сообщить де Ланторумладшему, что на него работают аж две чернокнижницы. — Говорят, все колдуны — монстры, но ты абсолютно точно не монстр. Для монстра ты слишком красива.

Девушка усмехнулась и снова уткнулась в пергамент, но взгляд ее чуть потеплел. Срочно нужно кого-то обмануть — ищи юную деву и включай страдальца. Мои пронзительные глаза, один серый, другой зеленый, и аристократичные черты безотказно действуют на женщин, а иногда и на мужчин.

— Ты ведь маг небес, верно?

— Верно.

Лаконичный ответ. И весьма информативный.

— Судя по тому, что ты сотворила в тюрьме, как минимум второй ступени.

— Первой.

Первой ступени! Да наш король выбирает для себя все самое лучшее.

По всем законам приличия нужно было встать и уйти, но за день заключение в гостевых комнатах мне опостылело. В конце концов, я год провел в одиночной камере.

Рука сама потянулась к карману. Безделушка, еще вчера казавшаяся такой желанной, теперь лежала тяжким грузом на инстинкте самосохранения и чуть-чуть на совести.

«Эмиль, — мысленно спросил я самого себя, — зачем ты обокрал короля?»

Вопрос был риторическим, к тому же, ответа я не знал. Обокрал потому что... обокрал.

Отец так и не смог поверить, что я ворую без злого умысла и уж тем более не ему назло. Что я просто вижу вещь, обычно абсолютно ненужную, и не завладеть ей становится невыносимо. И какое наслаждение можно получить, когда что-то, что валялось просто так, начинает принадлежать тебе. ТЕБЕ. Почти как в постели с девицей. Правда, как правило, проблем я потом огребаю столько же, как если бы объявился ее разъяренный муж.

Я погладил камешек пальцами. Нужно его вернуть, как можно быстрее и незаметнее.

Вдруг раздался хлопок, комната на миг расплылась. Прямо из воздуха появилось нечто. Другого слова я подобрать не мог. Здоровенное, состоящее из ножек, покрытое хитиновым панцирем, с глазами-стебельками и непропорционально огромными клешнями. Очень острыми клешнями. Рак-переросток огляделся, горланно шелкнул и попер на нас.

Я завопил и вскочил на стол (снова). Сидори завизжала в унисон со мной и отпрянула, пергаменты разлетелись по полу. Дура, ты у нас маг, сделай что-нибудь!

Сверкнула молния, но на тварь она не произвела ни малейшего впечатления. Бешеный поток ветра, который должен был по всем законам логики унести членистоногое ко всем демонам, разбился о невидимую преграду. Что-то или кто-то защищал чудовище от магии.

Клешня клацнула у моего ботинка, я пробежал по столу и уперся спиной в стену. Рядом отчаянно колдовала Сидори. Грохочущая туча над чудовищем изливала потоки воды, они скатывались с незримого купола, пропитывая ковер и сброшенные мной со стола книги.

Прямо в голове послышался низкий гул. Воздух будто спрессовался, мир подернулся алой пеленой. Я словно очутился вдруг в замке и одновременно где-то еще. Тварь исчезла на мгновение, вместо нее я увидел темную фигуру с горящими глазами. Алыми глазами. Это демон! Свет, это демон!!!

Я впал в истерику. Мы умрем, сейчас мы умрем, монстр с Изнанки распилит нас клешнями на куски! Ну давай же, колдуй, ведьма!!!

Очевидно, я проорал это вслух, поскольку Сидори кинула на меня злой взгляд. Бесплезная идиотка. Я не хочу умирать, не хочу! Может, выкрикнуть какое-нибудь заклинание? Есть же у колдунов заклинания? Я в панике вытянул вперед руку со все еще зажатой в ней королевской собственностью и заорал:

— Убирайся в жопу!!!

Тварь заклекотала, полыхнула огнем. И убралась в жопу. Исчезла, то бишь.

Я потрясенно уставился на затопленный пол, где еще секунду назад щелкала клешнями неминуемая смерть. На Сидори, приходящую в себя. И на свою руку. Камень в ней светился.

;

Глава 3

Далеко-далеко, мы уедем за море.

Будем строить шалаш, далеко-далеко.

За сто миль от беды, от пожаров, от горя.

За сто миль от войны, далеко-далеко.

Эту песню пели им мать и отец. Отца посадили на кол, мать сожгли на костре на глазах у детей. Перепуганных детей, которые хотели лишь мирно жить в своей деревне, но стали надеждой всего мира. Или его проклятием. Это как посмотреть.

За сто миль от войны, далеко-далеко...

Эту песню пела она брату, когда они скрывались в лесах и питались жареными на костре мышами и гнилыми ягодами. Когда еще не были ни убийцами, ни чудовищами, ни любовниками. Когда не принесли в мир войну, от которой хотели сбежать.

Далеко-далеко...

— Ваша Светлость.

— Шаоме, — Констанс кивнула, приветствуя советника, — ты что-то хотел?

— Вы снова не спите.

Доктор смотрел укоризненно. Забавно, Шаоме заботится о ней, правда заботится. Как о дочери, не как о великой властительнице. Забавно и грустно.

Констанс откинулась в кресле, больше похожем на трон. Если и есть что-то хорошее в дождливой и серой Новой Файизне, так это замок, сдавать который Тибольд несся впереди собственного визга. И правильно сделал, теперь сидит не в темнице, а двумя этажами ниже. И отчаянно старается быть полезным: общается с бывшими подданными, делает вид, что отрекся добровольно, пытается давать советы по управлению страной, действительно пытается. Трусливый, умный, добрый бывший король, все бы такими были. Небольшой замок, даже какой-то уютный. Не изгаженный безвкусной золотой лепниной, как это обычно бывает. Замок, над которым реет Алое знамя Иссиана: золотая стрела на красном фоне.

— Ты знаешь, что я мало сплю, Шаоме, — мало, и будет спать еще меньше. — Идет

война, а у нас не хватает ни еды, ни людей. Армия устала, в провинциях зреют бунты, а у Альберта в голове только присоединение новых территорий. Кто бы мог подумать, что захватить половину мира будет легче, чем править ей.

— Зато теперь вы думаете, Ваша Светлость. Этим вы отличаетесь от принца.

Констанс поморщилась. Альберта доктор никогда не любил, ну и пусть. Брату не быть Императором, да и мудрым политиком тоже, но он хороший человек и главное, что у нее есть в этом мире. А правит Империей она. Только она.

— Прекрати, ты всегда делаешь из меня святую. Я себя уже чувствую не страшным монстром, а этой, как ее, Викери?

— Вокарой, — подсказал Шаоме.

— Вокарой. Знаешь, мои разведчики так и не поняли, кто эта девка. Она либо необычайно умна, либо и правда прекраснодушная дура, которой отчаянно везет. Проблема в том, что второго в жизни не бывает.

— Она так вас интересуется?

— Не очень. Пока, по крайней мере, — пока у нее и так полно всего, чем нужно интересоваться. — Можешь считать, мне просто не нравится, что на той стороне реки кто-то набирает популярность в народе быстрее, чем я.

Повелительница Магии, Хранительница Щита и Меча, Императрица Иссиана, Ка-Бодара, Виды, Табирада, Исринда, Валениса, Амара, Кории и Новой Файизины Властительница Четырех Стихий Госпожа Лофт Констанс Раизиан закрыла глаза и втянула ноздрями серый порошок. Мозг обожгло огнем, в висках заныло, но мир прояснился, обрел четкость. Можно еще немного поработать.

— Ваша Светлость, вы знаете, как я к этому отношусь.

Констанс вздохнула. Конечно, знаю, только за вчерашний день ты сказал мне об этом одиннадцать раз. И восемь про злоупотребление вином.

— Шаоме, перестань. В конце концов, я зло во плоти, должны же у меня быть злодейские привычки.

— Лучше бы вы предавались оргиям и разврату, Ваша Светлость.

— На оргии и разврат уходит слишком много времени, а у нас его нет. У нас вообще ничего нет.

— У вас армия преданных солдат и магия, которой мир не знал две сотни лет. По ту сторону Раады трясутся, стоит упомянуть ваше имя. Если это ничего, то я ни Шамора не смыслю в болезнях.

Констанс поставила подбородок на скрещенные пальцы и взглянула на советника снизу вверх. Дурацкая привычка, от которой никак не отвязаться.

— Просто у Иерама этого «ничего» нет еще сильнее, чем у нас. Мы сможем захватить Танаир, но не удержать. Пройдет месяц, и нас выбросят обратно за реку. Ты же понимаешь, что на павший Танаир тут же накинута его горячо любимые соседи во главе с Клементом? Если королевства не спешат объединяться против общего врага, это не значит, что станут спокойно терпеть нашу экспансию. А мне и так уже нечем платить наемникам. Которые постепенно превращаются в мародеров. Когда я начинала эту войну, я планировала освободить и нести мир, а не убивать и грабить. Кто же знал, что без этого не бывает.

— Практически все войны ведутся за мир, Ваша Светлость. И чем прекрасней мир в мечтах, тем кровавее война. И уж точно на всех войнах убивают и грабят.

Оправдывает ее. Хоть пей она кровь младенцев, доктор решит, что любимая

Императрица действует во благо. Если бы было так же легко самой себя оправдать. Ты воюешь за мир, но Алые Всадники летят по земле, вестники ужаса, отряды смерти. Летят и убивают. Безусловно, лишь тех, кто этого заслуживает, кто истребляет колдунов, а при виде добрых людей тут же начинают срать ромашками.

— Мои мечты сильно отличались от того, что есть сейчас, Шаоме. Ты даже не представляешь, насколько. Так что хотя бы постараемся не убивать и грабить сверх необходимого, пока убивать не начали нас.

— Вы можете заключить перемирие. Иерам будет в восторге.

— Будет. В таком, что я беспокоюсь, как бы этот центнер жира удар не хватил от счастья. А, когда восторг пройдет, он соберет силы и сам рано или поздно бросится на нас. Король Танаира не будет терпеть соседство с Империей, он спит и видит распалить подомной большой-пребольшой костер.

— А де Лантор? Говорят, в последние годы его взгляды изменились.

— Канцлер в жизни убил колдунов больше, чем я сотворила заклинаний. Если его взгляды изменились, то я белочка. И потом, останемся здесь — на севере все будет по старому. Мои братья продолжают гореть и носить ошейники, а дураки вроде Аскольда — погибать. Я клялась защищать колдунов. Всех колдунов, Шаоме. Тех, кто любит меня и тех, кто ненавидит, по эту сторону реки и по другую. Если уж взвалил на свои плечи перестройку мира, надо продолжать.

— Аскольд сам виноват, Ваша Светлость. Вы предлагали ему снова встать рядом с вами.

— Он одержим мстостью и не желает меня слушать. И не желает понимать, что у меня нет времени поддерживать его бессмысленную борьбу непонятно за что.

— Значит, пусть умирает?

— Значит, пусть умирает.

— Ваша Светлость!

Стражник стоял навтыяжку и полнился благоговением, как перезрелый персик. Солдаты ее любят. Она выгнала их из домов, разлучила с женами и детьми и отправила умирать на чужой земле за свободу колдунов, до которых им нет никакого дела, а солдаты ее любят и народ любит. Воистину, люди странные существа.

— Что там случилось? Опять Тибольд с бесценной инициативой посадить укроп на две недели позже?

— Ваша Светлость, — гвардеец отчаянно пытался выглядеть спокойным. Как же, пред его очами сама Императрица. — Вы приказывали доложить, если случится что-то важное.

— И что же, разверзлись врата Тьмы и требуют меня к себе, аки Шамора?

— Нет. Но мы поймали диверсанта.

\*\*\*

Мальчишка сидел на полу, связанный, злобно зыркая глазами. Молодой и безусый, напоминающий Альберта в детстве. На диверсанта он не тянул, разве что на диверсантика.

— И чем провинился этот цвет юношества? — спросила Лофт, морщась от боли в бедре. Национальная имперская примета: если у великой властительницы начинают ныть старые раны, значит, скоро дождь. Впрочем, в Файизине примета дала сбой: на этом гребаном севере, похоже, дождь льется бесконечно.

— Рисовал на стене вас и господина принца в непотребном виде, Ваша Светлость, — отрапортовал второй, гораздо более бойкий гвардеец, кажется, по имени Норман. Тот самый Норман, успевший прославиться на всю армию похабными стишками и такими же

похабными песенками.

Императрица закатила глаза.

— От всего сердца благодарю вас, господа! Вы оказали Иссиану неоценимую услугу, обезвредив столь опасного преступника. Вся Империя содрогнулась бы, позволь мы этому мерзкому Свету отроку разгуливать на свободе. Я приставлю вас к высшему ордену и лично буду каждый вечер возносить молитвы за ваше здоровье. И Шаомере попрошу, у него это хорошо получается. Засим повелеваю подвергнуть преступника страшной каре: дать пару раз по шее и выгнать вон.

Первый солдат побледнел, как полотно, Норман хихикнул. Этот ей определенно нравится больше.

— Ваша Светлость, я бы ни за что не осмелился вас тревожить, но он болтал что-то про демонов.

— Все про них болтают.

Все в мире только и делают, что болтают про демонов и чернокнижников. В Файизине про чернокнижников болтать неинтересно: вот они, любуйся, пока не надоест. Или пока не сболтнешь лишнего, и они тебя не вздернут.

— Ваша Светлость, этот будто и правда видел. Все твердит: демоны, демоны. Мы посоветовались и решили вам доложить.

— Демоны, значит, — Констанс присела рядом с диверсантом. — Говоришь, видел демонов?

Мальчишка отвернулся и плюнул на пол. И тут же получил по лицу. Голова дернулась, изо рта хлынула кровь. Вот она, любовь подданных, не могут видеть, как оскорбляют обожаемую Императрицу. Как бы не прибили. Вопреки слухам, воскрешать мертвых Лофт пока не научилась.

— Встань, перед тобой Повелительница Магии, Императрица Иссиана...

— Оставьте его, пусть сидит. Пусть хоть ляжет, лишь бы говорил. Снимите с него рубашку.

Стражники подчинились. Узор, вырезанный на кровоточащей груди мальчишки, напоминал паутину, сплетенную криволапым пауком с большого бодуна. Констанс брезгливо поморщилась.

Норман присвистнул, второй стражник изумленно ахнул.

— Демонопоклонник! Ваша Светлость, безопасно ли...

— Демонопридурок, — устало отрезала Констанс. Свет, когда же переведутся идиоты, калечащие себя и приносящие в жертву домашний скот в надежде снискать милость жителей Изнанки? Тем более, демоны на подобные призывы не откликаются. Она это знает точно.

Капля крови упала на сапог, Повелительница Магии отодвинулась.

— Значит, общаешься с Той стороной?

— Демоны заберут тебя, шаморанка. Я знаю, я с ними разговаривал, — просвистел юноша разбитыми губами. Зубов у него явно не доставало. И кто только придумал чушь, что колдуны поклоняются Шамору? Хотя даже шаморанцы поумнее, чем он, они хотя бы себя не режут.

— Разговаривал? С кем? И где?

Молчание.

Про демонов и правда болтали все, кому не лень. Но что-то было в голосе юнца, какая-то убежденность. Он явно верит в то, что говорит. Вопрос только в том, явились ли ему



твари Изнанки с первого в жизни перепою или же он и вправду умудрился найти дверь между мирами.

— Ты знаешь, кто я?

— Подстилка своего брата, ведьма и убийца.

Надо же, какие мы смелые. Смелые и тупые погибают первыми.

— Послушай, мальчик. Я самый могущественный человек по эту и по ту сторону Раады. Великий маг, величайший колдун, родившийся на этой земле за последние двести лет. А ты всего лишь ребенок, которому не повезло жить в темные времена. Если я захочу, я вытащу из тебя все: твои страхи, мечты, желанья, твой первый поход в нужник и первый поцелуй. И ты ничего не сможешь мне противопоставить. Ничего. Поэтому я даю тебе выбор: либо ты расскажешь мне все добровольно и уйдешь с миром, либо я заберу твою память силой, и ты навсегда останешься лежать здесь с выжженными глазами.

Вместо ответа мальчишка грязно выругался. Предсказуемо.

Это ложь, что Повелительница Магии любила убивать. Просто слишком часто приходилось.

\*\*\*

Еще больше, чем убивать, Повелительница Магии не любила убивать зря. Смерть юнца оказалась небесполезной. Мальчишка и правда видел демона.

Пару дней назад ратующий за освобождение Файзины от колдовского ига юнец забрел на болота. И провалился. Не в болото, в дыру между мирами. Дальше воспоминания путались, парализованный ужасом мозг, похоже, упустил все самое важное, но сомнений быть не могло. Красное марево, алые глаза, неведомые этому миру твари. Мальчишка на краткий миг рухнул на Изнанку и каким-то чудом сумел с нее выбраться. После чего почему-то почел себя избранным, которого Та сторона выбрала, дабы сокрушить Темную Императрицу. Сокрушить не вышло, а удивить и навести на мрачные мысли очень даже. Только новой бреши им тут не хватало. Почему их в последнее время лезет все больше?

Подстегиваемый наркотиком мозг работал плохо. Повелительнице Магии нужно рухнуть в постель и проспать несколько часов, а лучше суток.

— Ваша Светлость, это ждет, вам нужно поспать.

И этот туда же, совесть Империи. И нянечка Императрицы.

— Шаоми, ничего со мной не случится.

— Ваша Светлость, я провел шестнадцать лет, врачую заключенных в трудовой колонии. Некоторые из них выглядели лучше, чем вы. Разбудите принца Альберта, пусть займется этим. В конец концов, это и его проблема тоже.

— Принц Альберт...

Принц Альберт идиот, способный запороть любое дело, которое ему поручишь. Милый, славный идиот, ее любовь и ее младший братик.

— Принц Альберт не справится с этой магической хренью. В конце концов, он не великий маг.

— А вы справитесь?

— Я всегда справляюсь.

Доктор обреченно вздохнул.

Повелительница Магии, как всегда, предпочитала решать проблемы сразу. По ступеням замка вслед за Констанс спускались два бородатых кадобы из клана огня, Императорская гвардия, самые преданные ее соратники. Будь власть Императрицы столь безгранична,

чтобы она могла распорядиться со своей персоной, давно отослала бы кудахтающих над своей Великой Матерью телохранителей заниматься делами более насущными. Увы, владычица Иссиана не принадлежит себе. Народ и придворные не поймут, если Хранительница Щита и Меча будет шляться без охраны, а Шаоми и вовсе хватит удар. Вот он, семенит рядом, не пожелал отпустить Императрицу одну. Действительно, вдруг ненаглядную подопечную засосет болото или насмерть заест комар.

Показались двери парадного входа. Вот двери ей не нравятся, прямо-таки бесят. Высокие, узкие. Ничего, перестроим.

Лофт спустилась во двор и направилась к конюшням. Трость стучала по камням. Наследие тех не столь давних времен, когда Повелительница Магии не шла к светлому будущему, а, скорее, туда хромала. Иссиан, снедаемый религиозными распрями и медленно хиреющий под убогим правлением старого, устранившегося от дел монарха, сдался не так легко, как она предполагала. Вороны расклевывали трупы, земля стала мокрой от крови, а молодую великую колдунью, ведущую армию магов наполовину с бандитами, Альберт вытаскивал на себе с поля боя. Говорят, когда брат увидел ее раны, его стошнило, но он подхватил ее на руки и потащил. Ее смелый, ее преданный Альберт. Тогда они готовы были умереть друг за друга. А теперь?

Чтобы поставить ее на ноги, лучшим целителям потребовалась неделя, и в три раза дольше передвигаться приходилось не иначе как с тростью. Раны затянулись давным-давно, но Повелительница Магии полюбила ощущение твердого дерева в руке. К тому же, тростью так удобно драться. Особенно, когда внутри спрятан узкий цидамирский меч.

— Поедем верхом? — напомнил о себе доктор. Констанс вздрогнула. Не время предаваться воспоминаниям, сражение за Иссиан позади, как и многое другое. Сейчас у нее впереди великая битва за болото. — Ваша Светлость, вы с ног валитесь. Хотите себя угробить, так откройте портал хотя бы.

— Успокойся, Шаоми. Ты, как врач, должен знать, что свежий воздух благотворно влияет на здоровье. Тут скакать-то двадцать минут. А от порталов у меня голова болит.

— Великая Мать, — вякнул с другой стороны разукрашенный татуировками Даа-Марис. — Почтенный доктор прав. Мудрость в его словах, печалятся сердца наши, когда вы изнуряете тело свое. Вы совсем себя не бережете. — Его младший и чуть менее татуированный брат Азу-Каан согласно закивал. Они что, все сговорились?

— Беречь меня — твоя забота, а не моя, — отрезала Лофт.

— Ваша Светлость, — вновь нарисовавшийся Норман отеснил оторопевшего от ночного визита конюха передал ей поводья. Отлично, шутника тоже прихватим с собой. Должен же кто-то разбавлять сие кислое общество.

Констанс сунула трость за пояс и запрыгнула на коня. Только бы не свалиться от усталости.

Город. Унылый и серый, как нытье Шаоми об отдыхе и здоровом образе жизни. Ах, прошу прощения, страна, насчитывающая один город и три с половиной деревни. Очередной город, сдавшийся без боя, где кто-то ее любит, кто-то ненавидит, но каждый вынужден взирать на славную Императрицу с приклеенной к лицу улыбкой. Сколько из этих лыбящихся втайне пьет за то, чтобы госпожа Лофт сдохла в мучениях? Должно быть, много. Впрочем, сейчас лыбиться особо некому, ночь.

У города было лишь одно достоинство: он быстро закончился. Патруль у ворот вытянулся и отдал честь. Госпожа куда-то собралась среди ночи, не спит, радеет за

Империю. Впору прослезиться.

Болото обнаружилось в лесу, где же еще ему быть. Точнее, в скоплении куцых деревьев, отчаянно пытающихся лесом стать. Обычное такое болото, вонючее, с комарами. И лягушки в нем обычные, и рогоз обычный. В нескольких милях к реке вяло тлеет самая обычная война. Ничего особенного.

Констанс спешила и подошла к топи вместе с огнетворцами. Ничего особенного, только неясное чувство тревоги и низкий гул в ушах. Плавающий мозг, кажется, зарождающийся прямо в голове. И беспокойно ржущие, стучащие копытами кони. Это она. Брешь.

Кадоби тоже это почувствовали. Огромные, покрытые татуировками маги с заплетенными в косы иссиня-черными волосами встали по бокам от нее.

Дыры между мирами надо закрывать. И чем раньше, тем лучше, пока оттуда не вылезла клацающая клешнями нечисть или что-то похуже. И закрывать их способны лишь три объединивших усилия высших колдуна.

Втроем они взялись за руки. Полилось заклинание, сложное и длинное, на древнем забытом языке. Мир словно подернулся рябью, замерцал красными всполохами. Брешь сопротивлялась, словно живое существо, они всегда сопротивляются. Брешь, открытая демонами, мечтающими заселить наш мир и уничтожить. Дыры между мирами надо закрывать, потому что...

Кровь. Кровь в реке, багровеет небо, кто-то кричит, кони встают на дыбы. Отрубленные головы падают с неба, катятся в грязь, искаженные лица, глаз нет, из глазниц выползают змеи.

Бьет колокол, горит город. Черной крылатой тенью мир накрывает большая война. Война, которой никто не хотел, война, в которой никто не победит. Бьет колокол...

Кто-то падает с башни, кто-то очень важный. Падает, и вслед за ним, искрясь на солнце, летит сломанная корона. Бьет колокол...

Шаомере. Даа-Марис. Азу-Каан. Этого нет, это морок, будущее, прошлое, неважно. Ты на болоте, проклятом болоте и тебя затягивает в магическую ловушку. Туда, откуда не вернуться.

Назад. Надо идти назад. Почему так раскалывается голова? Назад...

— Ваша Светлость!

Небо наверху, грязь внизу, руки судорожно сжимают какую-то кочку. Рот заливают горячее и соленое. Последнее, что она помнит: надо идти назад. Надо ползти, судя по тому, что она на земле. Художника бы сюда: великая Императрица на этот раз не хромает, а ползет к светлому будущему.

— Ваша Светлость, вы в порядке?!

Бедняга Шаомере сейчас расплачется. Вот ведь доктор, всегда стыдно перед ним, когда лезешь в какую-нибудь авантюру.

— Великая Мать. — Теперь рядом с ней опускается Даа-Марис. — Вы рухнули наземь, подобно камню. Что случилось?

Лофт с трудом поднялась.

— Вы закрыли эту... магическую хрень?

— Да. Что с вами?

— Ничего особенного. Голова закружилась. Поедемте, надеюсь, к завтрашнему дню ткань реальности здесь больше не порвется.

Повелительница Магии все-таки уснула. Доползла до императорских (бывших королевских) покоев и рухнула на кровать. А поутру обнаружила Альберта, злого, как тысяча демонов и Иерам в придачу.

Принц уже успел облачиться в расшитый золотом алый камзол и натянуть положенную наследнику престола диадему. В отличие от сестры, прозванной Темной Императрицей за любовь к практичным черным одеждам, Альберт демонстрировал свое величие там, где надо и не надо. Впрочем, несмотря на все старания, великим он все равно не выглядел. Интересно, а какой вид у нее после ползания по земле и стольких бессонных ночей? За ворота выйдешь, люди испугаются.

Констанс откинулась на роскошные подушки и закрыла глаза. Вот что приходит по утрам к тем, кто злоупотребляет хараша — пустота и тупая боль в висках. И разобиженные родственники.

— Ну? Выскажешься или будешь дуться молча?

Не стоит так говорить, но ее все достало. Свет, как ее все достало.

Альберт сжал кулаки, задохнувшись от возмущения. Так он делал в десять лет, когда сестра отбирала у него игрушки и заставляла заниматься прикладной магией. Ветки или шишки, если быть точной, какие еще игрушки могут быть у детей, скрывающихся в лесу. Отец, покуда был жив, багровел по поводу и без, и вся его гневливость передалась сыну. Маленькая Констанс, напротив, с детства удивляла всех вокруг хладнокровием и рассудительностью. Единственным человеком, способным вывести ее из себя, был младший брат. Прошла вечность, ничего не изменилось.

— Дуться?! Это ты называешь дуться?! Ты поперлась среди ночи в лес, не разбудив меня, не сочтя нужным предупредить, чуть не погибла, а утром никто из твоей свиты не соизволил поставить меня в известность, где ты шлялась! Если бы не кудахтанье Шаома, я был бы до сих пор уверен, что ты спала всю ночь!

Уверен он. Пока я занималась делом, твоя уверенность дрыхла вместе с тобой. Нашим общим делом, между прочим. А в благодарность я еще и вынуждена с утра выслушивать твоё нытьё.

— Я не сплю всю ночь уже очень давно, и тебе это известно, — зло бросила Констанс. — И, если бы ты чувствовал чуть больше ответственности за Империю, ты делал бы тоже самое. И, возможно, был бы в курсе, чем занимается твоя сестра.

— И что же мне сделать? Держать тебе свечу, пока ты подписываешь свои мудрые указы? Таскать за тобой тросточку? Ты же не допускаешь меня до государственных дел, ты же знаешь все лучше всех!

Разумеется, не допускаю, к управлению этим государством ты имеешь не больше отношения, чем де Лантор-младший к власти над Танаиром.

— Занятие бы нашлось. Проехался бы по городу с патрулем, развеялся.

Брат вдарил кулаком по подушке, ткань разошлась, полетел пух. Жаль, хорошая была подушка.

— Я принц, а не солдат!

— Само собой, от солдат пользы больше, они что-то делают.

— Ты...

Альберт вскочил, на этот раз досталось стулу. Врезавшему в стену и закончившему свое

существование. В целом виде, по крайней мере. Надо собрать получившиеся обломки и выставлять в приемной с подписью: «Трудности родственных отношений». Глядишь, зародится новое направление в искусстве.

— Да как ты смеешь! Я был с тобой с самого начала, выхаживал тебя, когда ты кашляла кровью, поверил в твои безумные идеи по освобождению мира, а теперь ты говоришь, что от меня никакой пользы! Я принц...

— Именно, ты всего лишь принц! Не забывай об этом.

Альберт дернулся, как от удара. Бесится. Давно уже бесится, что из двух родившихся много лет назад в деревне близ Тафира колдунов великим магом оказался лишь один, второй всего лишь высшим. И что лишь один из них способен взвалить на себя бремя правления.

— Ну разумеется, я всего лишь принц, куда уж мне больше. Ты у нас благородный правитель, великий завоеватель и могучий колдун, а мое дело слушать твое нытье и развлекать тебя в постели. Куда уж мне лезть в дела Империи.

— Я была бы бесконечно благодарна, если бы ты обратился к делам Империи хоть раз, — процедила Констанс. Еще слово, и она на него наорет. Прекрасно понимая, что не надо. В очередной раз.

— Да неужели? К тем делам, которые считаешь важными ты? Так, как хочется тебе? Ты знаешь, что распевают твои солдаты, когда думают, что их никто не слышит:

Армия сидит в окопах,  
Дрыхнет Альберт кверху жопой.

Они ни во что меня не ставят, и знаешь, почему? Потому что ТЫ меня ни во что не ставишь. Любое решение, любую идею, которую я пытаюсь предложить, ты отвергаешь и делаешь по-своему. А у меня в ТВОЕЙ Империи роль собачки на привязи, которая ходит за тобой и исполняет приказы. Я, второе лицо Империи...

— Ты — украшение Империи! — заорала Констанс. Ярость все-таки затопила непроснувшееся сознание. На все: на эту шаморову реку, на войну, которая так красиво начиналась и так незаметно стала никому не нужна, на Аскольда, подписавшего себе приговор по собственной дури, на усталость, на идиота-Альберта, вздумавшего качать права. Обязанный ей всем мальчишка, которому вдруг тоже захотелось править. — Второе лицо у нас Шаоме, третье — Сафим, не обольщайся. А ты — украшение, не умеющее ни править, ни сражаться, которому повезло, что рядом есть сестра. Да от Тибольда толку больше! Твои идеи!? Да каждый раз, когда ты пытаешься сделать что-то самостоятельно, мне приходится разгребать последствия! Помнишь, что было два месяца назад? Когда мы еще не доползли до этой шаморовой Файизины и торчали лагерем посреди поля? Меня не было сутки, а ты за это время успел спалить деревню. Деревню, которая была нам нужна целой! Послал Алых Всадников на крестьян!

— А ты забыла, что они про нас распевали?

— Да плевать, что они распевают! Пусть хоть соберутся в кружок и орут частушки, мне все равно. Они поставляли нам фураж, Альберт! Фураж и еду. А ты все это сжег. Мог бы высечь пару человек для острастки, но нет, тебе захотелось продемонстрировать величие Иссиана. Разделаться с необычайно страшными и опасными врагами Империи, которые наверняка и читать-то не умеют. И вместо амбаров, полных зерна, мы получили пепелище, а вместо крестьян, которым было наплевать, кому платить налоги — гору трупов и кучку озлобленных партизан, ушедших в леса и пытающихся забить кольями любого, кто к ним сунется.

— Ты все перевираешь, Констанс. Я их не поджигал, пожар начался случайно.

— За случайности я вешаю, Альберт. Солдат и даже колдунов. Радуйся, что для принца делается исключение. Но не думай, что промахи принца спишутся так просто. И забудутся. Воины Империи — не жестокие монстры, и я не позволю тебе порочить Алое знамя.

— Не говори мне о жестокости, Тафирская Ведьма.

Теперь дернулась Констанс. То из ее многочисленных имен, которое она предпочла бы забыть.

— Не смей меня так называть. Я больше не она.

— Да, и это прискорбно. Будь ты такой, как десять лет назад, мы бы давно уже поставили север на колени. Ту женщину боялись, пред ней трепетали, а теперь ты превратилась в тень самой себя с кругами под глазами. Вечно уставшая наркоманка, не способная принять ни одного жесткого решения. Почему мы до сих пор не объявили этим варварам войну, Констанс?

— Потому что, Альберт, войны желают лишь молодые идиоты вроде тебя.

— Все ее желают, Тафирская Ведьма. Ты обещала освободить весь мир, привести Империю к величию, так веди же! Или ты состарилась?

Принц Альберт жаждет величия. Что ж, она знает, что такое величие. Величие — это колодец. Жадный пустой колодец, засасывающий все, что в него попадает. Там на дне сдохли и разложились два дрожащих одиноких ребенка, мечтавшие стать полководцами великой армии. Там на дне сдохла и разложилась их любовь.

— Я устала, Альберт. Иди развейся.

Брат круто развернулся, пнул кресло и вышел. Минуты не пройдет после смены караула, как гвардейцы у дверей побегут рассказывать всем и вся, что принц и Императрица опять друга на друга орали. Впрочем, это уже не важно. Всем давным-давно известно, что между ними нет единства.

Лофт со стоном поднялась с кровати. Лимит скандалов на сегодня исчерпан, пора заняться государственными делами. Ну или хоть какими-нибудь.

Какие-нибудь дела ждали этажом ниже. Констанс помассировала виски, заперла дверь и направилась вниз по лестнице. С императорскими покоями соседствовал кабинет. Кабинет Императрицы, где на столе вечно покоилась стопка донесений и неподписанных указов, куда дозволялось заходить лишь Шаоме, Альберту и еще несколькими избранными. А прямо под ним располагался еще один, кабинет колдуньи. Сюда хода не было никому.

Лофт сухо кивнула брату Оббиду, спускаясь по ступеням, тот склонился до земли и приложил руку к панагии. Священник-то зачем здесь шляется в такой час?

Из шкафов почти валялись колдовские гримуары, они же лежали и на столе. На веревках сушились травы, валялись мышинные шкурки и жабы лапки. Амулеты, обереги, руны огня, земли, льда и неба. Исчерканные ее неровным почерком и смятые старые пергаменты и свитки. Лишь малая часть того, что нужно для работы Повелительнице Магии. Повелительнице четырех стихий.

На стене висела большая карта мира, исчерканная ей в порыве веселья. Поверх старательно выведенных картографами наименований было крупно намалевано: «Наша великая и прекрасная Империя», «Наш доблестный и благородный союзник Цидамир» и «Наша злые и невежественные враги».

Констанс скрестила ноги в центре нарисованной на полу пентаграммы. Восемь свечей разом вспыхнули вокруг. Замерцали нанесенные на стены руны.

Де Лантор-младший прыгал бы от радости. Темная Императрица не только убийца, колдунья, наркоманка и спит с собственным братом, она еще и демонолог. Какую роскошную пропаганду можно состряпать.

Мир подернулся красной пеленой, расплылся. Стало муторно и тревожно. И все исчезло.

Солнце светило над головой Императрицы. Серое солнце.

Серая дорога, серое небо, серый бесконечный лес. Серое платье на ней, серые руки стягивают пояс. В Междумирье нет цветов.

Серая фигура с блестящими глазами, с лицом, изуродованным шрамом.

— Радомат.

Голос звучал глухо, словно его источник накрыли чугунным тазом.

— Фаирасис, — почтительно поприветствовала она демона.

А это не придет в голову даже де Лантору: Констанс умудрилась заиметь друга на Той стороне. Если, конечно, вообще возможно дружить с демоном.

Почему именно Радомат и что это значит, Констанс не спрашивала. Надо же, всего тридцать лет на свете, а уже обзавелась таким количеством имен.

— Что привело тебя сюда, Радомат? Говори быстро, пока Страж не явился.

Высокий худой силуэт, облаченный в тогу, острые уши, блестящий ряд острых зубов. Живая иллюстрация основного вывода, сделанного Констанс о мире: монстры крайне мало отличаются от людей.

— Мне было видение, когда я закрывала брешь. Странное видение о том, как головы падают с небес и горит город. И про человека, падающего с башни, а следом за ним летела сломанная корона. Я хочу понять, что оно означает.

Демон помолчал, переминаясь с ноги на ногу. За деревьями что-то двигалось. Констанс показалось, будто она слышит голодное шипение.

— Будущее туманно, а вестники его не ходят прямыми путями, Радомат. Не стоит воспринимать видения буквально. Возможно все, что ты видела, всего лишь символ.

— То есть, головы не полетят и никто ниоткуда не грохнется?

Демон пожал плечами.

— Увы, тут я тебе не отвечу. Может, это всего лишь означает конец чей-то власти в вашем мире. А может быть, и нет.

— Вы же видите будущее.

— Не всегда, Радомат. Не полно. Не точно. И не твое.

В лишенном цветов мире что-то переменялось. Резко и зло подул ветер. Твари за деревьями бросились врассыпную, их силуэты мелькнули и исчезли вдалеке. Констанс рухнула на землю. В небесах показался длинный, похожий на дракона из сказок, силуэт.

Страж. Страж границы между мирами, следящий, чтобы такие, как она, не шастали здесь, когда им вздумается. Прошлый раз ты еле сбежала от него живой и наивно решила, что, если приходить и уходить быстро, тварь тебя не почует. Что ж, ты была не права.

Констанс перестала дышать. Тварь рыскала в небе, шипела, принюхивалась. Лофт знала, что Страж не видит, только слышит. Слышит все, даже биение сердца.

Надо сотворить заклинание, но она не успеет. Не успеет даже поднять руку, монстр сожрет ее в мгновение ока, как сжирал всех тех глупцов, что осмеливались заглянуть в Междумирье. Но, если лежать пластом, ее точно найдут и сожрут. Значит, осторожно. Очень осторожно...

Медленно, по миллиметру, Констанс согнула пальцы. Сложила их в причудливую фигуру. Осталось проговорить заклинание, и серый мир исчезнет, она снова окажется в своем кабинете. Три слова. Всего лишь три слова...

Тварь дернулась и с визгом ринулась к ней.

Лофт перекатилась, спасаясь от клацнувших у самого уха зубов. Ну вот и все, теперь спасения нет, ты доигралась с потусторонней силой. Вот и конец Темной Императрицы.

Тварь уставилась на нее, и тут из-за спины раздался вопль.

Фаирасис орал, отвлекая Стража на себя. Монстр развернулся и с воем кинулся на звук. Свет, да она действительно подружилась с демоном.

Надо уходить. Уходить и бросить демона, который за каким-то Шамором ради человека, да к тому же далеко не лучшего, решил пожертвовать собой, на растерзание.

Лофт глубоко вздохнула и послала болевое заклинание. Самое сильное из тех, которые она знала.

Страж дико завизжал, воздух вокруг него за клубился. Лофт сложила пальцы и вонзила иглу боли в то, что должно было быть головой. Демон благодарно взглянул на нее и растворился в воздухе. Под верещание твари Констанс сделала пасс рукой и пропала. Голову пронзила страшная боль, колени ударились о пол.

Несостоявшийся корм твари из потустороннего мира поднялся и протер глаза. Из носа хлестала кровь.

\*\*\*

Болотце стоило все-таки проверить лично. Редко бреши открываются вновь, и все же такое случается. Особенно, когда один из запечатывающих их колдунов вдруг падает на землю.

У болота радостно орали бравую песню. Ту самую, про Альберта. При виде Императрицы отряд вскочил и заткнулся с достойной восхищения скоростью. Похоже, топь никого больше не засасывает.

— Похабных песен не петь, высеку, — предупредила Констанс. — При неистовом желании разрешается петь похабные песни про меня, ибо сила и могущество мои столь велики, что стихосложению их не поколебать. Но не про членов императорской семьи.

— Про вас мы ни в жизнь не будем, Ваша Светлость, — открестился Норман. — Светом клянусь.

— Тогда придумай про Иерама. И для боевого духа полезно, и талант не пропадет.

Норман радостно заржал.

— А у меня есть! Шел по полю Иерам, а в руке держал стакан!

— Гениально, — одобрила Констанс. — Войдет в анналы армейского фольклора.

Растущие по краю топи кусты-недомерки охватывал вытащенный неизвестно откуда грязный канат. На канате болталась доска с намалеванной огромной надписью: МАГИЧЕСКАЯ ХРЕНЬ, НЕ ВХОДИТЬ.

— А это что?

— Огородили, как приказали, Ваша Светлость, — лыбился во все зубы Норман.

Лофт только махнула рукой. Требовать наличия мозгов от подчиненных Императрицы, которая за неполных два дня умудрилась по доброй воле дважды чуть не погибнуть, было за гранью разумного.

\*\*\*

Брат сидел на кровати. Грустный и усталый, как и она сама. Бесконечно любимый.



— Альберт.

Брат не ответил.

Лофт подошла и тихо села рядом.

— Альберт, прости меня. Я не должна была так говорить.

Констанс осторожно взяла брата за подбородок и повернула к себе. Он продолжал молчать. Лофт знала это выражение: упрямый взгляд, поджатые губы. Альберт никогда не умел признавать свои ошибки, в этом Шаоме прав.

— Я просто устала. Мы все устали. Дай мне заниматься своим делом, вот и все. И мы построим лучший мир, прекрасный мир, где людей не поднимают на вилы за то, что они могут исцелять раны магией. Мир для всех. Для нас с тобой...

— Ты больше в это не веришь.

— Верю. Я больше не верю в то, что мы сможем захватить весь мир только потому, что умеем колдовать. Теперь я верю в другое: в еду для солдат и фураж для лошадей.

Альберт вывернулся и положил голову ей на колени. Теперь брат смотрел сестре прямо в глаза.

— Если мы строим новый мир, тогда почему мы второй месяц торчим в замке у этой Шамором проклятой реки? Раньше бы ты форсировала ее, не задумываясь. Потому что ты изменилась, Констанс. Мы хотели стать великими завоевателями, властелинами мира. А в итоге ты стала мещанкой, трясущейся за каждый пуд зерна, а я никем.

— Ты не никто! Ты мой брат, моя любовь, мой мир и мое солнце. Ты все, что у меня есть. Все, что важно... Помнишь, как мы мечтали сбежать? Далеко-далеко. Поселиться где-нибудь в домике на краю земли, чтобы я пряла, а ты охотился. Где нас не найдут и не сожгут...

— Нас везде найдут, Констанс. Впрочем, — брат зло усмехнулся, — мы особо и не прячемся. И сами можем сжечь кого угодно.

Альберт потянул ее на себя, и Констанс с готовностью упала на кровать. Как давно они уже не любили друг друга? Неважно, сейчас они вместе, сейчас все будет самозабвенно и нежно, все будет, как раньше. Когда война еще не вбила между ними клин, когда во всем мире существовали только они и их любовь. И будут существовать. Это всего лишь мелкие ссоры, им просто надо отдохнуть. И все будет по-старому. Все будет по-старому...

;

## Глава 5

Небо было скверным. Темное, беззвездное, какое-то плаксивое, готовое вот-вот разразиться очередным дождем. И ветер скверный: злой, холодный, совсем не весенний. Да и все здесь скверное, если подумать. Проклятый город.

Говард подул на замерзшие руки, натянул перчатки. Приказ тоже скверный: торчать на кромке леса среди ночи, в холоде, в темноте, без еды и нормальной выпивки. Патрулировать. От чего, спрашивается, патрулировать? Монстры сюда не заходят, а что до остального, даже безнадежно чокнутый Трехпалый не рискнет подойти так близко. Город должен быть под надежной защитой, говорил Рёгнер, попивая пиво, и по красному лицу его расплзалась ехидная улыбка. Даже ночью, особенно ночью. Радуйся, я оказываю тебе честь этим назначением. Честь, как же, просто много лет назад Иза предпочла меня, а ты тогда еще не был наместником, чтобы принудить ее силой. Девушка давно уже в могиле, а ты все еще злишься, старая ты свинья. Честь он мне оказывает. Гребаный наместник, гребаные колдуны, гребаный холод, гребаный Тан-Фойден.

В темноте было уныло и тихо, как на пустом кладбище. Половина из дюжины патрульных, должно быть, клевала носом, у Говарда не поднималась рука их будить.

Тихая мерзкая ночь. Тихая...

— Эй!

Говард вздрогнул от неожиданности. Оклик был негромким и доносился неизвестно откуда. Говард завертел головой. Темнота и пустота, кроме его испуганно озирающихся, расталкивающих спящих солдат, нет никого.

— Эй! — теперь с другой стороны. Голос звучал почти дружелюбно. Говард резко обернулся, и тут оклик словно раздробился на множество осколков, и эти осколки посыпались отовсюду. Слева, справа, сверху, снизу, словно из-под земли.

— Эй, эй, эй, эй, эй!

Говард потянулся к мечу, затравленно озираясь. Нет. Нет, нет, нет, они не могут, они никогда не подходили так близко. Он не...

— Что ж, выбрал ты дорогу на восток, лишь мрак и боль тебя там ожидают, — продекламировал все тот же голос из темноты. Кто-то из солдат вскрикнул, кто-то стиснул рукоять меча. Говард выхватил арбалет и наложил болт на тетиву. Где, где эта тварь?

Невидимка засмеялся. Тихо, беззлобно, и смех снова зазвучал отовсюду. Говард пальнул в пустоту.

— Увы, рука твоя дрожит, неверный, в цель не попасть и с десяти шагов.

Что-то зашуршало в ветвях, совсем не там, откуда только что декламировали стихи. На землю спрыгнул изящный силуэт. Говард выхватил второй болт и почувствовал, что вот-вот обделается от страха. Он знает, кто, убивая, говорит стихами.

— Что ж, прелюдия закончена, объявляю акт первый. Колдун презренный, темной силой наделенный, он монстров вызывает из земли!

Сапоги Говарда вдруг ушли в землю. Лейтенант заорал, заметался, отчаянно пытаясь вытащить ноги, не в силах оторвать глаз от темной фигуры под деревом. Фигура развела руками, словно извиняясь.

— Простите за эту маленькую вольность, но мне так хочется с вами пообщаться, жаль будет, если вы лишите меня своего общества. Ах, вы же меня не видите! Как неучтиво.

В воздухе перед колдуном вспыхнул шар света. Высокий мужчина, облаченный в изысканные одежды от лучших портных Серсты. Породистое лицо, кривящееся в ухмылке. Абсолютно садистской.

— Не переживайте, почувствуйте себя как дома. В конце концов, вы у себя в городе привыкли к огню, на площади почти каждый день кого-нибудь сжигают, верно? — Огненный шар подплыл к Говарду, он почувствовал его жар. — Или, быть может, вам привычнее так? И лишь одна свеча мерцала в той жадной тьме, что нас ждала! — продекламировал маг, раскинув руки в театральном жесте, и шал распался на множество маленьких свечек, заскользивших между солдатами. — При свете свечи вы обычно пишете доносы, верно?

Доносы. Доносы... Белое лицо. Абсолютно белое лицо кузнеца, привязанного к столбу. Столбу, под который заботливо подкладывали охапки хвороста. Я терпеть не мог этого уродя, я где-то услышал, что он тайно помогает колдунам Аскольда, передал Рёгнеру, но ни на секунду не верил, что это может быть правдой. Так этот мудака, этот избивающий собственную жену боров и правда... И теперь огнетворец решил отомстить за своего, уж этим он славится. Но как он узнал? Как?!

Говард стоял, не в силах пошевелиться, не в силах оторвать взгляд от паясничавшего чудовища. Никто из солдат не проронил ни слова, никто даже не поднял арбалет. словно неведомая сила лишила их способности двигаться и говорить. Впрочем, может, так оно и есть. Все они покойники, покойники так же верно, как если бы уже лежали в земле.

— Ты пришел за мной, — выдавил Говард.

— Какая догадливость, — ехидно усмехнулся колдун.

— Так отпусти их, — прохрипел Говард. — Я написал донос, но эти люди не виноваты.

Колдун уселся на землю, вытянув ноги. В руку ему, приплыв прямо по воздуху, легла неведомо откуда взявшаяся бутылка вина. Огнетворец медленно сделал глоток, с интересом наблюдая, как Говард пытается двинуть непослушной рукой, заставить пальцы сжаться на арбалетном болте. Так смотрят злые дети на тщетные попытки убежать жука, которому сами же оторвали лапки.

— Не виноваты? — наконец вкрадчиво произнес колдун. — О, разумеется, никто из вас, господа, никогда не вел на эшафот ни одного колдуна, никогда не подкладывал хворост в костер. И никогда не смотрел, как он горит. Большая потеря, зрелище более чем эффективное. Но я это исправлю.

Они заорали все разом. Двенадцать факелов, двенадцать корчащихся в агонии людей пылали, не в силах сдвинуться с места. Все, кроме Говарда.

Оцепенение вдруг спало. Рука освободилась, но Говард забыл про болт, забыл про арбалет. Он не мог оторвать взгляд от попивающего вино чудовища, с ухмылкой разглядывающего горящих заживо людей.

— Вы можете попытаться меня убить, — светским тоном заметил Аскольд.

Говард не шелохнулся.

— Ну же, давайте, лейтенант. Многие мечтают о такой возможности.

Говард согнулся пополам, закашлявшись от вони горелой плоти, трясущимися руками попытался наложить болт на тетиву. Тот упал на землю.

Колдун грациозно поднялся, поднял болт и учтиво протянул его Говарду.

— Где ваша выдержка, лейтенант? Ну же, давайте. Убьете меня и покроете себя неувядаемой славой. Просто взведите арбалет и выстрелите, чего проще.

Говард стоял неподвижно. Колдун улыбался. Дрожа, лейтенант попытался приладить болт на тетиву. Не так, не так, успокойся, да наложи ты его, наконец! Навести прицел, Шамор, как трясутся руки, он промажет, даже если ему дадут выстрелить. А вдруг колдун и правда сошел с ума? Вдруг он уверовал в собственное бессмертие? Может, знаменитый террорист и убийца решил умереть, покончить со всем этим? Умереть и оставить его мучительно подыхать, вросшим в землю, от клыков диких зверей в окружении обугливающих солдат, вполне в его стиле. Впрочем, может, его успеет найти следующий патруль. Прицелиться в живот, так больше шансов хоть куда-нибудь попасть. Вот он сидит и не двигается, Говард, соберись, осталось выстрелить и...

И в этот момент Говард вспыхнул.

\*\*\*

— И стали они после танцы бесовские плясать и в зверей оборачиваться. И после каждого раза, значит, одной девке горло резать да кровь пить. Тут глядь, стоит кто-то на поляне. В капюшоне, лица не видать, да только такая благодать от него исходит, что присмирели колдуны да убоялись. А он капюшон откидывает да в центр выходит и не страшится. Смотрят, а это дева, станом округла, лицом прекрасна, да сразу к девкам

бросается, развязывает да плачет. И такая в том сила была, что не посмели тронуть ее шаморовы отродья. А она людей собой закроеет, да как начни проповедовать. Не знаю, что уж она говорила, только на следующий день ушли они. Встали и ушли, как есть говорю, а в деревне с тех пор мир воцарился. Может, и нам поможет добрая госпожа, усмирит Аскольда и его банду.

— Ты убирай курятник, сынок, убирай, — посоветовал Ринс. — Полезнее, чем сказки про баб пересказывать.

— А я слышал, что она по воде ходила и что хер вялый исцеляет одним своим видом, — вклинился младший сын. — И что страсть какая красивая.

— Ну, ежели красивая, про хер, может, и правда, — хохотнул Ринс, ловко отгоняя пинком сунувшуюся к нему курицу. — Только никто нам не поможет, сгорим все и дело с концом.

— А я все равно верю, выгонит Вокара этих поганцев. Эх, взглянуть бы на нее.

\*\*\*

Девка была молодой. Куталась в плащ с капюшоном, тщетно пытаясь показать, что дождь и холод ее не волнуют. Инспекция из столицы пожаловала навестить Тан-Фойден, каждую секунду грозящий загореться в прямом и переносном смысле, ежа ей в портки. Де Лантор то ли упился, то ли сдурел на старости лет, послав в этот гадюшник девчонку, способную только пищать о мире во всем мире да хлопать ресничками. Впрочем, может, старик не так глуп, просто разочаровался в своей протезе и решил от нее избавиться.

— Это и есть тот самый Тан-Фойден?

Лар сплюнул бы, если бы осмелился. Глупый вопрос, глупая баба, от которой никакой пользы, но явно будет много проблем.

— Да, добрая госпожа.

Еще тридцать лет назад кто-то умный посадил у ворот сосны. Аромат хвои перебивал вонь сточных канав, а вместо вечной расплывшейся грязи гости города могли любоваться идиллическим видом деревьев. Летом на соснах росли такие же идиллические шишки.

Теперь на флористической гордости Тан-Фойдена поспевали другие плоды — каждое дерево украшало тело повешенного, нелепое и раздувшееся, как бурдюк с вином.

— Кто это?

Те, с кем мы воюем, курица ты безмозглая.

— Мы перевешали несколько десятков сочувствующих, добрая госпожа. В назидание банде Аскольда.

— И как назидание, удалось?

Не удалось, но признавать перед тобой я это не собираюсь.

Каменные стражи мрачно взирали на них с высоты. Абсолютно одинаковые бородатые воины, сжимающие в одной руке меч, а в другой — щит. Безмолвные и неподвижные, как и положено камню. Заступники, охраняющие город Тан-Фойден, проклятый город, город-крепость. Воздвигнутые в те темные времена, когда молодой и гордый Танаир вел бесконечные войны с Серстой за каждый поросший лишайником клочок земли, и кровь смешивалась с грязью, а трупы становились поживой ворон. По легенде, какой-то древний и могучий маг заточил души воинов в камень, дабы те вечно стояли на страже города, отгоняя зло. Стражи оказались вопиюще некомпетентны. Чего-чего, а зла в Тан-Фойдене предостаточно.

Копыта лошадей месили грязь, дождь лился за воротник. Скорей бы сдать дурищу

наместнику и домой, а эти двое пусть разбираются друг с другом. Будет вопить Якобу о трупах невинных, разжигании ненависти, и что мы сами во всем виноваты. Хотя девка и тупа, как молочный поросенок, но за ней сила де Лантора, а это не хрен собачий. Интересно, кто кого сожрет, столичная фанатичка или вечно пьяный ворюга? Как бы ни было, хорошим это для города не закончится.

Дождь загнал горожан под крышу, но некоторые все же вылезли поглазеть на высокую гостью. Как же, Вокара. Легендарная Вокара, безумная бродячая проповедница, одними лишь увещеваниями прогнавшая чернокнижников из Варна. Прославившаяся настолько, что сам де Лантор взял бродягу под крыло и приставил к делу.

На главной площади даже собралась небольшая толпа. Как всегда, горожане пялились в магокамень, по которому непрерывно крутили пропаганду. Оставшиеся от дошаморовой эпохи артефакты приспособили к делу сразу же, как только прошел слух об идущей с юга армии. Тощий тип с козлиной бородкой надрывался, подробно расписывая, как, где и в каких позах Императрица-ведьма предается греху с собственным братом, подпрыгивая на особо пикантных моментах. Народ одобрительно гудел, но до популярности де Лантора типчику было далеко. Видать, у канцлера действительно кончилось всякое терпение, если он засадил сыночка и лишил себя столь ценного инструмента в информационной войне. Хотя чему удивляться, слухи о выходках мальчишки долетали даже до Тан-Фойдена.

Иодаранец в драной рясе пытался проповедовать, но слушали его неохотно, светская пропаганда оказалась намного интереснее религиозной. Еще бы, куда призывам покаяться и посыпать голову пеплом против императрициных сисек.

Носящаяся вокруг ребягня нестройным хором пищала популярную песенку:

Жить в Тан-Фойдене попробуй:

К лесу мордой, к миру жопой.

Вот уж правда, к миру жопой. Торчат на краю королевства наедине с чудовищами и свихнувшимися колдунами, запершись за воротами, а король посылает им в помощь не армию, а глупую девчонку, ежа ему в портки.

Якоб Рёгнер, слыханное ли дело, стоял на крыльце, скрестив руки. То ли решил продемонстрировать, что признает высокое положение гостьи, то ли не терпелось увидеть, кого еще им Шамор подсунул. Лар обменялся с господином выразительным взглядом. Взгляд означал: дерьмо собачее подсунул, но надо терпеть.

\*\*\*

По скособоченной роже Лара за версту было понятно, что девка ему не нравится. Якобу она не нравилась еще больше. Столичных индюков в его городе не ждут и не любят, а индюшек тем паче. Тем более эта субтильная тля и на индюшку-то не тянет, так, курица ощипанная.

Ужинать бродячая проповедница не пожелала, потребовала сразу переходить к делу. Но к камину все же уселась. Как же, мирское и нам не чуждо.

— Кириан, принеси вина.

Мальчишка, во все глаза пялящийся на Проповедницу, аж подпрыгнул от неожиданности. Секретарь и раньше-то умом не отчитался, а при виде знаменитых сисек и вовсе потерял дар речи. Хотя он в восемнадцать был таким же, только баб выбирал попроще.

Промокший плащ Проповедницы сушился у огня, в дорожном платье она казалась еще меньше. Маленькая, худенькая, лет семнадцать, не больше. И уже сделала такую карьеру. Интересно, какой именно частью тела?

— Что с террористами, господин наместник?

— Что с террористами?! — Наместник аж поперхнулся. — Вы спрашиваете, что с террористами?! Напали на наш патруль в какой-то сотне метров от города и пожгли живьем, вот что с ними! Не делайте вид, что ты не слышали!

— Слышала. Все слышали. Я спрашиваю, что с ними сейчас.

— Попытались вылезти еще раз, но, к счастью, напоролись на засаду. Двух уродов удалось взять.

— Их сожгли?

— Еще нет. Пока что они живы. Хотя, — наместник мрачно усмехнулся, — не сказал бы, что они в целости и сохранности. Мои палачи пытаются вытянуть из них что-нибудь полезное. Остальные все там же. Сидят в лагере, убивают всех, до кого могут дотянуться. А вокруг чудовища.

— Потому что мы убиваем их.

— Мы?! Убиваем их?! Да их надо было перерезать изначально, а не отправлять в этот гребаный лагерь! Если б вы видели трупы, вы бы перестали их жалеть. Знаете, что они творят с нашими солдатами? Я послал несколько десятков человек в руины. Надеялся, после засады они ослабели. Они и полпути не прошли. Один выжжен изнутри, второй сожран крысами, а третий вырвал себе глаза. Вырвал. Себе. Глаза. Сам. Про остальных говорить не буду, поверьте, им повезло не больше. Это не просто колдуны, это Шамор во плоти.

— Вы развесили трупы их сторонников на деревьях. Неудивительно, что Трехпалый озверел.

Наместник фыркнул.

— Не равняйте правосудие с разбоем. Они монстры. Монстры по рождению и неоднократно доказали это своими деяниями. А что до трупов, у них нашли колдовские книги. Это назидание остальным. Пусть видят, ублюдки, что будет с теми, кто хоть на милю подойдет к магии.

— Они увидели. Боюсь, вам это не помогло. Чем больше будете убивать, тем больше убийств получите в ответ.

Глупая девка начиталась детских сказок, где все враги в итоге мирятся и идут в обнимку срать под кустик. Что ж, ей придется разочароваться. Пусть поживет недельку в Тан-Фойдене, где каждый день ты рискуешь умереть страшной смертью, посмотрим, что останется от ее миролюбия.

— Если вы продолжите в таком духе, город сгорит. Огнетворец не шутит.

— О нет, не город, — Якоб мрачно усмехнулся. — Еще немного, и я спалю этот лагерь к Шамору.

— Не спалите. Сами сказали, вокруг чудовища.

— Разберемся. Сотне солдат один монстр не помеха, будь он хоть с Изнанки, хоть из самой Тьмы.

И ты не помеха, если продолжишь лезть, куда не просят.

— Полезете на них, и огнетворец подожжет вас первым. В конце концов, он умеет это делать гораздо лучше вас. И потом, я не позволю вам спалить полсотни людей.

— Жалеете этих кровожадных тварей?

— Они люди! Такие же, как и мы, загнанные в угол, угнетаемые, годами содержащиеся в нечеловеческих условиях, оставленные без выбора. Стоит ли удивляться, что теперь они хотят отомстить? Особенно Аскольд Андван, — Проповедница сделала ударение на

последнем слове.

Наместник сжал кулаки под столом. Никому здесь не дозволено произносить эту фамилию.

— Ваши люди, — медленно проговорил наместник, — полгода назад устроили бунт и убили всех. Всех: мужчин, женщин, надсмотрщиков, уборщиц, прачек, без разбора. А головы насадили на пики ворот. Ваши люди, пусть и невольно, выпустили шаморовых тварей. А теперь эти люди сидят в восьми милях от города и нападают на купцов и всех, кому не посчастливится подойти к ним достаточно близко. Расправляются с ними с такой жестокостью, которая вам и не снилась. А, если армия Лофт все же атакует, эти люди ударят нам в спину и обрушат город во Тьму. И что же вы предлагаете делать с этими прекрасными людьми? Ждать, когда они всех перебьют?

— Монстры вас от них не защищают?

— Еще как защищают. Их от нас. Гребаный Аскольд как-то проходит, когда ему надо.

— Я поговорю с ними. Пойду туда.

Забери его Изнанка! Он-то думал, что таких дур не бывает. Значит, слухи не врут, девка действительно верит, что с магами можно наладить мир и жить долго и счастливо. Мясников можно призвать к состраданию, а лисицу убедить не жрать зайца.

— Вокруг лагеря творится Шамор знает что. Из-за этих выродков там сама реальность рвется. Сделаете неверный шаг и останетесь валяться в двух частях, одна половинка тут, другая через десять метров. А даже если вдруг, по невероятному везению, вам удастся подойти к лагерю, вас сожгут заживо.

— Я дам понять, что я не враг.

— Для них враги все. Вы не пройдете.

— Я пройду.

— Как?! — терпение наместнику, наконец, изменило. — Споешь песенку о мире во всем мире, ромашками их закидаешь, и они прослезятся?! Дура столичная, ты приехала в пекло! Оставь свои большие фантазии о переговорах и либо дай мне делать свое дело, либо убирайся. Здесь не место для глупых девчонок.

На Проповедницу тирада не произвела ни малейшего впечатления. Ну и пустьдохнет, если хочет, одной проблемой станет меньше.

— Я пойду к ним и поговорю, господин наместник, нравится вам это или нет. Выделите мне эскорт или не выделяйте, дело ваше. Жечь людей я вам не дам, такова воля Максимильена де Лантора.

Якоб обреченно махнул рукой.

— Хочешь умирать — умирай. Эскорта я тебе не дам, не хочу терять своих людей. Пойдешь одна.

— Хорошо.

— Я провожу госпожу, — вдруг пискнул Кириан.

Идиот. Гребаный идиот, внучатый кто-то там кому-то там, которого приставили на непильную должность секретаря наместника, скоропостижно втюрился и решил помереть. А отвечать потом будет он, Якоб.

— Нет, это исключено. Ты нужен мне на службе.

— Господин наместник, я готов!

— Ты. Нужен. Мне. На службе, — раздельно повторил Якоб. — Госпоже Вокаре твоя помощь не требуется, верно, госпожа Вокара?

— Верно. Не требуется.

\*\*\*

Кириан видел портреты. Грубо намалеванные картинки, передающиеся из рук в руки, когда тайком, а когда и открыто. Портреты, которые люди прятали на груди и молились, восхищенно любуясь той, что несет в этот прогнивший мир свет.

В жизни Проповедница оказалась еще прекраснее. Прекраснее, справедливее и безрассуднее. Насколько смелое и чистое сердце надо иметь, чтобы рискнуть ради чужих людей, чужого города, отправиться одной в логово монстров, дабы добраться до монстров еще худших? Но она не будет одна. Кириан этого не допустит.

А вот и неторопливо едущая пегая кобыла, несущая наездницу в белом плаще. Уже покинувшая город, еще не въехавшая в лес. Кириан хлестнул коня.

— Госпожа!

Вокара остановилась.

— Что ты здесь делаешь?

— Госпожа, я не отпущу вас одну, — юноша перевел дыхание. — Эти места опасны, вы не представляете, насколько. Позвольте мне вас сопровождать.

— Наместник запретил тебе.

— Наместник хочет вашей смерти. Вы идете в объятия к самому Шамору. Но, если так надо, если вы уверены, позвольте мне вас защитить. Я вас проведу, стану вашим рыцарем!

— Мне не нужна защита. — Какие прекрасные глаза, яркие, синие, как море, словно светящиеся изнутри. — Возвращайся в город.

— Я не уйду! Вы не понимаете, вокруг лагеря бродят твари с Изнанки. Когда Аскольд поднял мятеж, открылся проход на Ту сторону. Я не отпущу вас одну.

— Возвращайся, — повторила Вокара. — Не беспокойся за меня. Ты ничем мне не поможешь, только будешь обузой.

И правда, чем он может ей помочь? Он, который даже драться толком не умеет, собрался защищать легендарную Вокару от демонов и чудовищ. Смешно. Так вернуться? Вернуться и, возможно, никогда больше не заглянуть в эти прекрасные глаза? Ни за что!

— Я еду с вами, — отрезал юноша. — Еду, вы меня не прогоните!

Вокара пристально посмотрела на него. С удивлением. Что ж, пусть видит, что он не трус, он ее не бросит. Кто угодно, только не он.

— Ладно, поехали. Но будь осторожен и держись за мной.

Они тихо ехали мимо покосившихся давно оставленных домов, пялящихся пустыми глазницами окон. Вперед, туда, откуда не возвращаются. Но они вернутся. Проповедница знает, что делает, Проповедница творит чудеса, раздвигает воды и спасает заблудшие души. А он спасет ее. От того, что охотится вокруг руин и от тех, кто прячется внутри.

— Спешивайся. Дальше пойдем пешком.

Кириан подчинился, хлопнул коня по крупу, и тот резво поскакал домой. Пешком. Значит, уже близко. Говорят, лошади, чуя Изнанку, впадают в безумие.

Покосившиеся лачуги были все теми же, но что-то неуловимо изменилось.

— Воздух, — пробормотал Кириан. — Вам не кажется, что воздух...

— Стал гуще, — закончила Вокара.

Именно так. Воздух стал гуще. Обтекал их, липкий, как патока, с трудом пробирался в легкие и окрашивал все вокруг тревожным красным светом. Мир словно выцвел и одновременно обрел цвет. Густой кровавый алый цвет.



— Мы на Изнанке? — хрипло прошептал Кириан, не узнавая собственного голоса.

— Нет. Здесь всего лишь дыры между мирами.

Дыры между мирами. Бреши, открывшиеся после выплеска магической энергии. Место, где пируют монстры и живут демоны.

Мир раздваивался. Кириан видел редкие деревья и заросшую дорогу, и одновременно где-то на периферии зрения мелькали смутные силуэты с горящими глазами. Они словно зависли. Между верхом и низом, между светом и тенью, между затухающим днем и красной мутной пеленой.

Проповедница вдруг потянула его за руку и бросилась в кусты. Юноша вслед за ней упал на землю и вперился взглядом в дорогу. Мгновение казалось, что ничего не произойдет, но тут слева пронзительно застрекотало и на дорогу выскочила тварь, состоящая, казалось, из бесчисленных ножек и огромной зубастой пасти. Глаз не было, на месте носа зияла дыра. Монстр крутился на месте, смешно перебирая лапками, но смеяться почему-то не тянуло. Повернулся несколько раз вокруг своей оси, плачуще завыл и снова принялся стрекотать.

Кириан слышал, как тихо дышит рядом Проповедница. Было страшно, так страшно, что хотелось заорать, вскочить и бежать вперед, не разбирая дороги.

Тварь стрекотала, поводила заменяющей нос дырой, принюхивалась. Светозарный, защити, нас. Да обойдет нас Тьма, да не падет огненный дождь на наши головы, да не будет зла в нашем сердце и ненависти в наших умах. Да не убоимся мы. Да не сожрет нас чудовище с Изнанки...

Тварь припала к земле и повернула уродливую голову в их сторону. Учюяла.

Раздался пронзительный, отчаянный, нечеловеческий вой. Кириан с трудом подавил желание зажать уши. Тварь слова завертелось, казалось, крик банши причинял ей почти физическую боль. Вой раздался снова. Никогда еще юноша не был настолько рад встретить вестницу смерти.

Монстр протестующе застрекотал, грузно развернулся и потопал прочь, оставляя глубокие следы в земле. Но они с Проповедницей еще долго лежали, не в силах шелохнуться. Наконец, Кириан подал девушке руку, и они осторожно поднялись. И ринулись вперед, не разбирая дороги.

Красная пелена вдруг опала. Резко и в один миг. Юноша облегченно перевел дух. Они вырвались, вырвались от одних монстров к другим.

А вот и стена лагеря, та самая. Над воротами, почти закрывая облупившуюся табличку: «Труд освобождает», реял неуклюже намалеванный на серстских шелках флаг: красноносый человек, в котором безошибочно угадывался наместник Якоб Рёгнер, стоял, согнувшись пополам, голова свисала между толстыми ляжками, а из задницы у него торчал большой черный крест. Слухи не врут, Трехпалый и правда сделал себе герб.

Сами ворота были распахнуты настежь. То ли колдуны откровенно издеваются над наместником и его людьми, приглашая заглянуть в гости, то ли их ждут.

Кириан прошептал молитву и шагнул внутрь лагеря. Ворота захлопнулись за спиной с глухим стуком.

Сразу при входе в руины на ветке качался покойник. Доходчиво и выразительно.

Стены узких серых бараков зияли дырами. И правда руины. Лагерь выглядел пустым и безлюдным, покинутым много лет назад. И не подумаешь, что здесь скрывается жестокая банда чернокнижников, наводящая ужас на город. Где же они все?

Кто-то выскочил на дорогу прямо перед ними, Кириан отшатнулся, заорал и тут же

устыдился. Проповедница даже не шелохнулась, а он ведет себя, как мальчишка.

Старик с испещренными язвами лицом грохнулся на колени и принялся ритмично биться головой о землю. От этого стука стало жутко. И это колдун?!

— Оставь, старик, не позорь нас.

Их окружили бесшумно и мгновенно. Слева и справа вдруг очутились два бородатых колдуна. Выглядели они дико: грязные, заросшие, но одетые в шелка и парчу. Обернуться Кириан не решился. Он и так знал, что маги стоят вокруг. Держат его на прицеле, его и Вокару. Зачем, зачем они сюда пошли?!

Худой мужчина с аристократическим лицом, выросший, словно из-под земли, поднял старика за плечи и учтиво поклонился.

— Приветствую вас в наших скромных чертогах. Юношу, чьи зубы стучат так, что слышно в Серсте, и тебя, госпожа моя. Будьте же гостями в нашем Вольном Королевстве Черного Креста.

Кириан оглядел колдуна. На виске у него и правда красовался черный крест, отметина противных Свету колдунов, низшей касты. Говорят, первое, что делают чернокнижники, которым удастся сбежать в Иссиан, это сводят татуировку, но этот демонстрировал ее словно намеренно, зачесывая волосы назад. Безумец он и есть безумец.

Проповедница огляделась вокруг и медленно подняла руки.

— Я пришла поговорить с Аскольдом Андваном, меня послал Максимильен де Лантор. Я не враг колдунам и никому не желаю зла, я пришла с миром и без оружия.

Колдун усмехнулся. Неприятно.

— Какая радость. Если бы ты объявила, что считаешь меня врагом, я бы уже дрожал от страха. Впрочем, один мудрец сказал, что глупцы — опаснейшие из людей, а такой идиотизм я вижу в первый раз. Мне не о чем с тобой говорить.

— Есть о чем, раз вы меня до сих пор не убили, Аскольд.

Аскольд. Аскольд Андван, Трехпалый, огнетворец, легендарный убийца, безжалостный безумный колдун. Отправленный сюда за все мыслимые и немыслимые преступления. Страшная сказка для детей и ужас Тан-Фойдена.

— Может, мне стало интересно, кого такого смелого сюда принесло и зачем? Ладно, допустим, пока я вас не убью. Этот мальчишка, которого трясет так, что земля качается, тоже поговорить пришел?

— Он мой проводник.

Кириан попытался выпрямить спину. Он может поджечь их. Поджечь, распилить на кусочки, приказать заморозить кровь в жилах, насадить на кол. Он не боится, не боится. Он будет смотреть прямо, как смотрит Проповедница. Смотреть и следить, чтобы ноги не дрожали.

— Старик тоже из ваших? — Проповедница кивнула на сумасшедшего, теперь мирно стоящего и тупо смотрящего в одну точку.

— О да, бедняга. Это наш старейшина, прожил двести лет и под конец сошел с ума от невыносимого стыда за то, что он колдун. Нет, женщина, я понятия не имею, кто это он и как сумел до нас добраться. Просто местный сумасшедший. Из города его изгнали, за что, не говорит, и он забрел к нам. Трогать не стали. Мы, колдуны, знаешь ли, чувствуем с изгоями некое родство.

Безумец вдруг вперился взглядом в Вокару, дернулся и снова рухнул на землю.

— О горе, горе нам. — Каждое восклицание сопровождалось ритмичным «бум». —

Прокляты, прокляты мы. Покайтесь перед мертвыми, ибо мудры они и всевидящи. Падите ниц...

Колдун сделал еле заметный жест рукой, и старик обмяк.

— Ты его нервируешь, женщина. Хотела поговорить — пойдем со мной, если передумала, то убирайся. За смелость и глупость я тебя даже отпущу.

И верно, убраться. Убраться отсюда поскорее, пока еще можно, убраться и никогда не возвращаться. Они ведь сейчас уйдут, верно?

Девушка шагнула вперед.

— Идем, Аскольд.

Чернокнижник молча повернулся и пошел вперед, шестеро окруживших их двинулись следом. Кириан на мгновение застыл на месте, но его выразительно ткнули в спину. Теперь они здесь пленники. Впрочем, не возвращаться же обратно одному, к чудовищным многоножкам. Тонкая фигура в капюшоне удалилась уже на двадцать шагов. Хрупкая, беззащитная, одна в окружении самых отъявленных убийц королевства. Зачем они только сунулись в это логово.

Юноша медленно побрел за ними. Покойник провожал его пустым взглядом. Он не был ни мудрым, ни всевидящим.

;

Глава 6

— Иными словами, ты его украл.

— Не украл, а взял, потому что меня побудила к тому непреодолимая сила. Я болен и достоин сочувствия!

Широкое кресло жалобно стонало под задницей нашего могучего монарха. К счастью, зол его свинячество Иерам не был. Точнее, не на меня.

— Итак, в первые же полчаса пребывания у меня на службе ты не придумал ничего лучшего, чем спереть охранный амулет. В другое время я вернул бы тебя в тюрьму, которую ты столь счастливо покинул, но сейчас не до того, да и тюрьмы больше нет. К тому же, чего ждать, когда связываешься с во...

Очевидно, на моем лице была написана такая обида, что король махнул рукой.

— Ладно, с клитотаном, или как там ты себя называешь.

— С клептоманом.

— Неважно, хоть с платаном. Оставим пока твои прегрешения в покое. Гораздо важнее, что кто-то пытался тебя убить.

Еще важнее, что прямо в королевской резиденции. Подозреваю, Его Величество гораздо больше заботила не моя судьба, а потенциальная опасность для свиной туши. Узнав про покушение, король сначала долго нечленораздельно орал на стражу, потом долго ругался, поражая меня пылом и словарным запасом. После этого полетели головы в прямом и переносном смысле: позорное изгнание со службы король сопроводил бросанием неведомо как оказавшихся под рукой капустных кочанов в тех, кто не успел увернуться. Уже через час среди стражников не было ни одного знакомого лица. Глядя на вакханалию, с разумными доводами о том, что стража у ворот мало помогает от магии, я решил не лезть.

— Ваше Величество, меня пытался убить не кто-то. Это был демон. Демон наслал на меня тварь с Изнанки.

Король фыркнул.

— Эмиль, у тебя богатая фантазия и завышенное самомнение. Демоны убивают

колдунов, это всем известно. Могучих колдунов.

— А еще демоны держат ручных чудовищ. Это тоже всем известно. Кто иной мог натравить на нас монстра?

— Чернокнижники тоже, так что кто угодно. Лофт, к примеру.

— Это был демон, клянусь! Я видел. Красные глаза...

— Тебе показалось. Уверяю, никто в другом мире тобой не интересуется. Но кто-то интересуется в этом, и я узнаю, кто. А ты, — король круто развернулся к вдруг ставшей меньше ростом Сидори, — ты, ведьма, не сделала ничего, чтобы защитить его. Что толку с вас, колдунов, если вы можете меньше, чем один мальчишка со случайно попавшим к нему амулетом?!

— Сидори сражалась храбро, — вступился я и поймал удивленный благодарный взгляд. — Она отгоняла тварь, как могла, я видел. Она бы и сама справилась.

— Значит, плохо могла, — отрезал король. — Ее счастье, что других колдунов, кроме провидицы, у меня на службе нет, выбирать не приходится. Вы оба отправляетесь на границу.

— Оба? — радостно уточнил я. Вчера вещунья куда-то свалила, но я и надеяться не смел, что надолго.

— Да. Шириам нужна мне здесь.

Какая неожиданная радость. От вида этой высушенной селедки у меня уже глаз дергается.

— Я получил послание от Лофт. Ведьма учтиво зовет меня на переговоры. Точнее, на обсуждение условий капитуляции. Надеется, что Танаир склонится перед шайкой безродных колдунов.

— Капитуляция лучше кровавой бойни, Ваше Величество, — заметил я.

Король фыркнул.

— А еще лучше насадить голову этой шлюхи на пику. А для этого мне нужны вы двое. Через месяц я со свитой прибуду в Адланис. Разумеется, вы со мной не поедете, отправитесь самостоятельно. Выезжаете завтра утром. Я дам вам лошадей, деньги и охранную грамоту. Через три недели вам нужно быть на месте. Будете ждать меня там. Вопросы есть?

— Есть! Предлагаю усовершенствовать план. Мы сидим здесь, потом в нужный момент Сидори открывает портал, я вываливаюсь под ноги Лофт с мечом в руках, она умирает от смеха, все, конец. Счастье, пир, попойка. Как вы понимаете, главное в деле портал, попойка опциональна. У нас есть колдунья, зачем лошади, Ваше Величество?

— Я не умею открывать порталы.

Очевидно, я явил собой статую: «изумленный де Лантор», потому что Сидори изволила пояснить.

— Не умею открывать направленные порталы. Хаотичных сколько угодно.

— А из Сида Корале сюда мы чисто случайно попали?

— Нет. Ты выходил во двор?

Двор? При чем тут двор?

— Ну, допустим.

— В форме чего построен дворец?

— Эээ, крестика? — вопрос застал меня врасплох.

— Крестика, — громовержица посмотрела на меня, как на нерадивого ученика, долго и мучительно складывавшего два и два и получившего, наконец, восемнадцать. — Это не

крестик, а афурато. Древний символ. Фокусатор. Магнит для магической энергии, если угодно. Само здание — маяк, который указывает мне путь. Насколько я знаю, в Танаире таких больше нет. А без афурато контролировать перемещение я не могу.

— А стоило бы, — буркнул я. — Кучу времени бы сэкономили.

— Думаешь, перемещаться порталами, попирая законы самого мироздания, так просто?

— Понятия не имею и не желаю иметь. За такое знание и колесовать могут.

— Создание порталов — высшая ступень мастерства. Ей владеют исключительно женщины, и очень немногие.

— Несправедливо, — обиделся я за мужской род.

— Несправедливость мира обсудите без меня, — напомнил о своем существовании король. — Времени на сборы вам до завтра, а теперь вон, меня ждут государственные дела.

— Мы тоже государственное дело, — тихо возразил я, но покорно поднялся и убрался прочь вместе с Сидори.

С прибытием короля жить пришлось скромнее. Со второго этажа нас выкинули, отрядив небольшие гостевые комнаты на первом. Впрочем, после тюрьмы жаловаться было грех.

— Спасибо, — неожиданно сказала колдунья, спускаясь по ступеням.

Я очаровательно улыбнулся.

— Ну не мог же я бросить деву в беде. Слушать гневное хрюканье нашего величества не каждому под силу.

Девушка прыснула.

— Тебе тоже кажется, что он похож на свинью?

— Еще как, — я перешел на заговорщицкий шепот. — Только никому об этом не говори, а то насадит нас на клыки и сожрет, как трюфели. Значит, отправляемся в бывшую столицу. Вдвоем через половину Танаира навстречу армии Лофт. Чтобы по прибытии героически победить ее непонятным образом. Хороший план, продуманный, главное, безопасный. Одна радость, осмотрим местные красоты. Говорят, художникам, расписывавшим Черную башню, отрубили пальцы, дабы они не смогли повторить свой шедевр.

Сидори пожала плечами.

— Король в отчаянии. Сам не слишком верит в пророчества, но хватается за любой шанс. В пути я тебя защищу. Затем меня с тобой и посылают. И следить, чтобы ты не сбежал, конечно же.

— Я? Сбежать? Да никогда! — я сделал честное лицо. — Интересы государства для меня превыше всего!

Девушка выразительно подняла бровь.

— Какой ответственный лжец, пропагандист и вор.

Шамор, да сколько можно-то.

— Я не вор, у меня kleптомания!

— Клитотания, о которой говорил король?

— Kleптомания. И я в ней не виноват.

Сидори фыркнула.

— Знаешь, мой муж, пока его не убили, людей лечил. Мы на таких много насмотрелись, которые не виноваты. Сначала хрен суют в любую дырку, а потом у них клитотания непонятно откуда.

— Да я совсем не про то! Kleптомания — это болезнь!

— Ну ясное дело.

— Да другая болезнь. У человека мутится разум, и он против воли вынужден брать чужие вещи.

Сидори расхохоталась.

— Это ты воровство так назвал?

— Не воровство, а болезнь!

— Нет такой болезни.

— Нет, есть!

— Ты сам ее придумал?

— Ее придумал почтенный магистр Саан из Нордского Университета.

— Тот самый, которого на старости лет признали невменяемым?

— Тот самый, который был светилом медицины, — зло буркнул я. — У него и трактат есть на эту тему.

— И кто-нибудь поддерживает его новаторские медицинские идеи?

— Я поддерживаю.

— А кроме тебя?

— Толпа моих фанатов по всему Танаиру. Правда, вряд ли они знают такие сложные слова, но я им объясню. В общем, если хочешь доехать мирно, не называй меня вором. Я клептоман.

— Ладно. Клитотан так клитотан.

— Не клитотан, а... — я глубоко вздохнул. — Ладно, клитотан. Знаменитый танаирский клитотан Эмиль де Лантор.

\*\*\*

Мальчишка рыдает. Размазывает сопли кулаком по грязному лицу. С ревом бросается вниз по лестнице, по прогнившей лестнице, поскользывается, переваливается через перила и летит, летит. Кувыркается в воздухе и падает, нелепо изогнув шею. Как кукла. Мгновение стоит гробовая тишина и раздается дикий, пронзительный визг. Я пытаюсь отвернуться, закрыть глаза, но не могу, словно кто-то держит мне веки. Медленно расплзается лужа крови, густой и красной. Этого не может быть, нет. Нет, нет, нет. Это не я! Не я!!!

— Де Лантор!

— Не я!

— Де Лантор!!!

Комната затряслась и рассыпалась. Над собой я увидел обеспокоенное лицо Сидори.

— Что...

Я лежал на кровати, способной вместить штук пять де Ланторов, в обнимку с книгой.

— Ты кричишь во сне. Так, что дворец трясется. Нет, нет, это не я! Что не ты?

— Ничего, — пробормотал я. — Ничего, глупость какая-то приснилась. Сам уже не помню.

Не помню. Не хочу помнить. Этого не было, не было, не было...

— Собирайся. Мы отправляемся.

— Сейчас? Ночь же!

— Ага, — подтвердила Сидори. — Два от восхода часа ночи.

Я сполз с кровати и раздвинул ставни. Глаза сощурились от яркого света. И правда, на ночь не похоже.

Выходит, я прилег на минуту и проспал с вечера до середины дня. Вот что значит

нервное потрясение.

— Дай мне час. Надо хотя бы умыться.

— Час? На то, чтобы умыться?

— И переодеться! Я слежу за собой, в отличие от некоторых.

Час растянулся на два. Сидори с выражением бесконечного страдания на лице сидела прямо на лестнице. Встретила она меня совсем не радостно.

— Я думала, ты там повесился. Вот, возьми.

Я недоуменно покрутил в руках платок.

— Что это?

— Повязка. Закроешь глаз.

— Правый или левый?

— Левый. Сероглазых больше, чем зеленоглазых. Твоя разноглазость слишком приметна. Рано или поздно кто-нибудь узнает или запомнит.

— То есть одноглазых по Танаиру толпа бегает? Одноглазого не запомнят?

— Запомнят. Как одноглазого, а не подозрительно похожего на Эмиля де Лантора.

— А магически замаскировать ты меня не можешь? Заклинание сотвори.

— Нет таких заклинаний.

— Ты действительно бесполезная, — пробормотал я, выходя во двор и забираясь на коня. — Нам, кстати, деньги дать обещали.

— Их и дали. Мне.

— Тебе? Почему это тебе?

— Потому что я, в отличие от тебя, не промотаю их в первом же кабаке.

Я обиженно засопел. Король явно назначил главой миссии колдунью, ничего толком не умеющую, а не меня, столь много сделавшего для Танаира.

Мерной рысью мы выехали за ворота резиденции короля.

Через пару миль показался симпатичный городок Бормна. Ничего удивительно, рядом с несимпатичным король бы не расположился.

Призывно орали торговцы, лениво прогуливались стражники. Кафедральный собор, куда же без него, возвышался над площадью грозно и величественно, у его ворот проповедовал, сверкая глазами, брат-иодаранец в потрепанной рясе. Послушать священника, предлагающего пожечь всех колдунов и прочих грешников, надеть на себя власяницу и кинуться истово искупать мнимые и действительные грехи, собралась небольшая толпа. Я незаметно показал ему средний палец. Мое единственное близкое знакомство с братом Святого Иодара в свое время оставило крайне неприятное впечатление. Впрочем, это было давно, когда каждый день членам опального ордена грозило отправиться на плаху.

Служители Святого Скипидара, которых в свое время боялись чуть ли не больше чернокнижников, изрядно присмирели после того, как папаша нашего любимого короля Иерам Первый лично отсек голову их возомнившему себя правителем мирским и духовным Великому Магистру, но полностью бывший король орден разгонять не стал. И был прав, как оказалось. Страсть к уничтожению колдунов пылала в сердцах иодаранцев неугасимым огнем, а честолюбивые помыслы, лишившись Магистра, королевского благословения и, что еще важнее, большей части королевских денег, святым братьям пришлось оставить. Гончие веры, как в период расцвета члены ордена именовали себя, превратились в псов де Лантора, а после, когда папочка поубавил рвение в охоте за чернокнижниками, в псов церкви. Псов блохастых и кусачих, но, при должном использовании, весьма полезных.

В углу босоногие дети сгрудились вокруг толстой учительницы, круглой, как бублик. Нововведение Иерама, однажды догадавшегося, что свободных домов под школы мало, а на земле мест под задницы — много, и повелевшего в теплое время проводить уроки прямо на свежем воздухе.

— Многие погибли в Первую Магическую Войну, — вещал бублик. — Десятки городов с землей сравнялись, леса обратились в пустыни, бесценные знания мы потеряли. Но и тогда не изгнали люди колдунов, простили их. А потом пришел Шамор, исчадие Тьмы, и захватил разумы людей. И чуть было не погубил наш мир, почти что демонов призвал. И настолько зол и страшен был колдун, что никто не осмелился выйти против него, кроме святого Иодара, спасителя нашего и заступника. Не было у Иодара ни силы колдовской, ни оружия великого, но столь велика была храбрость его, что не смог Шамор одолеть героя. Трижды по три удара нанесли они друг другу, и, когда оба свалились без сил, загрохотал гром, подул страшный ветер, и исчез Шамор, ибо сама Тьма забрала его на вечные муки. Стал Шамор Князем Тьмы, да только нет радости так княжить. Кровавый венец на его голове, язвы на руках и ногах, стенает Шамор, но боль утолить не может. Потому и зол он, потому и смущает души людские, вводит во грех, чтоб не одному во Тьме страдать. А Иодар вознесся на небо, в сами Светлые Чертоги, и пирует там, восседая рядом со Светозарным, да на нас смотрит. Страшное это было время, кровавое. И только тогда мы, танаирцы, и соседи наши, какими бы добрыми ни были, а поняли, что чародеи есть зло. Страшное зло, коварное, которое вырывать надо безжалостно. А теперь каждый возьмет палочку и выведет на земле десять раз: чародеи — зло. А кто ответит, кого колдуны больше всего есть любят?

— Детей, — запищала чумазая девчушка. — Детей любят. Ночью в летучих мышей обращаются и летят кровь пить из новорожденных. А тех потом мертвыми находят.

Эту несусветную чушь в свое время придумал я чисто ради смеха. Какого же было мое удивление, когда народ в нее поверил и стал считать практически за непреложную истину. И вот, надо же, уже в школах проходят.

— Молодец, Милка! Так все и есть. А на завтра вам задание: кто лучше всех нарисует повешенного колдуна, получит пряник. А теперь повторим все вместе: чародеи — зло!

Мимо быстро прошел сторбленный человек, его редкие волосы были старательно зачесаны на правый висок. Кто-то плюнул ему вслед. Городские маги тщетно пытаются скрыть клеймо на виске, но их все равно узнают по характерной прическе.

— Чародеи — зло! — хором пропищала мелочь.

— Слышишь, Сидори? — ехидно спросил я. — Ты зло.

— А ты уверен, что зло здесь именно я?

Я фыркнул.

— Ты такая высокоморальная, Сидори. А кто затопил пять десятков заключенных? И это я молчу про стражников и твоих наемников. Я хотя бы никого не убивал.

— Ну, разумеется, ты никого не убивал. Это из-за тебя поубивали друг друга сотни. Я тоже убивала из-за тебя. И, поверь, не из личной симпатии, а потому что с твоей помощью мы сможем предотвратить убийства много большие. Я убила тех, кого и так осудили. Кто все равно бы погиб, не от моей руки, так от другой. Думаешь, откажись я, король бросил бы свою затею?

— Я думаю, что я хотя бы не слуга короля, который сжигает моих братьев, и не делаю за него грязную работу.

Девицу следовало расположить к себе, а не наоборот, но я разозлился. Надо же,



благородная ведьма Сидори. Прекрасная ведьма Сидори, без колебаний убивающая по приказу, действует из благой цели остановить войну. И злой кровожадный пропагандист Эмиль, практически исчадие Тьмы. Сейчас расплачусь и брошусь перед ней на колени.

Сидори долго молчала. Наконец, проговорила:

— Ты просил не называть тебя вором, чтобы путешествие прошло мирно. Так вот, чтобы путешествие прошло мирно, не называй меня слугой короля.

;

## Глава 7

Девчонка изо всех сил пыталась не показать, что ей холодно. Сидела, выпрямив спину, сложив руки на коленях, чуть заметно ежилась и поневоле бросала короткие взгляды направо, на развалившийся камин. Камин в пыточной — что может быть глупее, но добрые господа палачи не желали мерзнуть, выполняя свою работу, а зимы в Тан-Фойдене суровые. К тому же, наличие открытого огня наводило на интересные и креативные мысли по части издевательства над пленными.

Камин развалился на части полгода назад, когда по его приказу оттуда вырвался огонь и зажег братьев-дознавателей. Вот к каким результатам можно прийти, когда четыре года упорно и незаметно пилишь ошейник.

Аскольд мог бы приказать натащить сюда веток, бревен, согреть ее, но не стал. Пусть мерзнет. Смотри же, тепла здесь нет, как и изысканного убранства, вкусных яств и вин, к которым ты привыкла у себя в Аранди. Есть здесь уродливые чугунные скамьи, грязь и кровь, давным-давно въевшиеся в стены, промозглый холод и безнадежность. Смотри же, гостя из столицы. Смотри же, любуйся.

Они сидели за столом, на котором еще остались следы зажимов. Пол пыточной Аскольд, обладая непревзойденным чувством юмора, приказал устлать шелком. Благо, девать его все равно некуда.

Колдун молчал.

Этот фокус он подсмотрел у надзирателей. Приведи жертву туда, где пусто, темно и холодно, ничего ей не объясняй, ничего не делай и молчи. Молчи, пока она сначала делает вид, что ей все равно, потом боязливо оглядывается по сторонам, начинает ерзать, не понимая, что происходит. Что от нее хотят, что ее ждет: железный сапог, иголки под ногти, раскаленные щипцы? В чем она провинилась, зачем ее сюда привели? Молчанием добивались удивительно хороших результатов даже от закоренелых убийц. По расчетам Аскольда, наивная молодая дурочка должна была сломаться через пару минут. Но она не ломалась. Так же молчала, косилась на камин и смотрела Аскольду в лицо. Глаза у нее были странные и очень синие.

Ладно, так сидеть можно еще долго.

— Значит, пришла поговорить? Не испугалась чудовищ, наплевала на все предупреждения и пришла поговорить? С нами, безумными мясниками?

Девушка, наконец, перестала буравить его взглядом, подула на ладони. В следующий раз и правда стоит привести ее в место потеплее.

— Вы не мясники.

Аскольд хмыкнул.

— Редкое мнение для Тан-Фойдена. Свежо, оригинально. Очевидно, мы гигантские бабочки, уничтожающие торговые караваны и нападающие на горожан под покровом ночи. Я могу убить тебя тысячей способов. Не боишься?

— Боюсь. Но, если ты так решишь, я ведь ничего не смогу сделать, верно? Тогда к чему об этом думать.

Колдун хмыкнул снова. Она и правда не боится, а, если боится, тщательно это скрывает. Сколько ей лет, шестнадцать, семнадцать? Держится неплохо, очень даже неплохо. Пожалуй, повысим ее из тупых наивных идиоток в идиотки наивные, но не полностью безнадежные.

— Меня снедает жгучий интерес, как ты вообще тут оказалась, госпожа моя? Юная девица без роду и племени, взявшаяся неизвестно откуда, вдруг стала народным героем и доверенным лицом самого канцлера. Только не говори мне, что в святости своей ты имеешь великий дар наставлять грешников на путь истинный, коим и пользуешься.

Проповедница пожала плечами.

— В святости своей я имею великий дар наставлять людей на путь истинный, коим и пользуюсь. Увы, не могу сказать тебе иного.

— И отморозки в Варне преисполнились благодати и просто взяли, и ушли, завидев твой сиськи? Так ведь, кажется, рассказывают.

— Сисек моих они не видели, — ого, да у нас еще и чувство юмора есть, какая неожиданность. — Но в остальном все верно. Взяли и ушли.

Аскольд откинулся на скамье. Это становится интересным. Девчонка смелая и неглупая, жаль будет, если она погибнет.

— Зачем ты сюда явилась? Ради какой такой цели осмелилась так рисковать?

— Хочу все это остановить. Остановить убийство торговцев, убийство горожан, расправы над твоими соратниками в городе, настоящими и мнимыми. Поэтому я спрашиваю тебя, есть ли способ?

Аскольд расхохотался.

— Способ? Конечно же, есть, и очень простой. Перестаньте клеймить магов, повесьте Рёгнера, а затем убирайтесь из города, пока еще можете.

— Хочешь сказать, пока сюда не явилась армия Лофт?

Колдун невольно поморщился.

— Мы разберемся с вами сами.

— Ты говоришь об Императрице без особого почтения. Я думала, вы на нее молитесь.

Многие так думают. И многие молодые и глупые и правда молятся. Но он уже не молод и не глуп.

— Представь себе, мы знакомы. Были знакомы, по крайней мере. Даже дружны когда-то. Знаешь, почему я ее покинул? Решил, что она слишком жестока к обычным людям. Говорил ей примерно то же, что ты мне сейчас, но она не слушала. Насколько я знаю, сейчас взгляды Тафирской Ведьмы стали более чем умеренными, а мои вот наоборот. Забавно, правда? Констанс Раизиан — выдающийся человек, но ее не волнует ничего, кроме благополучия ее Империи. Не волнуют судьбы отдельных колдунов, даже хорошо ей знакомых, уж поверь. — Да, что и мне и было высказано. Высказано недвусмысленно. — Иссиан не ринется нам на помощь, но это и не нужно. Меня называют вторым колдуном в мире после Лофт, так что я как-нибудь самостоятельно поубиваю всех, кого мне хочется.

Аскольд взмахнул рукой, с пола взмыла его неизменная спутница — бутылка «Гнева королевы». Отпил вино прямо из горла. Подумал, протянул Проповеднице. Та приняла бутылку, кажется, с благодарностью.

— Лучшие серстские вина для тебя, госпожа моя. Прости, что без бокала, их в торговом

обозе не было. Кстати, оно отравлено.

Проповедница не отреагировала.

— Ты портишь мне пьесу, на этом моменте тебе полагалось испугаться.

Проповедница пожала плечами.

— Учитывая, сколько в твоём арсенале способов магического убийства, травить меня вином было бы глупо.

— Зато какое вероломство, какое извращенное коварство! Может, мне так интереснее, такой уж я оригинал. Всегда мечтал отравить кого-нибудь вином.

Проповедница поставила бутылку на стол.

— Я приму к сведению. О чем ты мечтаешь еще? Какова цель всего этого? Имея возможность пойти куда угодно, сидеть в лагере, убивать всех подряд? Что ты с этого получаешь?

Колдун мерзко улыбнулся.

— Удовольствие! Ты даже не представляешь, насколько большое. Вы убиваете нас, мы убиваем вас, такая уж жизнь. Но местами это бывает весело.

— Рёгнер хочет спалить тут все дотла.

— А я хочу спалить Тан-Фойден, как мы похожи.

— И все умрут? И вы, и они?

Огнетворец закинул ногу на ногу.

— Ну, это определенно лучше, чем только мы. По крайней мере, их крики меня порадуют.

— Тебе не жалко своих людей? Они умрут в бессмысленной войне. Твоей войне.

— Моей? — Аскольд тяжело посмотрел на нее. — Не я начал эту войну, женщина. Ее начали вы. Четыреста сорок лет назад. Из-за одного свихнувшегося менталиста. Из-за одного погибли тысячи, а десятки тысяч лишились всего. Может, тогда стоило задуматься, что война бессмысленна?

Следовало задуматься, к чему это приведет. Что кровь, страх и ненависть порождают только кровь, страх и ненависть. Что первый камень, брошенный в голову колдуна, которых тогда еще не называли чернокнижниками, столкнет лавину, и мир превратится в то, во что он превратился. В змеиную яму, где все ненавидят всех. В лагеря смерти и погромы, пытки и убийства. В Долгую Ночь.

Проповедница снова подула на пальцы.

— Такие, как Шамор, были угрозой. Он чуть не развалил мир до основания.

— Угрозой, значит. Знаешь, я бы понял, если вы перебили только менталистов. Но вы ведь на этом не остановились. Когда Повелевающие Разумом закончились, вы решили сжечь всех. Без разбору, на всякий случай. Сначала высших магов, потом низших, а потом просто тех, кто вам таковыми казался. Стаскивали на костер, топили детей, если, не приведи Свет, оба родителя были колдунами. Сгоняли в лагерь, облагали непосильными налогами, кастрировали, запрещали иметь жен и мужей. В этот лагерь однажды притащили деда. Старого и больного. Всю жизнь вырезавшего детям игрушки и иногда подправлявшего свою работу с помощью колдовства. Вместо благодарности получившего донос. Он и ходить-то без палки не мог, не то что работать. Здесь он и умер. Его никто не лечил, никто не кормил, когда он больше не мог таскаться в столовую с остальными. Не обрабатывал его язвы. Он просто гнил заживо на постели, пока однажды не умер. Скажешь, он тоже был угрозой?

— Но это не повод мстить всем без разбору.

Колдун лениво потянулся.

— Да неужели? Мне кажется, вполне себе повод.

— Я понимаю, за что ты ненавидишь Рёгнера и его прихлебателей. Тех, кто мучал тебя, тех, кто отправил тебя сюда. Тех, кто вырезал твою семью. Но вы убиваете простых людей. Солдаты, крестьяне, ремесленники, торговцы из Серсты в конце концов. Что они тебе сделали?

— Торговцев из Серсты я отпускаю, если тебе так уж интересно. Они мне не нужны. А, что касается твоего вопроса... Я хочу уничтожить этот город. Сровнять с землей, разнести по камню, утопить в крови своих жителей. Хочу, чтобы они понимали, что умирают, чтобы они орали от боли, а громче всех орал Якоб Рёгнер. Ты спрашиваешь, что они мне сделали? Они убили мою сестру, женщина, моих племянников, их слуг, всю мою семью. Твои так называемые простые люди. Да, приказ отдал Рёгнер, но не его кулак полетел в лицо Виры, не его руки разрывали на ней одежду, когда пришла Долгая Ночь. На ней и на многих других, кого тогда растерзали. И никто, ни одна тварь не встала на их защиту. Они сидели по домам, прятались, как крысы. Тряслись за свою жалкую жизнь. Те, кто еще за день до этого лебезил перед Вирой Андван и целовал ей руки. Хочешь, чтобы я пожалел их? Я поклялся не возвращаться сюда никогда, но вернулся, чтобы отомстить за нее, чтобы все они сдохли. Чтобы сдох Рёгнер. И попался, так глупо, как только мог. Оказался здесь. Но, вот забавно, теперь я на свободе, и по-прежнему хочу, чтобы все они сдохли. Очень хочу, госпожа моя.

— Мне жаль. Но ты не вернешь ее, — тихо проговорила Проповедница.

Надо же, жаль ей. Не приведи Шамор, сейчас начнет с ним душещипательную беседу о бесполезности мести.

— А я и не пытаюсь.

— Но ты можешь вернуть других. Говорят, ты сжег тринадцать человек из-за кузнеца, который был твоим связным.

Колдун кивнул.

— Выходит, твои люди тебе дороги. Те двое, которых схватили солдаты Рёгнера, до сих пор живы.

— Чушь. Я знаю Рёгнера, они давно уже замучены до смерти.

— Замучены, но не до смерти. Они живы, поверь. Хочешь их спасти?

Колдун подался вперед. Члены его отряда, его банды, граждане его маленького государства на руинах лагеря, те, кто верит ему и кого он обещал защищать. Умная сумасшедшая девчонка нащупала его единственное слабое место. Его люди, ЕГО. Они не должны умирать.

— Может быть, и хочу. И что же, Рёгнер пришлет их сюда вместе с запиской с извинениями?

— Вроде того. Если ты пообещаешь отсюда убраться.

Аскольд рассмеялся.

— И куда же я отправлюсь, по-твоему? Куплю домик в деревне и заведу козу?

Проповедница пожалала плечами.

— Куда хочешь. В Иссиан, в Цидамир, главное, чтобы подальше отсюда. Рано или поздно ты здесь погибнешь, и ты это знаешь. Стоит ли растрачивать свою жизнь на бессмысленные убийства?

— Убийства не бывают бессмысленными, они придают мне вкус к жизни и бодрость духа. В любом случае, Рёгнер, боюсь, не оценит твоих грандиозных планов.

— Рёгнер мне не помешает.

Колдун покачал головой. Девчонка в его глазах вновь падала до беспросветной идиотки.

— Может, меня и заинтересовало бы твое предложение, но Рёгнер больше всего на свете любит жечь и вешать. Чего он не любит, так это отпускать пленных. И он уж точно не послушает тебя с твоими бредовыми идеями, скорее наймет убийцу прирезать тебя в подворотне. Поспи, женщина, авось к утру станешь более вменяемой.

— Он послушает меня, просто поверь мне. Так ты меня не отпустишь?

Колдун фыркнул.

— Разумеется, нет, я планирую всю ночь тебя насиловать. Я не держал бы тебя, но идти ночью самоубийство. Впрочем, днем тоже, но ты как-то это проделала. Завтра утром уберешься в свой Тан-Фойден.

Аскольд вышел из пыточной. Солнце уползло за тучи, капал непрекращающийся дождь. Колдуны с интересом разглядывали Вокару. Впрочем, колдуны сильно сказано. Пятерка действительно сильных магов, не считая Алавета, остальные способны только сварить отвар от мужского бессилия. Кто-то разглядывал, а кто-то и откровенно пялился. Многие годы они женщин видели только из-за решетки, а тут такое счастье с белыми локонами и синими глазами. Аскольд предостерегающе зыркнул на свой отряд.

Мальчишка, как его там, топтался позади. Лыбился во весь рот, увидев Проповедницу живой и невредимой. Глупая и, скорее всего, безнадежная юношеская любовь, которую видят все, и Вокара в том числе.

Аскольд оглянулся на Проповедницу. Та медленно шла за ним, оглядывая лагерь. Смотри, смотри на покосившиеся бараки, на изможденных людей, смотри и верь, что между нами и вами возможно перемирие. А лучше не верь, для тебя же лучше. Потому что, что бы ты о себе ни думала, какими бы полномочиями тебя ни наделил де Лантор, ты схлопочешь кинжал в спину от наемных убийц Рёгнера или камень в голову от горожан, которым придется не по нраву твои безумные идеи. Жаль, сколько тебе об этом ни говори, ты все равно не прислушаешься.

Надо ее где-то разместить, где-то, где тепло и не совсем отвратно. А то подохнет воплощенная святость от простуды, какой удар будет по церкви Светозарного. Например, в лазарете, самое пристойное место.

Колдун кивнул проходящему мимо Рафиану. Последователь запрещенного во всем цивилизованном мире культа Черных отцов с востока, неведомо как оказавшийся в Танаире и еще на родине лишившийся языка, к магии был непригоден абсолютно, а потому заведовал хозяйством. Надо будет спихнуть заботы о девчонке на него. Рафиан сделал замысловатый жест рукой, приложил кулак к груди и поклонился, выражая почтение своему командиру.

Земля под ним разверзлась.

Бывшего культиста обхватило черное, влажное от слизи щупальце. Аскольд выбросил вперед руку, намереваясь спалить дрянь, но та уже исчезла в земле, увлекая за собой потрясенного Рафиана. Через мгновение из земли вырвались еще три щупальца: одно схватило старого низшего мага, другое — бывшего кузнеца с обожженным лицом, третье заметалось на том месте, где только что стоял Алавет. Аскольд послал в него струю огня, склизкая кожа свернулась, обнажая воняющую горелым плотью, и щупальце скрылось под землей.

Таких тварей колдун прежде не видел. В основном с Изнанки лезло нечто членистоногое, примитивное и тупое, что отогнать было довольно легко. Аскольд ловко

забрался на крышу одного из барачков: здесь подземный монстр, чем бы он ни был, его не достанет. Остальные делали то же самое: кто-то быстрее, кто-то медленнее, но в панике не метался никто. Все-таки своих людей он муштровал хорошо.

Маг поискал глазами Проповедницу. Девчонка, поддерживаемая под руку Кирианом, а, может, поддерживающая его, карабкалась на здоровенный валун рядом с пыточной. Тоже неплохо, вряд ли неведомая тварь способна проламываться сквозь камни. Но что это, Шамор побери, такое?

Щупальца вновь вылезли из земли, на этот раз всего три. Аскольд удовлетворенно ухмыльнулся и огрел их огненным потоком, но конечности твари извивались с потрясающей быстротой. С другой крыши выпустил ледяное копье Алавет, пригвоздив щупальце к земле. Жаль, Гафин, помогавший ему в милом развлечении с патрулем, сейчас где-то в пыточных Тан-Фойдена, маг земли пришелся бы как нельзя кстати.

Пораженное льдом щупальце отчаянно задергалось, земля вздыбилась. Монстр, кем бы он ни был, понял ошибочность своей стратегии и решил показаться целиком.

Здоровенная, размером с дом туша, венчаемая маленькой треугольной головой с одним глазом и зубастой пастью, вылезала из-под земли. Как она вообще там поместилась, туннель прорыла? Поводила башкой из стороны в сторону, приняухалась. Она ведь слепая, должна быть слепой. В подземной тьме зрение ни к чему.

Тварь дернулась, когда на нее с двух сторон полились потоки льда и огня. Как жаль, что у них всего два боевых мага. Кожа на боку слезла, опаленная, открывая черное мясо, одно из оставшихся в живых щупалец промахнулось мимо Аскольда, зато другое стащило с крыши старика и тут же отправило в зубастую пасть.

Пронзительно заорал мальчишка. Аскольд быстро обернулся: незадачливый поклонник Проповедницы не пострадал, всего лишь был в ужасе. Впрочем, он быстро опомнился и попытался неуклюже встать перед девушкой. Герой, забери его Шамор.

Вокара, к удивлению Аскольда, не орала. Она неотрывно смотрела на чудовище, так пристально, словно пыталась взглядом прожечь в нем дыру. По крайней мере, издавдалека ему так казалось.

Аскольд направил прямо в морду твари огненный поток. Мерзость на удивление плохо горит, любая другая на ее месте давно бы уже сдохла. Алавет делал пассы руками и что-то шептал. Похоже, пытался заморозить то, что текло по жилам монстра вместо крови.

Подземный уродец взвыл, закрутился на месте, беспорядочно размахивая щупальцами. С криком упал одноухий низший маг и исчез в зубастой пасти.

Аскольд почувствовал, как приходит в бешенство. Он освободил этих людей, он защищал их от Рёгнера. Он не позволит убивать их какой-то ошибке природы.

Огнетворец прошептал заклинание, и дерево над головой твари вспыхнуло. Полыхающие ветки валились на монстра, словно факелы, одна ударила чудовище прямо в глаз. Тварь пронзительно заорала и принялась метаться по лагерю. Аскольд увернулся от беспорядочно бьющих щупалец. Шамор, он должен был издохнуть, а не впасть в безумие!

— Нееет!!!

Это орет Кириан. Дергаясь, как ошалелый, монстр попер прямо на Вокару, и ее верный рыцарь не придумал ничего лучше, чем героически закрыть девушку собой. Щупальце метнулось к нему и промазало, поскольку Проповедница успела повалить своего незадачливого спасителя на камень.

Шкура твари пузырилась, обнажая черное мясо, с двух сторон ее поливали льдом и

огнем, но монстр упорно отказывался дохнуть. Замахнулся еще раз, метя в лежащих на камне юнцов. Юнцов, неуклюже пытающихся встать. Проповедница лежала на спине, снова плясь на чудовище. Аскольд отчетливо понял, что они не успеют.

Жаль. Бесславный конец для смелой и странной девицы и влюбленного в нее дурака. Проповедница давно уже могла погибнуть сотнями разных способов, но из всех судьба приберегла для нее самый мерзкий. Сгинуть в пасти неведомого чудовища, быть сожранной заживо.

Щупальце замерло в полуметре от своей цели. Зависло в воздухе, словно монстр вдруг заколебался. Всего на мгновение, но Алавету этого хватило. Ледяной гарпун наконец-то вонзился в голову застывшей на месте твари и пробил ее насквозь. Щупальца дернулись в последний раз и опали.

Аскольд, выждав мгновение, спрыгнул с крыши и подбежал к чудовищу. Мертвое, вне всяких сомнений. Эту мерзость надо будет спалить, а пепел утопить в отхожем месте.

Рядом собирались его люди. Их четырех десятков он потерял пятерых: всего вдвое меньше, чем за все полгода после бунта. Потерял из-за вылезшей из-под земли дряни. Жаль, что чудовище сдохло: он предпочел бы обездвигить и замучить его медленно.

Проповедница, опираясь на плечо Кириана, с трудом подошла к огнетворцу. Выглядела она ужасно: синие глаза потускнели, от лица словно отхлынула вся кровь, руки мелко дрожали. Оказывается, и тебя можно напугать, ты не такая железная, какой хочешь казаться.

— Что это было? — выдавила из себя Вокара.

— Не знаю, — честно ответил колдун. — Никогда в жизни не видел подобного.

Девушка кивнула, словно ответ ее удовлетворил, пошатнулась и снова вцепилась в плечо своего рыцаря. Надо отправить ее отсыпаться.

— Пойдем, — колдун потянул девушку за другую руку, та почти что повалилась на него. — Уложим тебя спать.

Вокара, вцепившись в колдуна, покорно двинулась следом. Он заметил, что губы у нее искусаны в кровь. И еще кое-что. Запястье Проповедницы покрывала тонкая сетка свежих порезов.

;

## Глава 8

Спеют плоды на Великом Древе, наливаются соком и скатываются наземь. Распускаются почки, зеленеют листья, чтобы опасть и унести вместе с ветром. Так и души людские, совершив предначертанное, теряются в шелесте его ветвей, проливаются водой, что питает его корни, чтобы однажды возродиться вновь. Глуп и погряз в гордыне тот, кто в самый суетный день не найдет минуты встать на колени и воздать Великому Древу почести. Помолиться за мир, что погряз во зле, за себя и за других. За Амарию, что стоит грудью на пути тьмы и совсем себя не жалеет. Не Амарию, Констанс. Амария Шаоме умерла, ее сожгли на костре восемнадцать лет назад. Но Великое Древо в милости своей подарило ему другую дочь, названную, так похожую на родную.

Много лет Исиф служил Древу, как мог. Спасал жизни. Мог ли он помыслить, что Древу служит и та, что их забирает?

Много лет Исиф лечил людей. Виновных и невиновных, плохих и хороших, владеющих магией и нет. Лишенных всего, заживо похороненных в колонии в жарком Ка-Бодаре, выходом откуда была лишь смерть. Императрица освободила их всех разом. Расплатившись за жизни узников жизнями надсмотрщиков. Не всех. Лишь тех, на кого указали пленные

колдуны, тех, кому доставляло радость издеваться над пленными. То есть почти каждого.

Не тронули троих: старого надзирателя, который тайком таскал заключенным еду, священника и доктора. Забрали с собой, поскольку в разоренном лагере делать было нечего.

Он плелся в хвосте армии. Неделью. Полугость-полупленник. А потом принц Альберт подвернул ногу, и Повелительнице Магии потребовались все без исключения врачи. Они поговорили. Разговорились. Поговорили еще. И поняли друг друга, лекарь и убийца, великая колдунья и обычный человек. Так и вышло, что простой доктор из Цидамира постепенно стал правой рукой самого могущественного человека мира.

Самый могущественный человек мира, как всегда, не спал. На столе Исиф заметил коробочку с серым порошком. Взял, размахнулся и выбросил в открытое окно.

— Шаоми, у меня есть еще.

Констанс подняла обведенные темными кругами глаза. На столе лежали книги, просто-таки гора книг, и исчерканные неровным почерком Императрицы листы. Магические изыскания при свете луны, потому что днем времени не хватает, в этом вся Констанс.

— Пожалуйста, Ваша Светлость. Я мирюсь с вашими ночными бдениями, но хараши вас погубит.

— Он прочищает мне мозги.

— Он убивает вас. — Исиф взял толстую книгу, которую изучала Императрица, захлопнул и убрал в ящик. Никто другой не позволял себе так обращаться с Повелительницей Магии. — Вы читаете о демонах Изнанки? Зачем?

— Ты ведь все равно не поймешь.

— Я понимаю одно: до утра это терпит.

— С утра меня ждет куча других дел.

Доктор скользнул взглядом по полупустой бутылки под столом. «Милость королевы», любимое вино Императрицы. «Гнев королевы» Констанс не пила никогда, лишь «Милость» и «Мудрость». Очевидно, считала, что гнева у нее достаточно.

— А сейчас у вас самое важное дело: спать! Ваша Светлость, так нельзя. Если вы сейчас же не ляжете, клянусь, я подсыплю снотворное вам в вино и можете изгнать меня с позором.

— Не время отдыхать. Идет война, Шаоми.

— Война не идет! Вы пока еще не выступили против северных королевств, не происходит ничего такого, ради чего стоило бы себя гробить. Послушайте, Ваша Светлость, вы великий человек. Вас лишили всего, вы скитались по лесам, нагруженная младшим братом, о котором приходилось заботиться. Вас преследовали, мучили, травили, как бешеного зверя, вы были одна против всех. И вы победили. Вы мечтали заявить о себе, защитить себе подобных, построить новый мир, где все будут равны, и вы все это сделали! Вы величайший маг и самый могущественный правитель на этой земле. Так почему же вы не живете, а выживаете? Почему для вас война никогда не заканчивается?

Императрица потеряла усталые глаза.

— Потому что она не заканчивается, Шаоми. Кто-то должен управлять Империей, кто-то должен за всем следить. В конце концов, иначе зачем я нужна?

— Меня тревожит, что вы сами себе не нужны, Ваша Светлость. Но вы нужны мне. Если вы себя загубите, у меня ничего не останется в этом мире.

Констанс вздохнула.

— Ладно, Шаоми, уговорил, демонология подождет. Но только на эту ночь, слышишь? Только на эту ночь.



\*\*\*

Она выполнила обещание. Поспала до утра.

Альберт, Тибольд, гарнизон, указы. Наскоро проглоченный обед. Указы, Тибольд, Альберт, гарнизон. Рыцарь Лаэрэдс из Лаэрэдса, Шамор, какой же ты придурок, за что только Альберт кормит тебя с руки. Нет, мы не двинемся прямо сейчас в освободительный поход на север, распевая песни, ибо того желает Светозарный, исчезни. Альберт, Шаоми, Тибольд. Тибольд, Тибольд, Тибольд, вдруг именно сегодня решивший принять живое участие в государственных делах. Альберт, убери руки. Альберт, не сегодня. Я устала.

Она устала, и этой ночью у нее много дел. Впрочем, как и всегда.

Если б кто-то написал методичку юного колдуна, на первой странице следовало вывести: «Не заигрывайте с Изнанкой». Но Констанс юной уже была. Она с ней не просто заигрывала, она прямо-таки играла на ней с оркестром, била в барабаны.

Изнанка. Населенная монстрами, пожирающими все живое, и злобными демонами, мечтающими поглотить наш мир. Проникающими в дыры в ткани реальности и охотящимися на колдунов. Становящимися все сильнее после вызванной Шамором катастрофы. Один из которых помогает злейшему врагу, величайшей колдунье в мире. Зачем?

Лофт отбросила книгу в сторону и раскрыла следующую. Что мы знаем о демонах? Только то, они одержимы идеей обрушить свой мир на наш и заселить его чудовищами. Что мы знаем о погибающих людях и горящих городах? То, что в последнее время они встречаются чаще, чем ромашки на лугу. Негусто.

Фаирасису что-то нужно от нее. Но что? И когда он выставит счет?

Очередной трактат оказался таким же бесполезным. Ничего путного, только повторяемые из поколения в поколение старые сказки. Значит, пора навестить библиотеку. Повелительница Магии накинула плащ и открыла портал домой. В конце концов, негоже Императрице Иссианской совсем не бывать в Иссиане.

Комнаты замка Иссианского поражали воображение красотой и роскошью. Раньше. С воцарением Констанс на смену роскоши пришла практичность. Практичный стол, практичный стул, практичные кресла и диваны — вот и все убранство кабинета блюстителя трона, что еще нужно?

Сафим, как всегда, вздрогнул, когда она появилась из ниоткуда. Могущественный Повелитель Льдов, спасенный ей от смерти, преданный, как три Шаоми вместе взятые. Лучший местоблюститель, которого можно пожелать. И имеющий ту же привычку работать по ночам.

— Я ждал вас вчера, Ваша Светлость.

На столе двумя безукоризненно ровными стопками были сложены бумаги. Кажется, даже количество листов в них было одинаковым. Констанс вспомнила оставленный ей в Файзине бардак.

— Дела, — Лофт опустилась в кресло. — Что нового?

— Милостью Великого Древа в Империи все спокойно, — поклонился сухощавый колдун. — Я правлю вашим именем, Ваша Светлость.

— Не Великого Древа, Сафим. Нашей с тобой милостью.

— Вашей милостью, Ваша Светлость. Я всего лишь скромный слуга.

— Ты себя унижаешь, Сафим. Без тебя тут все развалится.

Колдун разулыбался. Левый глаз у него периодически дергался, и эту странность не мог

вылечить ни один целитель. Никто даже не мог понять, откуда она взялась. Только один колдун с запада болтал что-то то ли про нервный пик, но ли про нервный тик.

Местоблюститель, Лофт знала точно, был давно и безнадежно в нее влюблен, и потому прекрасно подходил на свою должность. Правил Иссианом во славу и именем Императрицы, которая безжалостно его использовала. Одна из самых мерзких вещей, которые приходят вместе с властью — необходимость использовать людей, которые тебя любят.

Констанс, не утруждая себя заклинанием, кивнула на шкаф с винами. Сафим заулыбался еще шире, двери распахнулись, бутылка и два бокала поплыли на стол. Местоблюститель перехватил один из них в воздухе, собственноручно разлил вино, унизанная перстнями рука почтительно протянула ей бокал. Все истинные иссианцы любят золото и украшения и не считают зазорным демонстрировать богатство всем и каждому. Забавно, он чуть ли не единственный уроженец Алого города среди ее ближайших советников. Впрочем, Иссиан всегда напоминал рынок в базарный день: толпа людей разных национальностей, верований и цветов кожи галдит и пихает друг друга локтями.

— В Файизине все спокойно, Ваша Светлость?

— Единственное беспокойство, которое может причинить мне Файизина, это насравший на голову голубь. И то вряд ли: Шаомер закроет меня собой, оградит от опасности. Ах да, еще этот твой святоша. Зачем ты его мне навязал?

— Затем, что вы оскорбили церковь, Ваша Светлость.

Констанс залпом осушила бокал, шевельнула пальцами, бутылка опрокинулась над ним вновь. Сафим, великий ценитель вин, поморщился. Бедняга видеть не может, как его изысканные вина, которые полагается смаковать, хлещут, словно пойло в трактире. Но Императрица все делает быстро, увы.

— Церковь — не юная девственница, утрется. К тому же, это было семь лет назад, можно бы уже утешиться.

— Увы, церковь не имеет привычки утешаться столь быстро, как юная девственница в чужих объятиях. Надо периодически бросать святошам кость, пусть видят, что мы несем слово Светозарного на завоеванные земли.

— На земли, где подавляющее большинство населения и так ему и поклоняется? — с сарказмом уточнила Констанс.

— Тогда зайдем с другой стороны — местные охотнее примут вашу власть, зная, что вы одной с ними веры.

— Ты не поверишь, Сафим, когда загораются их дома и погибают родичи под нашими копытами, вопрос веры как-то перестает их заботить. Церковь должна вилять хвостиком и не тявкать, пока я ей не позволю. Что бывает, если бросать ей костей без счета, мы уже видели на примере Иерама Первого. Местный аналог ордена Святого Скипидара мне здесь не нужен.

Повелитель Льдов тонко улыбнулся.

— В Иссиане ордену было бы трудно, здесь некого сжигать.

— Не беспокойся за них, Сафим, они найдут кого-нибудь вместо колдунов. Находить, кого и за что сжигать — главный талант человечества.

Сафим склонил голову. Констанс глубоко вздохнула.

— Ладно, ты прав. Кость так кость. Но твой Оббид меня бесит. К тому же, он слишком сильно присосался к Альберту. Кстати, почему ты не послал с армией кого-нибудь из церкви Великого Древа? Заимел бы кучу собратьев по вере.

— Все мы служим Великому Древу, Ваша Светлость. Даже те, кто не подозревает о его существовании. Но я не льщу себя надеждой, что север обратится к истинной вере, они слишком погрязли в своих заблуждениях.

— Бряцанье оружия и пара тычков под ребра обычно хорошо способствуют обращению к истинной вере.

— Великое Древо желает искренности от своих слуг, Ваша Светлость. И блага для людей. Бряцанье оружия вряд ли можно счесть благом.

— Ты плохой верующий, Сафим. Хорошие верующие насаживают свою религию где можно и нельзя, как сорняк, а упорствующих забивают камнями. И за эти славные дела их потом канонизируют и воспевают им хвалу. Ты понимаешь, что не дождешься песнопений, мой бедный друг?

Блюстителю трона снова отпил из бокала.

— Я переживу. Пока вы не явились в Иссиан с мечом, полстраны с молитвой Великому Древу на устах лупила вторую половину, прославляющую Светозарного, а церковь помогала этой второй половине давать сдачи. Сделав Иссиан светским государством, вы избежали многих бед. Только...

— Только оскорбила церковь, я знаю, — уныло dokonчила Констанс. — И теперь мне время от времени приходится бросать ей подачки. Я знаю, Сафим, слышала миллион раз. Давай сменим тему. На более актуальную.

— Как скажете, Ваша светлость. Актуален сейчас север. Пойдете войной на Танаир?

Констанс потерла глаза.

— Не знаю. Я послала Иераму письмо с предложением встретиться в Адланисе. Не удивлюсь, если он скакал от радости и пол под ним проломился. Но все, что я могу ему предложить — это сдать и принести мне клятву верности. Боюсь, боров на это не согласится.

Местоблюститель допил свой бокал, налил следующий.

— Хороший выбор, Ваша Светлость. Говорят, Адланис прекрасен.

Констанс фыркнула.

— Выбор был особенно сложен, учитывая, что мы стоим за рекой прямо напротив города. Скажи мне лучше, есть вообще смысл в этих переговорах?

— Вы ведь все равно не прислушаетесь к моему мнению.

— Скорее всего. И все же я хочу его услышать.

Сафим помолчал, замысловато сплел пальцы, поднял глаза. Обращается к Великому Древу, спрашивает у него мудрости.

— Северный король слишком упрям и отравлен ненавистью к чародеям, — наконец, проговорил местоблюститель. — Думаю, день переговоров станет днем начала войны. Но вы покажете всем, что милостивы и готовы были принять капитуляцию, которую гордец-северянин вероломно отверг, предпочтя утопить свою страну в крови. Алое знамя все равно взвьется над Танаиром, так или иначе.

Так или иначе. Но какой ценой?

— Ответь мне честно, Сафим, Империя выдержит большую войну?

Местоблюститель сделал новый глоток.

— Выдержит, Ваша Светлость. Но с последствиями придется разбираться еще долго. Империя огромна, в этом ее величие и беда. Пока вы будете воевать с ее левого конца, бунт вспыхнет на правом.

Констанс кивнула.

— Я склоняюсь к тому же. Но и мир на условиях Танаира мне не нужен.

— Попытайтесь договориться?

— Они хотят видеть меня и мне подобных закованными в цепи, я хочу видеть их склонившими головы перед Алым знаменем. Не думаю, что тут можно договориться. Знаешь, я чувствую себя старой, Сафим. Альберт бредит войной, жаждет поставить северян на колени. И я знаю, что многие думают так же, как он. Похоже, с пропагандой мы слегка переусердствовали. А я... Я запуталась. Я уже не знаю, чего хочу.

— Простите меня, Ваша Светлость, но, при всем уважении, принц никогда не отличался дальновидностью и мудростью.

— Сафим, — предостерегающе произнесла Констанс. — Не забывай, что он мой брат.

— Великое Древо не позволяет мне лгать своей госпоже, Ваша Светлость, увы, я вынужден говорить горькую правду, — ровно произнес местоблюститель. По нему никогда нельзя было сказать, шутит он или говорит серьезно.

— Сафим, чтоб тебе на Яэнис жениться, — буркнула Констанс. Крутой нрав Винной королевы был известен далеко за пределами Серсты. — Ладно, ты прав. Мудростью отличаюсь я. Но пока моя мудрость безмолвствует.

— У нас еще есть время подумать, Ваша Светлость. Но вы ведь явились не только ради разговора о мудрости?

— Нет, — Констанс допила второй бокал и сожалением поставила его на стол. — Открой для меня библиотеку.

Лень, смертельно лень выбираться из мягкого кресла, но надо. Не для того она явилась в Иссиан, чтобы болтать.

Вниз по лестнице, мимо отсалютовавшей неожиданно прибывшей Императрице страже. Иссианский дворец — величайший в мире, прославившийся красотой и богатством далеко за пределами Империи. Построенный не ей и не для нее, но ставший отличным пристанищем для Повелительницы Магии и ее свиты.

Библиотека располагалась на четвертом этаже, прямо под кабинетом. Блюститель трона повернул ключ, и тяжелые двери распахнулись.

— Я вам нужен, Ваша Светлость?

— Пока нет. Я дам знать, если мне что-то понадобится.

Тяжелые люстры под потолком, ряды свечей, которые Констанс зажгла повелительным взмахом руки. Наложенные на стены охранные заклинания, предохраняющие бесценные книги от потопа или пожара. Кажущиеся бесконечными ряды шкафов, заставленные фолиантами. Книги, книги обо все на свете. Поэтические сборники, исторические трактаты, приключенческие романы, набирающие популярность в последнее время, справочники по ботанике и медицине.

И по магии. Сотни и сотни книг, за одно упоминание о которых на севере волокли на костер. А вот и отделение демонологии. Констанс произнесла заклинание, и гримуары зашелестели, открываясь.

Жизни не хватит, чтобы все это прочесть. Трех жизней. Констанс пробегала фолиант глазами, захлопывала, небрежно подбрасывала в воздух, и книга послушно летела на свое место. «Изнанка: твари реальные и воображаемые», «Правда и вымысел о демонах той стороны», «Прикладная демонология», «Преступления Шамора Безумного», «Демоны и способы борьбы с ними». Не то, не то, не то. Ничего нового, ничего такого, чего она не знала

прежде. Никаких ответов. Жаль, никому из древних авторов не пришло в голову написать «Подробное толкование снов о падении с башни со сносками и картинками».

Для всех авторов демоны сливались в безликую массу. Жестокие, кровожадные, одержимые убийством и ненавистью к колдунам, но все же разумные. Странно, что никто не догадался до того, до чего догадалась она. Между разумными существами никогда не бывает единства.

А значит, на Той стороне есть кланы. Грызня, враждующие семейства, партии, если угодно. Кто-то убивает колдунов, а кто-то... Помогает? Заманивает в ловушку? Рассчитывает использовать против своих собратьев, с которыми что-то не поделил?

Шелестели давно не читанные листы, в нос бил запах пыли. Библиотека досталась ей от старого короля, обезглавленного ей на главной площади, который, какая ирония, питал тайную страсть к собиранию магических знаний. Должно быть, некоторые из этих книг не открывали никогда. «Обереги против исчадий Тьмы», «Чудовища большие и малые», «Заметки о демонах и монстрах». Прошел почти час бесплодного копания в выцветших страницах. Похоже, ничего нового она здесь не найдет.

О, а вот и что-то интересное. «Видения, демонами насылаемые, дабы разум помутить да во грех ввести». Констанс стащила толстенный фолиант с полки.

Большую часть книги занимал раздел «Видения о деле греховном» с картинками и подробными описаниями, местами весьма интересными. Констанс хмыкнула, с сожалением пролистав дальше. «Видения иные, с делом срамным не связанные». То, что нужно.

«Узревшему кота черного, — сообщила книга, — трижды по три раза следует дом обойти, молока у двери поставить да у порога домовому в ноги поклониться, ибо сулит то дому бедствия да безденежье. Кошку же узревшая баба за мужем следи, а мужик за женою, ибо похотливость этих тварей всем на миру известна». Как автор предлагал отличать кота от кошки, не уточнялось.

«Коли деву с младенцем на руках увидишь, то постигнет дом великая радость: понесет баба да родит здоровенького, а то и двух». Что ж, тут к логике не придерешься.

«Коли видишь короля хворого али корону сломанную, али что помирает король, — Констанс сощурилась, придерживая рукой выцветшую страницу, — то великие перемены ждут мир да великие бедствия. Ослабнет тот, кто ныне велик, да все потеряет, а на его место новый придет».

Фаирасис прав, никто не собирается ниоткуда падать. Видение всего лишь означает конец чьей-то власти и явно не ее. Конец чьей-то власти на вершине башни Арамор, конец свободного севера, конец суверенитета Танаира. Прекрасно, просто прекрасно. Констанс пролистала оставшиеся страницы. Ни про отрубленные головы, ни про горящие города ничего. Что ж, частичный успех — тоже успех.

Повинуясь взмаху руки, книга плюхнулась на свое место. Констанс откинула волосы со лба. В висящем на стене тяжелом зеркале отразилось движение за спиной. Какая-то тень.

Свечи потухли все разом, как будто их задул ветер.

Красная пелена. Знакомая красная пелена, очень подходящая моменту. С каких пор демоны свободно лезут в мир, да еще и смеют нападать на нее прямо во дворце?!

Констанс прошептала заклинание, создавая мерцающий шар света. Прижалась спиной к книжному шкафу. Одна тварь стояла в пяти метрах от нее, скаля зубы. У ее ног с поводка рвалось нечто, смутно напоминающее пса. Монстр Изнанки приволок ручное чудовище, прямо как в детских сказках.

Второй световой шар поплыл вперед, выхватив еще четыре темных силуэта. И так, их много. Прекрасно.

Констанс перехватила трость поудобнее.

— Что вам нужно?

Глупый вопрос. Что может быть нужно от колдуньи чудовищам, охотящимся на колдунов?

Казалось, демон не размыкал губ. Голос вгрызался прямо в мозг, похожий и непохожий на голос Фаирасиса. Гулкой и глухой, как будто били палкой о чугунный таз.

— Ты смерть.

Констанс медленно отступила в угол, образованный двумя шкапами. Здесь на нее хотя бы не нападут сзади. Демоны. Единственное, чего может опасаться великая колдунья.

— Я не желаю зла Той стороне.

— Ты смерть. Ты смерть, смерть, смерть...

Первая тварь сделала шаг вперед и взвыла, когда Констанс послала ей прямо в лицо огненный поток. Сорвавшийся с цепи зверь, оказавшийся на редкость мерзкой помесью собаки и скорпиона, клецнул клешнями у самой ее ноги. Лофт отшвырнула тварь в стену не магическим, но очень действенным пинком.

Они кинулись на нее все разом. Второму демону Констанс вцепилась по голове тростью, но третий ее достал. Схватил за руку, почти что ломая пальцы, голову пронзила боль.

Демонам не нужно оружие, им даже не нужна магия, они неплохо научились влиять на разум.

— Ты смерть, — обвалом катился голос. — Ты смерть, смерть, смерть...

Из последних сил Констанс попыталась врезать ему коленом в пах, но ее уже повалили.

— Ты смерть. Ты смерть, смерть, смерть...

Пальцы, тянущиеся к ее горлу, задымились, тварь с воем отдернула руку. Констанс перекатилась, вскочила, закрутив в руке трость, отшвыривая ей собакоскорпионов. Врезала тростью, одному, второму, поразила молнией третьего. Выхватила прячущийся в трости меч. Их здесь не пять, а как минимум десяток.

В голове словно надрывался колокол.

— Ты смерть, смерть, смерть...

Тварь прыгнула на спину, и ее повалили снова. Собакоскорпион вцепился в ногу, пальцы онемели. Демон дернул ее за волосы, пытаясь приставить к горлу нож, Констанс исхитрилась и дала ему пинка. Вцепилась зубами в руку второго, который ее держал, но его тут же сменил третий. Ну и мерзкий же вкус. Вслепую ткнула мечом: раздался вопль, но хватка не разжалась.

Ледяные шипы вдруг проросли прямо сквозь монстра. Тот взвыл, задергался, как жук, наколотый на иглу. Рухнул замертво, покрывшись инеем, еще один, кровь, или что там у демонов вместо крови, в его жилах превратилась в лед.

— Сафим!

Повитель Льдов огрел ледяным потоком еще одного, тварь рухнула на пол. Констанс отсекла ему голову мечом. Надо же, остался всего один, а она неплохо отбивалась.

Последняя тварь оскалилась, сверкнула красными глазами и растворилась в воздухе.

— Ваша Светлость!

— Я в порядке, — пробормотала Лофт. Нога, разодранная зубами твари, немилосердно саднила.

— Ваша Светлость, позвольте.

Местоблюститель подхватил ее на руки.

— Они меня чуть было не задрали. Ты спас меня. Спасибо.

Сафим посмотрел на нее. Хочет более явно выраженной благодарности, хоть и не надеется на нее. Лофт послала ему смущенную улыбку, которую при должной фантазии можно трактовать как обнадеживающую. Не лишай беднягу надежды, а то он перестанет столь преданно тебе служить. Противно от самой себя, но так нужно. Империя стоит, пока сильна Императрица, а Императрица сильна, пока в Иссиане сидит ее верный наместник и не помышляет о предательстве. А интересы Империи превыше всего.

— Как они посмели напасть на вас здесь?

— Понятия не имею. С каких пор демоны вообще так нагло ходят между мирами? Что-то брешей я здесь не вижу.

Местоблюститель осторожно нес ее к выходу, Констанс оценивала разрушения. Один шкаф обвалился, но в целом книг пострадало не так уж много. Остается надеяться, что это был шкаф с чем-то на редкость скучным.

— Я прикажу сейчас же тут прибрать, Ваша Светлость.

— Да, прикажи. Не желаю, чтобы в моем замке валялась эта падаль. И пусть позаботятся о книгах, чтобы не пропал ни один лист, который можно спасти.

— Будет сделано, Ваша Светлость.

Констанс помолчала. Сказать?

— Несколько дней назад мне было видение. Неприятное. Что-то происходит, Сафим, что-то очень плохое. И мне кажется, твари не просто напали на первого попавшегося колдуна, как это обычно бывает. Они за что-то обозлились персонально на меня.

Сафим занес Императрицу в ее покои, осторожно уложил на кровать.

— Демоны глупы, Ваша Светлость. Их ведет злоба и слепая ярость. Не думаю, что они вообще способны отличать людей друг от друга. Я позову целителя. Выставлю снаружи стражу и удвою охранные заклинания. Клянусь, ни одна тварь сюда не пролезет. Отдыхайте, Ваша Светлость.

\*\*\*

Повелительница Магии лежала, чувствуя, как затягиваются ее раны. Старичок-целитель что-то бубнил об отдыхе и постельном режиме, Констанс пропускала мимо ушей. Жаль, что при всем своем могуществе способностью к врачеванию она не обладает.

— И до утра не вставать! — закончил дед, укрывая Императрицу одеялом. Констанс, наученная опытом общения с Шаоме, покивала. Почему все врачи одинаковые, владеют они магией или нет?

Старичок скрылся с глаз долой. Он прав, ей нужен отдых. Такой отдых, который хоть ненадолго вышибет из головы все мысли, а не унылое лежание в постели.

Бокал и бутылъ подплыли к Повелительнице Магии, Констанс сделала большой глоток и закашлялась. В винах разбирался Сафим и неизменно приносил ей самые лучшие, а она ткнула в первое попавшееся и глотнула какую-то кислятину. Впрочем, сойдет, не звать же ради этого местоблюстителя. Лучшие вина, лучшие наркотики, лучшие мужчины и женщины — все удовольствия доступны властительнице половины мира. Жаль, на них почти никогда нет времени.

Вслед за бокалом в руку легла коробочка хараши. Лофт вдохнула порошок. Этот отдых она заслужила.

Вновь сам по себе дернулся шнур звонка. Целитель велел не вставать, она и не будет.

Тамира и Афира появились на пороге. Молодые красавицы, неспособные к магии, зато обладающие массой других талантов. Эту Констанс вызволила из борделя, попутно развалив его до фундамента и перевешав сутенеров. К удивлению Повелительницы Магии, шлюхи не стремились сменить профессию, лишь пол клиентов. Лофт надеялась, что с ней им все же немного приятнее, чем с толпой немых мужиков.

Альберт никогда бы не простил ей измену и шел красными пятнами при виде Сафима. Но измена с женщиной за такую не считается, верно? Констанс облизнула губы и призывно поманила шлюх пальцем.

Девушки приникли к Императрице с двух сторон, Лофт рассмеялась и плеснула на Афиру вино. Тамира принялась слизывать сладкие капли с груди подруги, одной рукой раздевая ее, а другой — Императрицу. К Шамору, все к Шамору, к Шамору демонов и Иссиан, войну и Альберта. Она устала, смертельно устала, сейчас ей нужны женщины, хараша и вино. На одну эту ночь, потому что утром ее снова встретит гора дел и головная боль.

;

## Глава 9

Синие глаза снова смотрели осмысленно, но бледность с лица никуда не ушла. Сон пошел Проповеднице на пользу, но она по-прежнему напоминала ходячий труп. Хорошо хоть шататься перестала. И по-прежнему мерзла: узкие плечи сутулились, руки прятались в рукава. Колдун подошел и укрыл ее своим плащом.

— Женщина, — негромко позвал Аскольд. — Отойдем, хочу поговорить.

Вокара с усилием поднялась и покорно пошла следом за магом. За ночь с неба натекали приличных размеров лужи, девушка чуть не ступила в одну из них. Аскольд вполголоса помянул Шамора и взял Проповедницу под руку, подталкивая на более-менее сухой участок земли. Да что с ней такое? Спотыкается на ровном месте. Ее как будто выжали досуха.

До полуразвалившегося барака на окраине лагеря ее пришлось практически тащить. Аскольд доверял своим людям, как себе, но при этом разговор посторонние уши и глаза ни к чему. Колдун усадил девушку на устланную сертским шелком кровать, опустил напротив и пристально уставился на нее. Проповедница тут же закуталась в ткань.

— Ты не слишком-то испугалась вчера.

Девушка пожалала плечами.

— Я испугалась, но не визжать же мне от ужаса. Не будь обо мне слишком низкого мнения, Аскольд. Я уже видела чудовищ. И обычных, и в человеческом обличье.

— Ах, прости. О, воительница в белых одеждах, разящая не мечом, но словом, неустрашимая проповедница, светоносная и благая, гроза чудовищ.

Проповедница не отреагировала на насмешку.

— Она сожрала пятерых моих бойцов. Признаюсь, эта тварь совершила невозможное: ее я ненавижу даже больше, чем Рёгнера.

— За что ее ненавидеть? Она родилась монстром.

Колдун поднял бровь.

— Да ладно? Только не говори, что ты добра и благостна настолько, что жалеешь пытавшееся сожрать тебя чудовище, это будет слишком для моей хрупкой душевной организации. Может, и с ней заключишь перемирие? Будем каждый день скармливать ей кого-нибудь из свиты Рёгнера, а она взамен не будет трогать всех остальных. Разумный



компромисс, раз уж ты любишь и жалеешь абсолютно всех, даже монстров.

Проповедница покачала головой. Она по-прежнему не улыбалась.

— Не всех. Она родилась чудовищем, в отличие от людей, которые ими становятся. Я не жалею абсолютно всех, Аскольд.

— Это был выпад в мою сторону?

— Нет. Я просто задумалась. О чудовищах. Я часто о них думаю.

— И что же думает о чудовищах прекрасная Вокара?

— Мне их жалко. Знаешь страшилку об упырях, что ходят ночью? Говорят, если накануне родов молоко скиснет, а с утра трижды прокричит черный петух, ребенок родится мертвым. И, если тельце не сжечь и пепел не развеять, он будет расти в могиле, пока не станет взрослым. А потом однажды пробудится, и с тех пор рядом с его могилой начнут находить высушенные трупы.

— Это всего лишь сказка. Мир наш, конечно, ужасен, но не настолько, чтобы мертвецы восставали из могил.

— Я знаю, Аскольд. Но, если бы эти твари существовали, вдруг бы они все понимали? Вдруг бы они были почти как люди? Обычные люди, превращенные в упырей. Может быть, добрые. Не желающие быть монстрами, не выбиравшие быть такими. Может быть, сопротивляющиеся своей сущности до последнего, мечтающие быть нормальными, жить среди людей. Они дают себе клятву не убивать, но проходит день, два, и их начинает терзать голод. Страшный голод, нестерпимый, жгущий огнем, выворачивающий внутренности. Утолить который может только человеческая кровь. И в конце концов они сдаются. Превращаются в чудовищ, которыми были рождены. Просто потому, что их выбрала и прокляла какая-то злая сила. Бездумно, безвинно, может быть, просто из прихоти. Прокляла и превратила в монстра. Ты думал о таком когда-нибудь?

Аскольд покачал головой. Почти с восхищением. Кто бы мог предположить, что в этой хорошенькой головке водятся такие фантазии.

— Не думал. Но теперь, боюсь, страдающие упыри будут преследовать меня в кошмарах. Мне-то казалось, твои мысли занимают прекрасные юноши и розовые единороги.

Проповедница грустно улыбнулась.

— Ты плохо меня знаешь.

— Да, я уже понял, что ты сплошной сюрприз. В связи с этим мой вопрос, — колдун взял ее за руку. — Кто ты такая?

Проповедница дернулась. С удивлением посмотрела на него. Старательно изображая удивление.

— О чем ты? Я всего лишь обычная девушка, призванная ко двору и милостью Светозарного наделенная даром убеждения.

— Для обычной девушки, — Аскольд резко дернул руку Вокары на себя, — вокруг тебя происходит слишком много странного.

Огнетворец задрал рукав. Запястье покрывала сеть еле заметных шрамов.

— Вчера я видел на тебе порезы. Сейчас они волшебным образом затянулись. Кто этот сделал?

Девушка молчала, плотно сжав губы. Колдун посмотрел ей в глаза в ответ и нехорошо улыбнулся.

— Кто это сделал? — повторил Аскольд.

Вокара, наконец, нехотя разлепила губы.

— Порезал или исцелил?

— И то, и другое.

Проповедница помолчала снова.

— Никто.

— Не держи меня за идиота. Кто-то издевается над тобой. Я знаю одного человека в городе, которому нравятся подобные развлечения.

— Надо мной сложно поиздеваться, — все так же мрачно произнесла Вокара.

— Ой, какие мы грозные. И что же тебя защитит в случае чего, гнев Светозарного? Кто тебя режет?

— Никто меня не режет, Трехпалый.

Аскольд невольно покосился на изуродованную руку. Это прозвище он ненавидел все сердцем.

— Ладно, перейдем ко второму вопросу. После того, как тебя никто не режет и кровь сама по себе волшебным образом обагрят твои прекрасные белые ручки, кто-то лечит тебя. Какой-то чародей. Вот только среди моих людей целителей нет. Так что?

Проповедница вздохнула.

— Да, я колдунья. Целительница. Давно ты понял?

— Недавно. Но подозревать, что с тобой что-то нечисто, начал сразу. В конец концов, это многое объясняет. Вы, целители, всегда были немного не в себе. Какой степени?

— Второй.

Колдун одобрительно хмыкнул. Второй в таком-то возрасте и наверняка без должного обучения.

— Итак, вернемся к тому, с чего мы начали. Кто над тобой издевается? Назови имя.

— Никто.

Информативный ответ. Что сказать, диалог продвигается.

— Я все равно заставлю тебя сказать. Имя!

Вместо того, чтобы испугаться, девчонка разозлилась. Вперилась в него гневным взглядом, сделала движение, собираясь вскочить, но снова опустилась на кровать.

— Никто надо мной не издевался, Аскольд! Если тебе настолько интересно, я сама себя режу.

— Чушь. Никто не станет резать себя. Зачем?

— Я себя наказываю.

— За что?

— Это неважно.

Свихнулась или врет, кого-то выгораживая? Но зачем ей врать? От страха?

Аскольд взял Проповедницу за подбородок.

— Послушай, женщина. Мы сидим здесь полгода и за это время успели натворить такие зверства, что Князь Тьмы, когда я туда попаду, возьмет у меня автограф. А до этого четыре года я гнил здесь в лагере. Четыре года надо мной издевались, били, морили голодом, я смотрел, как умирают мои друзья. А однажды меня заставили рыть себе могилу, и я послушался. Но я не режу себя. Если ты, добрая девочка из столицы, однажды наступила на червяка и до сих пор глубоко страдаешь, так отбрось этот идиотизм, и чем раньше, тем лучше.

Проповедница молчала. Очевидно, была внутренне не согласна. Раздавила аж двух червяков, а то и трех. Аскольд молчал тоже.

— Хорошо. Третий вопрос, и главный. Кто-нибудь знает про твои способности?

— Никто.

— Да это у тебя прямо-таки любимое слово. Никто это один человек или десять?

— Никто это никто.

— Так не бывает.

— Бывает. Не знает ни одна живая душа.

— А те живые души, которые узнали, стали мертвыми?

Мрачно смотрит на него. Впрочем, это он зря, прекраснодушная девица вряд ли способна причинить вред ближнему своему, да и дальнему тоже.

— Прошу, не рассказывай своим, — наконец, произнесла Вокара. Ну надо же, мы уже просим.

Аскольд ухмыльнулся.

— Не расскажу. Пока. Пока не пойму, что тебе от нас нужно.

— Ровно то, что я говорю. Попытаться установить мир.

— Лжешь. Так не бывает. Не на этой земле. Тебе нужно не только это.

Девушка вздохнула.

— Ладно, ты прав. Мне нужен могучий колдун. Самый могучий.

— В таком случае обратись за реку.

— Второй после самого могучего. Мне нужна помощь, Аскольд. Пожалуйста.

Этого следовало ожидать. Даже легче жить, зная, что и это милое создание имеет какой-то шкурный интерес. А то, чего доброго, сейчас поднимется в небо и улетит от переполняющей ее святости.

— Какая помощь? Зачем?

— Неважно. Сначала я помогу тебе. Верну тебе твоих людей живыми. А потом ты поможешь мне.

— В чем именно?

— Я не могу тебе сказать.

— В таком случае никакого сотрудничества не будет.

— У тебя нет выбора.

— Уверена? Знаешь, что меня всегда бесило, женщина? Я с малых лет штудировал магические книги, учил заклинания, но, раз у меня нет сисек, я не могу открыть гребаный портал. А у тебя они есть. Понимаешь намек?

— Я не умею открыть порталы, я не настолько могущественна.

— Может, и не умеешь. Но ты полна загадок, поэтому поступим так: я привяжу тебя к дереву, и ты будешь болтаться тут, пока не овладеешь высоким искусством и не откроешь портал прямо в центр Тан-Фойдена. Или не умрешь. А потом, если буду в хорошем настроении, даже отвяжу и позволю идти своей дорогой. И мы никогда друг друга больше не увидим.

— Провести вас всех через один портал? Ни одна колдунья, кроме Лофт, не удержит его столько времени. А, если пойдешь один, уже к вечеру будешь полыхать на главной площади. К тому же, я уже сказала, что не умею.

— Хорошо, тогда я просто привяжу тебя к дереву. Я не пойду ни на какую сделку, пока не пойму, что тебе от меня нужно.

Проповедница закусила губу.

— Хорошо. Я тебе покажу. Ты хотел портал? Вот тебе портал.

— Да ты каждым словом врешь, — отметил Аскольд, шагая в сияющую дыру.

Логично было предположить, что странная целительница перебросит его в Ничей лес или в алхимическую лабораторию на худой конец. Одним словом, в место, соответствующее пафосу момента. Вместо этого их выбросило в деревню. Милую, как на картинке.

Птичка перепрыгнула с ветки на ветку, вспорхнула и улетела. За ней ввысь взвилась еще одна. В ряд стояли аккуратные дома, квохтали куры, подмигивали узорчатыми ставнями окна. Светлые Чертоги, да и только.

Навстречу, улыбаясь, шествовала полногрудая девица с коромыслом на плечах. Очень полногрудая. Колдун невольно задержал взгляд на колышущихся под одеждой прелестях.

— Приветствую, добрая госпожа, — Аскольд учтиво поклонился. Девушка прошла мимо, не удостоив мага и взглядом. Как будто не видя.

— Женщина, что мы забыли в этом оплоте вежливости и гостеприимства?

— Смотри. Ты сейчас поймешь.

Аскольд посмотрел. Окинул деревеньку внимательным взглядом и отчего-то поежился. Было что-то неуловимо неправильное в этих распахнутых ярких ставнях, наваленной охапке сена и мирно пасущейся прямо на грядке козе. Неправильное и жуткое.

За хатой ритмично стучал топор. Щуплый старичок с остатками волос на пятнистой голове брал из кучи полено, ловко разрубал его и бросал щепки в угол. Мерно и последовательно, словно голем.

— Добрый господин, — окликнул Аскольд. Старик не повернул головы. — Добрый господин?

Никакого ответа.

— Что за дрянь? Они не настоящие?

— Они настоящие. Это моя деревня, Аскольд. Мой дом.

Твой дом. Мда, теперь ясно, почему ты поехавшая на всю голову.

— Тогда какого Шамора здесь случилось?

Проповедница комкала в пальцах шелковое одеяло, по-прежнему лежащее у нее на плечах. На него она не смотрела.

— Что-то повредило их разум. Я нашла их уже такими. Ты знаешь о магии больше, чем любой мужчина, помоги им, прошу.

Залитая солнцем деревня больше не казалась милой. Големы, големы вместо людей с искореженным мозгом. Интересно, они что-нибудь чувствуют? Понимают?

— Прости, женщина, но я никогда не слышал о подобном. Разве что Шамор мог такое сотворить. И я не умею ставить мозги на место, я не Повелевающий Разумом.

— Но ты знаменитый колдун. Помоги им, прошу!

— Я не могу. Не знаю, как.

Девушка отвернулась. Аскольд понял, что Проповедница сдерживает слезы.

Магу, не привыкшему никого жалеть, вдруг стало ее жаль. Смелая девчонка, явно много натерпевшаяся, рискнувшая жизнью и пришедшая за помощью к ужасу Тан-Фойдена. Бедная смелая девчонка.

— Я не знаю, но ты знаешь. И тебе придется рассказать мне.

Резко вскинувшаяся голова, мгновенный страх в глазах. Тут же уступивший место показному удивлению.

— Я не понимаю.

— Все ты понимаешь. Послушай, женщина, ты режешь себя. Наказываешь. За то, что ты

не уберегла этих людей. И ты знаешь, от чего или от кого.

— Не знаю.

— Знаешь!

— Нет!

Девушка до крови закусил губу. Что здесь произошло, что одно воспоминание доводит ее практически до истерики?

Аскольд потянул Проповедницу за руку, усадил на траву, опустился рядом.

— Послушай, с тобой что-то сделали. Что-то ужасное. И ты пытаешься это забыть. Но тебе придется вспомнить, что здесь случилось, иначе никак.

— Это был, — слова давались ей тяжело, — это был Повелевающий Разумом.

— Чушь, их истребили сотни лет назад.

— Выходит, нет.

— Ты могла ошибиться?

— Не могла, — девушка посмотрела на него в упор. Из всех сил пытаюсь сохранить невозмутимый вид, но губы ее чуть подрагивали. — Я не ошибаюсь, Аскольд. Это был менталист. Именно он. Я знаю, я видела.

Видела. Видела менталиста, которых якобы нет на свете уже три сотни лет. Которые способны превращать людей в безвольных кукол и рушить границы между мирами. Которые ломают разумы, словно детские игрушки. Разумы всех этих людей.

— Есть поверье, — медленно произнесла девушка, — что Шамор вернется. И тогда вскипят моря, птицы рухнут с неба, а земля покроется пеплом. Он поработит разумы людей, и люди пойдут за ним на заклятие, и настанет конец мира.

Голос Проповедницы становился все тише, последние слова она почти прошептала. Аскольд с удивлением понял, что девушка дрожит. Какая она все-таки молодая. Не боится его, не испугалась подземной твари, но боится сказки для детей.

— Успокойся, женщина, никто не вернется, — Аскольд положил девушке руку на плечо. — Даже если здесь и правда был менталист, в чем я сомневаюсь, это не возрожденный Шамор, просто какой-то колдун. Я понимаю, что до того, как ты отправилась в странствия, обитаемый мир для тебя родной деревней и ограничивался, но посмотри на вещи реально. Шамор, если верить легендам, подчинил себе полконтинента. А сколько здесь, человек сорок? И, судя по тому, что ты покинула дом пару лет назад и за это время никто о нем не слышал, наш менталист не слишком-то спешит разрушать мир. В конце концов, возрожденный Шамор и Лофт за раз — это чересчур, слишком много великих деятелей эпохи.

— Он может набрать силу, — мрачно проговорила Проповедница. — И сойти с ума. Сейчас все, как один, считают, что Шамор был монстром с самого начала. Но в столице, в Аранди, я рылась в старых свитках. Есть другая версия. Что он был мудрым правителем, великим правителем. Что он был добр, благороден и никому не отказывал в помощи. Был целителем, как и я. Безумие подступало к нему медленно, пожирало его день за днем. Кто знает, может, он сопротивлялся, как те упыри из моих фантазий? Сопротивлялся, но не смог. И однажды тот, кто мечтал о счастье для всех, впал в безумие и приказал людям броситься друг на друга. Залил континент кровью, расколол мир и вызвал демонов. И теперь он возвращается.

— Разумеется, и копит могущество, шляясь по деревням. Вокара, этому миру ничего не грозит, кроме войны, чумы, демонов, чудовищ и тотальной ненависти всех ко всем, то есть

того, с чем мы и так живем каждый день. Князь Тьмы в этом бардаке будет явно лишним. Лучше объясни мне, почему ты, в отличие от своих земляков, до сих пор в здравом уме?

— Когда все случилось, я отходила. За хворостом. Вернулась в самом конце, увидела менталиста, они уже были такими. Он меня не заметил.

Врет от первого и до последнего слова. Тот, кто изувечил родичей Проповедницы, что-то сотворил и с ней. Что-то настолько страшное, что она отказывается и вспоминать, и говорить об этом. Изнасиловал, отдал на потеху слугам? Заставлял смотреть, как мучают других? Заставлял мучать самой, захватив контроль над ее разумом? Они ведь такое могут, верно? И как вообще доморощенный Шамор оказался в этой Светом забытой деревне?

— Как он выглядит? Мужчина, женщина, стар, молод, кого нам искать?

— Не знаю. Я видела его только со спины. Я не прошу тебя искать его, Аскольд. Лишь вернуть разум этим людям. Так ты поможешь мне? Поможешь?

Синие глаза смотрели с надеждой. С отчаянной надеждой человека, который уже перепробовал все, что мог.

— Я хотел бы. Правда, хотел бы. Но я понятия не имею, что здесь можно сделать. Прости.

Проповедница плотно сжала губы.

— Ты должен знать. Должен! Никто в Танаире не разбирается в магии лучше, чем ты!

— И что? Я знаю многое, но отнюдь не все. В конце концов, я же не Иссианская библиотека.

— Тогда отведи меня туда.

— Что? — не понял Аскольд.

— В Иссианскую библиотеку. К Лофт. Если не знаешь ты, может знать она.

— Женщина, ты с ума сошла? Думаешь, у Тафирской Ведьмы найдется время на тебя?

— Ты говорил, вы друзья.

— Мы БЫЛИ друзьями. Как думаешь, будь я ей хоть немного интересен, издевались бы надо мной четыре года? Когда-то мы сражались плечом к плечу, это правда. Спасали друг другу жизнь. Но той женщины больше нет. Императрице нет дела ни до чего, кроме блага своей Империи в том виде, в котором она его понимает.

— Так станьте друзьями снова. Представь меня ей.

— И не подумай.

— Представь меня ей!

Проповедница вскочила, уперла руки в бока, сжала губы, вперила в него взгляд горящих синих глаз. Грозный ангел Светлых Чертогов, да и только.

— Когда ты покинешь Тан-Фойден, куда ты пойдешь, колдун?

— А я покину, ты уверена? — ехидно уточнил Аскольд.

— Уверена. Я скажу тебе, куда ты пойдешь. Для чародеев все дороги ведут в Иссиан. Так возьми меня с собой, пожалуйста! Кроме Лофт, мне некого больше просить.

Аскольд покачал головой. Девчонка пялилась на него, словно пытаясь взглядом прожечь дыру. Его дорога ведет куда угодно, только не в Иссиан, к этой ледяной ведьме. Это, если поддаться эмоциям. А если подумать? Если подумать, Проповедница не столь уж не права.

— Ладно, — нехотя проговорил колдун. — Ты и правда обладаешь даром убеждения. Может быть. Если я и впрямь соберусь повидать Лофт, представлю тебя ей, такой ответ тебя устраивает?

— Вполне. Спасибо, Аскольд.

— Избавь меня от своих благодарностей. Раз мы пришли к соглашению, давай уберемся отсюда, это место тоску наводит.

Проповедница кивнула и открыла портал. На лбу у нее даже пота не выступило.

— Вторая ступень, значит, — с издевкой проговорил Аскольд. — Не первая. Но порталы мы открываем, даже не поморщившись. Я начинаю гадать, а слышал ли от тебя хоть слово правды за все это время?

В лагере за время их отсутствия, разумеется, ничего не изменилось. Та же серость, тот же дождь, те же покосившиеся бараки и та же безнадежность. Безнадежность, давно уже отравившая все вокруг, впитавшаяся в кожу, въевшаяся в давно не стиранный одежду. Убивай сколько хочешь, всех не убьешь, пока в конце концов тебя не сожрет монстр или не поймают Рёгнер. Бесславная смерть на бесславной войне. Бесславной и бессмысленной. Но что у него есть, кроме этой войны?

Он уйдет на покой и будет выращивать укроп и петрушку. А Алавет морковь. Если Гафина и правда отпустят живым, с магом земли дела у них пойдут прекрасно. Аскольд ухмыльнулся своим мыслям.

Или отправиться к Лофт. Навестить старую подругу, чья война хотя бы имеет смысл. Подругу, которая явилась к нему сразу же после бунта с предложением должности при Иссианском дворе, но за четыре года не сделала ничего, чтобы вытащить его из лагеря. «У Императрицы нет друзей, — говорила Констанс, опираясь на трость, и свет играл на ее повзрослевшем лице. — Императрица не может позволить себе вмешиваться во внутренние дела государства, с которым мы пока еще не воюем. Если бы я освободила тебя, по королевству покатила бы новая волна репрессий. Но теперь тебя здесь больше ничего не держит.»

«Меня здесь держит ненависть», — ответил бывший друг той, у кого друзей нет, и повернулся к ней спиной. Ненависть и его люди, готовые пойти за ним куда угодно. Он не может дать им умереть.

Тан-Фойденский мальчишка снова прыгал поблизости. Аскольд почувствовал странное раздражение. Как будто щенок, радостно виляя хвостиком, забрел в полный чудовищ лес как раз перед тем, когда одни монстры вздумали сцепиться с другими. И жалко, и бесит, и мешает.

Недавно Аскольд полагал, что глупых щенков к нему свалилось два. Теперь он уже так не считал.

— Алавет, — колдун подошел к ним. Бессменная правая рука, тот, с кем они полгода назад подняли мятеж. — Проводи этих двоих домой.

Маг льдов кивнул.

— Прощай, женщина.

— Я скоро вернусь с новостями от Рёгнера.

— В таком случае я буду безмерно удивлен.

Девушка хмыкнула. С этой ведь станется, действительно вернется. Проповедница обернулась через плечо.

— О ком ты говорил, Аскольд? Кому в городе нравится резать людей?

— Одному твоему коллеге.

;

Глава 10

В милости своей Светозарный вновь творил чудо. Творил чудо дланью его, шептал святые слова устами его, даровал ничтожному слуге великую силу спасать и исцелять. Полуобнаженный человек извивался и дико орал на кровати. Гисидор почти видел, как срастаются его переломанные кости.

— Хоть бы в сон погрузил, — тихо шепнул кто-то.

Целитель круто развернулся, щуплый брат милосердия сжался под его яростным взглядом.

— В сон? Я смотрю, брат Марий, ты испугался криков? Так знай, не крики это, а песня! Песня во славу Светозарного, песня очищения и отречения от всего греховного. Ибо страдания угодны Светозарному, страдания возрождают душу, словно дождь иссохшую землю, словно вода ручья уста заблудившегося в пустыне путника. Не для того наделил меня Светозарный великой силой, чтобы я облегчал путь к Свету слугам его. Кто желает исцелиться, тому надобно пройти пусть искупления. Иначе темна его душа и во Тьму же и отправится.

Больной на кушетке дико орал, выгибая спину и колотя руками. Трещали срастающиеся кости.

— Узрите, — возвысил голос Гисидор. — Узрите исцеление духовное и телесное, как через муки обретает свободу этот грешник, как очищается он от зла!

Грешник последний раз нечеловечески крикнул и вдруг затих. На губах застыла пена, глаза остекленели. Исцеляемый обрел свободу, полную и окончательную.

— Слаба оказалась эта душа для пути исцеления, — невозмутимо проговорил Гисидор. — Пусть же покоится она во Свете или во Тьме, завершив земной путь. Силы мои на исходе, но завтра, если Светозарный будет милостив, нового несчастного излечу я, коли он окажется достаточно крепок. Или не окажется.

\*\*\*

Эту часть совей работы Лар ненавидел больше всего.

Наместник, ежа ему в портки, смотрел на истязание, нервно перетаптываясь и облизывая губы. Открыто живущий колдун в Тан-Фойдене, да еще и обласканный наместником, казался бредом сумасшедшего, и тем не менее отец Гисидор быстро стал едва ли не вторым человеком в городе. Продвижение по социальной лестнице, как это обычно и бывает, сумасшедшему целителю обеспечило старательное доносительство на своих же, то есть на колдунов и якшающихся с ними. И сразу же объединившая их с наместником общая страсть к издевательствам над людьми.

Угодные Светозарному исцеления Рёгнер старался по возможности не пропускать. И всегда таскал с собой Лара, то ли от скуки, то ли из садистского удовольствия.

— Вы отпустили ребенка на верную смерть, — тихо проговорил Лар.

Рёгнер перевел на него расфокусированный рыбий взгляд, поморгал. В ушах его явно все еще стояли крики.

— Я никого никуда не отпускал, моего разрешения не спрашивали.

— Вы понимаете, о чем я говорю.

Отец Гисидор гордо прошествовал к выходу из лечебницы, вокруг толпились юные служители госпиталя и студенты-медики, которых добровольно-принудительно сгоняли на демонстрацию исцелений. Кто-то с отвращением отодвигался с его дороги, кто-то, наоборот, благоговейно тянул руки.

— Разумеется, понимаю. Она здесь явно лишняя со своими бредовыми идеями, и очень



удачно, что девчонка решила избавить нас от хлопот и погибнуть самостоятельно. Но ты ведь не будешь утверждать, что ее убил я.

— Не буду.

— Пропала и слава Свету. Меня больше беспокоит, что Кириан куда-то делся. Будем надеяться, что пьянствует или не может слезть с какой-нибудь девки, а не потащился вопреки приказу за Вокарой. В противном случае его дедуля с меня шкуру спустит.

Так следил бы за своим протеже, а не инспектировал бордели и напивался до беспамятства. Лар за все время перебрался с молодым секретарем лишь парой слов, но юнец ему нравился. Было в нем что-то светлое и наивное, не испорченное этим городом. Жаль, это ненадолго. Недаром после Долгой Ночи Тан-Фойден стали называть проклятым городом. Говорят, души убитых тогда до сих пор летают над городом, не давая ему покоя. Впрочем, Лар живет здесь всю жизнь, если Тан-Фойден и был проклят, то гораздо раньше.

— Народ море наплачет, когда мы объявим, что их любимая Проповедница погибла.

— Ничего, переживет. Объявим, что в благости своей решила вразумить мерзких Свету колдунов и была зверски растерзана. Похороны устроим, трупов у нас в мертвецкой как раз полно. Да поторжественнее.

Дверь лечебницы распахнулась, стукнув по носу отца Гисидора, отчего тот несколько растерял свою величавость. На пороге стояла только что похороненная Проповедница. Потрепанная, но вполне живая.

Даже не взглянув на наместника, Вокара встала в дверях, перекрывая целителю проход.

— Что здесь происходит?

Лар присвистнул. Сопля едва доставала священнику до плеча, но вид у нее был прямо-таки грозный. И даже почти не глупый.

— Врачую раны грешникам милостью Света.

— Этому? — Проповедница кивнула на укрытое простыней тело. — Он мертв.

— Светозарному так было угодно.

Проповедница сделала шаг вперед и уперла палец в грудь отца Гисидора. Маленькая птичка пошла воевать с горой.

— Светозарному? Или вам? Максимильен де Лантор не одобряет того, что может испортить репутацию Танаира. А крики, которые я слышала даже из-за двери, несомненно, портят его репутацию.

Лар украдкой оглянулся по сторонам. Юнцы пялились на Вокару, в основном с восхищением. Молодая, смелая, красивая, в одиночку отправившаяся в лагерь и вернувшаяся, а теперь вышедшая на тропу войны с садистом-целителем, которого полгорода мечтает насадить на кол. Малышка рискует стать кумиром народа, часа не пройдет, как весть об ее подвигах облетит весь Тан-Фойден. Просчитанный ход или искреннее радение за судьбы истязаемых? Скорее всего, и то, и другое.

— Вы ставите волю канцлера выше воли Светозарного? — вкрадчиво спросил отец Гисидор. — А канцлера выше короля? Это тяжкое прегрешение. В древние времена Светозарный карал на подобные речи.

Проповедница сверлила целителя разъяренным взглядом. Хотела что-то сказать, но с явным усилием сдержалась.

— Не ставлю, — наконец, проговорила Вокара. — Но опасайтесь, отец Гисидор. Как бы Светозарный не лишил вас своей милости.

Целитель хмыкнул, грубо оттолкнул Проповедницу и вышел из госпиталя. Вокара

несколько секунд смотрела ему вслед.

\*\*\*

Лар однажды видел разъяренную синицу. Птица, у которой собрат нагло отобрал червяка, пищала, возмущенно подпрыгивала и надувалась, стремясь казаться больше и грознее. Проповедница сейчас выглядела примерно так же. Мелочь бушует, расхаживая по кабинету наместника, изливая свое бурное негодование. В стычке с Гисидором она казалась почти грозной, но сейчас чары рассеялись. Всего лишь девчонка.

— Как вы можете это допускать, как вы можете смотреть на это сквозь пальцы?!

Лар закатил глаза. Легко и просто, поскольку дары местных прихожан регулярно пополняют казну Рёгнера, а их крики и мучения услаждают его слух и взор. И ты это понимаешь, так к чему орать?

— Отец Гисидор — верный слуга Светозарного, — холодно проговорил Рёгнер. — Его заслуги перед городом неисчислимы, а излеченные им каждый день неустанно возносят ему хвалу.

— Те излеченные, кто выжил? Те, кто не замучен до смерти?

— Мы оплакиваем тех, кто не оказался достоин. Увы, пути Светозарного нам постичь не дано.

— Я сообщу господину де Лантору о происходящем, — зло бросила Вокара. — Будьте уверены, вашему обожаемому отцу Гисидору осталось недолго.

Наместник молча кивнул. Гневом господина де Лантора здесь пугали уже столько раз, что угроза истрепалась и потеряла свою силу.

Проповедница опустила в кресло.

— Я ходила к колдунам.

Лар с наместником переглянулись.

— Будь на вашем месте кто-то другой, я не поверил бы. И как же вас встретил Аскольд? Раскрыл дружеские объятия?

Проповедница пригубила вино. В отличие от них с Рёгнером, столичная гостья пожелала благородный напиток.

— Он благоразумнее, чем вам кажется. Не монстр и не сумасшедший. Хотя и опасен, разумеется. Мое предложение он воспринял с интересом.

— Предложение чего?

— Отдайте им пленных, и они отсюда уберутся. Навсегда.

Наместник заржал. Хохотал, вытирая слезы и стуча по столу кружкой пива.

— Отдать? Ты рехнулась? Чтобы ему было легче напасть на нас?

— Они не нападут на вас, они уйдут и больше никогда вас не потревожат.

— Уйдут убивать кого-нибудь другого?

— Возможно. Но это ведь уже не ваши проблемы, верно? Пленные в обмен на спокойствие для города и торговых путей. Таков уговор.

— Уговорами чернокнижники подтирают себе задницу. Аскольд спит и видит превратить город в большое кладбище. Да я скорее лягу спать в нужнике, чем стану разговаривать с чернокнижниками.

Проповедница сунула руку за пазуху и вытащила толстый лист бумаги, явно гербовой. На листе красовалась личная печать канцлера Танаира.

— Максимильтен де Лантор наделил меня чрезвычайными полномочиями. Для вас мое слово — закон.

Наместник взял бумагу. Внимательно изучил и разорвал на мелкие клочки.

— Вот и нет закона.

Девчонка невозмутимо вытщила еще одну.

— У меня таких много. Все не порвете. А, даже если вдруг порвете, я вернусь в столицу и расскажу господину де Лантору, что вы отказались подчиняться моим приказам.

— Пугаешь де Лантором? Де Лантор далеко. Сытно ест в своем особняке, пьет, трахает девок. У него под боком не сидят колдуны и монстры. С чернокнижниками нельзя договориться, нельзя, дурья ты башка, это те же чудовища. Такова уж их сучья природа.

— Если бы все было так, я бы не вернулась. Вы хотите избавиться от Аскольда, я предлагаю вам решение. Впору радоваться, а не спорить со мной.

Наместник долго смотрел на Проповедницу. Очень долго.

— Хорошо. Я пойду на переговоры. Не могу же я послушаться воли Максимильена де Лантора.

\*\*\*

— Добрая госпожа.

Проповедница испуганно обернулась. В следующий раз задумается, прежде чем ходить по вечерним улицам одной, без охраны. Лар специально пропустил девушку вперед, чтобы поговорить без свидетелей. Точнее, без Рёгнера.

— Господин Лар?

Вокара смотрела на него неприязненно. Еще бы, считает его цепным псом Рёгнера, подбирающим объедки и с вываленным от удовольствия языком любующимся на исцеления Гисидора. Впрочем, по большому счету, он такой и есть. Ты можешь не любить этот город и презирать наместника, но ты принял правила игры. Стал частью всего этого кошмара.

Глупо торчать посреди улицы, но в таверну не пойдешь — сразу облепят зеваки, желающие поглазеть на знаменитую Проповедницу. Недаром девчонка скрывает лицо под капюшоном. Впрочем, то, что он хочет ей сказать, не займет много времени.

— Что-то случилось, господин Лар?

— Нет, добрая господа, я все лишь хочу кое-что вам сказать. Я знаю, что вы меня не слушаете, но позвольте дать совет. Оставьте свою затею.

— Какую именно?

Лар привалился спиной к стене.

— Обе.

— Я всего лишь исполняю волю Максимильена де Лантора, — ровно произнесла Проповедница. — И ваш хозяин не сможет мне помешать.

Вот как, его хозяин. Впору оскорбиться, но разве это неправда?

— Я здесь не от имени Якоба Рёгнера, а от своего. И, раз уж об этом зашла речь, я не испытываю от него восторга. Ни от него, ни от священника. И я понимаю ваше негодование. Но вы не сможете переделать этого город. И не советую пытаться, добром он вам не оплатит.

Вокара плотно сжала губы. Все та же синица в ярости.

— На вашей площади горят невинные люди. В ваших подворотнях по ночам перерезают глотки горожанам, а ваш наместник смотрит на это сквозь пальцы в том случае, когда не заказывает убийство сам, и все об этом знают. В вашем лесу скрываются колдуны, виновные только в том, что родились не такими, как вы, и обреченные за это на издевательства, а ваш священник, что должен нести Свет, мучает людей на глазах у всех. Вы вырезали семью

Андван, призвав на свои головы террор и монстров, и теперь удивляетесь, за что вам это. Да, я хочу переделать этого город, господин Лар, потому что он отравлен злом, словно чумой. И я его переделаю.

Лар тяжело вздохнул. Нет, она не глупа, первое впечатление было ошибочным. Не глупа и уж точно не труслива, но слишком молода. Молодая идеалистка, мечтающая перестроить мир. К тому же, имеющая для этого средства. Что для мира может быть хуже?

— Чтобы искоренить зло, вам придется переделать мир, добрая госпожа. А этого никто не может. Даже вы. Вы призываете бурю, которую не сможете остановить. Если город пойдет на переговоры с колдунами, народ не примет этого, начнутся волнения. Те, у кого чернокнижники убили братьев и отцов, пойдут проламывать головы вашим сторонникам, пока Рёгнер будет пытаться извлечь из этого выгоду, а Гисидор проповедовать и толпами сжигать невинных. А потом проломают голову кому-нибудь из связных Аскольда, он взбесится и спалит тут все дотла, включая вас.

Проповедница помолчала.

— Этого не будет. Я этого не допущу.

— Вы переоцениваете свои силы, добрая госпожа.

Проповедница круто развернулась и бросила через плечо:

— Это вы недооцениваете меня.

Лар обреченно вздохнул и вздрогнул. По городу прокатился оглушительный колокольный звон.

Бил колокол на большой колокольне храма Светозарного, бил странным, тоскливым, берущим за душу звоном. Редкие прохожие удивленно застывали на месте, поворачивали головы. Впрочем, удивляться нечему. Такое в городе уже бывало.

— Разве сейчас время службы? — удивленно спросила Проповедница.

Лар поморщился.

— Нет. Это гримы.

— Гримы?

— Твари, — коротко ответил Лар. — Наша местная живность, гримы и банши, у вас в Аранди такой нет. Относительно неопасны, но знак дурной.

Дурной знак, ежа ему в портки, куда уж хуже. Четыре года назад колокол тоже ударил не вовремя, на полтора часа раньше. И после этого началась резня. Резня, быстро объявшая полкоролевства, которую позже стали называть Долгой Ночью. Говорили, канцлер в кои-то веки не имеет отношения к охватившему страну безумию, что он даже пытался его остановить. Что вековая ненависть к колдунам и ужас перед Иссианом выплеснулись стихийно и обратились в кровавый пожар. Бойню, в которой черни скоро стало все равно, кого убивать, колдунов или обычных людей. Возможно, это было правдой. Но только не в Тан-Фойдене.

В тот день наместник приказал Лару сидеть дома и никуда не выходить. Стоило догадаться, что что-то не так. Но он не догадался. А потом ударил колокол и обрушился хаос. Он видел из окна, как выволакивали на улицу Андванов. Старых аристократов, могущественную семью, мешавшую Рёгнеру править городом так, как ему хочется. Семью, породившую чернокнижника, хоть и отрекшуюся от него. Прекрасный повод, чтобы перебить их, как собак.

Он видел, как погибла Вира Андван. Мечта всех мужчин города; умная, прекрасная, отважная и богатая, годами пытавшаяся стать тенью правительницей Тан-Фойдена, но так

и не преуспевшая. Успела перерезать себе горло прежде, чем ее повалили на землю и задрали юбки. Стоит ли удивляться, что ее брат вернулся и стал истинным проклятием проклятого города?

Узкая, загаженная помоями улица упиралась прямо в главную площадь. Лар придержал Проповедницу под руку. Не хватало еще, чтобы в суете с девчонкой что-нибудь случилось.

Зевак, несмотря на поздний час, у подножия храма собралось презрительно. Колокол продолжал петь свою тоскливую песню, его пытался перекрычать пьяный иодаранец, выкатившийся из ближайшей таверны. Смердело от него немилосердно, пес церкви призывал погибель на голову совершившего святотатство, но погибель, судя по продолжающемуся звону, не приходила.

Наконец, на площадь протолкалась пара стражников. Уставилась на колокольню, явно не понимая, что им с этим делать.

Звон стих так же внезапно, как и начался. С колокольни прямо на землю прыгнуло нечто, на лету превращающееся из уродливо сложенного человека в черного пса со светящимися глазами. Зыркнуло на них, ловко проскользнуло между стражниками и скрылось в переулке. Стража вяло потопала вслед за монстром. За полгода ни одного грима так и не поймали. Похоже, чудовища просто-напросто растворяются в воздухе.

Гримы — дурной знак, очень дурной. Лар искоса взглянул на Проповедницу. Что же он предвещает?

## Глава 11

Соглашение действовало. Сидори не упоминала о моих талантах клептомана, я — о ее странной и этически сомнительной службе королю. Но разговор все равно не клеился.

Я периодически посматривал на колдунью. Девушка глядела прямо перед собой, лоб прорезала морщина. А ведь там, на лестнице, мы на короткий миг почти подружились. Надо же мне было все испортить.

Я протянул руку и сорвал с куста ветвь сирени.

— Сидори! — чародейка повернула голову. — Это тебе. В честь успешного преодоления первых дней пути.

Девушка хмыкнула, но цветы взяла. Это было два дня назад.

Городок с высокой образовательной культурой давно остался позади, мы ехали по тракту. Из полезных вещей Сидори и правда ничего не умела. Ни заколдовать нормальной еды, ни излечить мозоли от седла на заднице, ни даже говорить, не огрызаясь. Свой кошелек с деньгами я все-таки выпросил и довольно перекачивал монеты в руках. Правда, тратить их было особо негде.

Дорога в Адланис не обещала быть слишком опасной. В теории. Народные волнения и тотальный бардак Танаир пока не охватили, но банды разбойников и вырвавшихся из узды магов все чаще давали о себе знать. Сидори подозрительно поглядывала на меня и правильно делала. Похоже, девушка понимала, что я планирую окончить наше знакомство где-нибудь на середине пути.

Разумеется, я мог сбежать. Тихо уйти под покровом ночи, цепями громовержца меня не приковывала. Вот только идти мне было некуда и не к кому. А потому я решил до поры до времени следовать намеченным курсом. В конце концов, до Адланиса далеко.

Грязь чавкала, лошадь фыркала, я ругался, цель потихоньку приближалась. Очень потихоньку. Я бы сказал, почти неощутимо.

Мы проезжали бесконечные деревни, предусмотрительно закрывая лица капюшонами,

реже, чем хотелось бы, мылись в лоханках и перебивались пресной крестьянской едой. Нестерпимо долго подвергаясь всем этим лишениям, то есть на третий день путешествия, я возжелал цивилизации. Замученная моим нытьем Сидори хмуро отвечала, что скоро будет город, и отворачивалась. И вот, наконец, счастье мое настало. Команда спасателей мира торжественно явилась в город Хырх. Славный и невероятно крупный, аж как два села, вместе взятые.

Хырх носил звание города так же, как уличный бродяга украденный где-то орден. То есть гордился и всячески выпячивал, но никто ему не верил.

— Ты мне обещала крупный торговый узел, — ворчал я, трясясь на лошади.

— Вот, любуйся.

— Это? Два бакалейщика да три с половиной улицы? К которым опять приложится вода в ведре и горшок с похлебкой? Как вообще можно было додуматься назвать город Хырх. Хырх! Все равно что свинья хрюкнула. Чую, здесь мы ванну опять не примем.

— Переживешь.

— Не знаю, как ты, твое магичество, но я, вообще-то, аристократ!

— Ага, — ехидно подтвердила Сидори. — Верховный иерарх Сида Корале.

В метре от моей головы на землю с плеском обрушилось содержимое ночного горшка. Я неаристократично выругался.

От торгового узла я желал много, в основном помыться и поесть. И то, и другое полагалось искать на постоянных дворах, но мое внимание привлекли вопли с главной площади, громкие и радостные. В Хырхе явно происходило что-то интересное.

— Поехали, посмотрим, — предложил я, и, не дожидаясь согласия, послал коня вперед. Впрочем, долго ехать не пришлось: улицы Хырха, и так узкие, скоро стали и вовсе непроходимыми от толпящегося народа. Коней пришлось привязать у первого попавшегося колышка. Тут Сидори впервые принесла ощутимую пользу, наложив на наше четвероногое имущество охранное заклинание. Надеюсь, лошадей и правда не сопрут.

Выход на площадь предвещало жалкое подобие рынка. Похоже, сегодня в Хырхе базарный день.

— Обереги от демонов! — надрывался уличный торговец. — От порчи, сглаза, темной магии, от колдунов проклятых. Кто оберег на дверь повесит, у того колдун, коль порог переступит, в пыль обратится!

— А от геморроя есть? — спросил кто-то.

— Конечно, есть. От демона геморроя, — не растерялся лавочник.

— А геморрой что ж, демоном вызывается?

— А кем же?

— И то верно. Тогда беру.

Протиснувшись, наконец, мимо торговых рядов, мы вышли в центр города.

Прямо посреди площади торчал стол. Ну как посреди, чуть сбоку от виселицы, но все же. Торчал и прямо-таки полнился яствами всех мастей. Во главе стола восседал усатый старик, очевидно, бургомистр Хырха, его окружали особы менее титулованные. Совсем нетитулованных особ от еды отгоняло внушительное количество стражников. Простой народ сидел на площади на лавках, притащенных с собой стульчиках, а чаще всего просто на земле, поедая пироги и сморкаясь на землю. Стало быть, праздник. Начальство буднично вкушает фазанов в малине, плебс жрет халявные пироги и чуть не лопаются от радости. Ничего нового.

Безошибочно определив, где лежит самое вкусное, я двинулся вперед, таща за собой Сидори.

— Приветствую вас, добрые господа! Светлого вам дня!

Высшие чины города уставились на меня. Настороженно. Недружелюбно.

— А ты кто такой будешь? — поинтересовался усатый. — Что-то раньше я тебя тут не видел.

— Мы в вашем славном городе проездом, — возвестил я, не дав Сидори открыть рот и плюхнувшись рядом с румяным молодцом, с аппетитом поглощающим лепешку. — Я ученый, прибыл из столицы. Позвольте представиться, магистр клитотании Максимильтен Фонро. А это моя жена Вирка. Она, увы, глуповата. Взял из деревни девку, пожалел, пропала бы.

Жена Вирка послала мне убийственный взгляд, но промолчала.

— Клитотания, — удивленно покачал головой усатый. — Это что ж такое?

— О, это молодая наука. Рассматривает проблемы права собственности. — Я повернулся к хозяину лепешки. — Вот, к примеру, у вас на дороге перед домом лежит камень. Чей он, по-вашему?

— Эээ, дорожный, — высказал предположение едок.

— А точнее. Дорога где? Около твоего дома. Вот я сейчас пойду и заберу его, это законно?

— Да бери, у нас камней навалом, — милостиво разрешил горожанин.

— А вдруг это драгоценный камень? Который только кажется обычным?

— Неее, тогда не забирай. Тогда мой камень!

— Так почему же он твой? Дорога-то не тебе принадлежит, а городу. А город бургомистру, — я кивнул в сторону усатого.

— Верно, — протянул круглолицый без особого воодушевления. — Его явно не тянуло делиться с бургомистром гипотетическим богатством. — Бургомистру. Что ж поделать.

— Верно говоришь, магистр, — кивнул усатый. — Мое тут все.

— Ваше, да не ваше. Пойдем дальше. Но ведь город на самом деле принадлежит не бургомистру, а королю. И дорога тоже. Значит, и камень его.

Бургомистр нахмурился. Желание заявить свои права на Хырх боролось в нем со страхом перед доносом Иераму на непочтительность. Наконец, второе победило.

— Королю, верно. Кому ж еще...

— Но, с другой стороны, не может же все в Танаире принадлежать королю. Ежели ему каждое полено и каждого поросю отдавать, это ж что будет твориться? Так чей же в итоге камень? Мой? Твой? Ваш? Короля?

— Эээ... — горожанин озадаченно нахмурился, пытаюсь осмыслить мои рассуждения. Умственных способностей для этого явно не хватало. Бургомистр благоразумно молчал. — Непонятно, добрый господин. Сложно.

— Вот! — поднял я палец. — В том-то и дело. Это ж какой бардак наступит в мире, если будет непонятно, кто что может брать, а что нет. А клитотания раз и навсегда ответит на вопрос, где чье, потому и наука мудрая. Вот это, — я ловко подхватил с блюда обалдевшего мужика лепешку и отправил в рот, предварительно отломив кусок Сидори, — мое, так как по законам гостеприимства хозяин обязан поделиться с гостем последним куском, а на тарелке он, безусловно, последний. А камень из нашего разговора ваш, так как у вашего дома лежит. А без клитотании как бы мы это узнали?

Оставив ошастливленного булыжником мужика переваривать информацию, я вскочил, ловя на себе заинтересованные взгляды, и поднял кружку.

— Господа, за клитотанию! Великую науку будущего! Я за нее глаз потерял!

Лица собравшихся просветлели. Пить им явно было привычнее, чем думать.

Игнорируя убийственные взгляды и пинки, я потянул Сидори за руку и усадил рядом с собой.

— За прекрасную Вирку, свет моих очей и радость моей жизни! Ура!

— Де Лантор, ты что несешь?

— Я не несу, я ем. А также устанавливаю социальные связи и втираюсь в доверие. И тебе советую, а то они решат, что ты немая. Слово хоть скажи.

— У вас какой-то праздник сегодня? — блеснула Сидори интеллектом.

— Как есть, добрая госпожа. День Хырха сегодня!

— Ооо, день Хырха! — Я сделал большие глаза. Точнее, глаз, так как второй скрывала повязка. — День Хырха — великий день! Выпьем же за столь славный город!

— Точно, — подтвердил бургомистр. — Хырх — это вам не что-нибудь! Ровно сто один год, как славный Хындрик тут первый камень заложил, и с той поры Хырх каждый день только крепнет. Знаешь, сколько тридцать лет назад тут было душ? Четыреста три! А сейчас сколько? Четыреста восемь! И это не считая ворожеев, которых, само собой, за людей не почитаем. Растет Хырх, развивается. И столицу вашу скоро догоним.

— За Хырх и Хындрика! — возвестил я, поднимая очередную кружку. С тостами пора завязывать, я уже начинал чувствовать легкое головокружение. — И за...

— Достопочтимого господина Буруса, — подсказал бургомистр, опровергая гипотезу об обязательном присутствии буквы «х» во всем и вся.

— За достопочтимого господина Буруса!

Бургомистр выпил, крикнул и уставился на Сидори. С интересом. Я нахмурился. Впрочем, усатого больше занимало другое.

— Ты, магистр, вовремя. Сейчас такое будет. Такое, чего ты у себя в Аранди век не видывал.

Два дюжих молодца, пыхтя, тащили какой-то ящик. Если господин Бурус думает, что я век не видел ящиков, боюсь, он ошибается.

— Вот оно, — бургомистр благоговейно протянул к ящику руку. — Мы в Хырхе тоже науки знаем. Смотри, магистр.

Я посмотрел. Ящик был наполнен каким-то серыми палочками. Палочки были аккуратно уложены в ряд и, похоже, представляли собой нечто ценное. Вот бы стянуть одну такую.

— Это, магистр, чудо заморское. Фиверк называется. Или шиверк. Как же его там...

— Хыверк, — подсказал я, решив предать чуду частичку местного колорита.

— Точно! Хыверк! Смотри, что сейчас будет.

Бугай оттащил коробку хыверков подальше, аккуратно вытащил один, что-то пробормотал и поджег болтавшийся с нижнего конца шнурок. Хыверк зашипел и вдруг взвился вверх, оглушительно грохнув и рассыпавшись в темном небе снопом искр. Я восхищенно вскрикнул вместе с толпой.

— Магия! — панически пискнул кто-то. — Магия, как есть!

— Не магия, — грозно рявкнул бургомистр, пресекая народные волнения. — Не магия, а наука! Смотрите, люди, что наука делает. Хыверк, чудо заморское. Сам король прислал,



специально в честь дня Хырха!

Хыверки взлетали в небо и с грохотом взрывались. Толпа ахала и охала. Я взглянул на Сидори. Девушка заворуженно смотрела в небо вместе со всеми, чуть приоткрыв рот. Она была удивительна красива.

После хыверка подали десерт. Мы с Сидори на пару, изголодавшись в дороге, проглотили штук восемь пирогов. Ужин медленно подходил к концу. На столе заканчивалась еда, вместе с ней заканчивались и люди. Иерархи Хырха рассредоточились по площади и разбились на группки. Осчастливленные хыверком и пирогами горожане в основной своей массе валялись на земле и сыто икали. Я отвел Сидори к краю площади.

— А я говорил, надо сюда заехать. Где ты еще хыверк увидишь.

Девушка кивнула. Будем считать, признала мою правоту. Эпохальное событие для нашего путешествия.

— Нарекаю хыверк, — пафосно возвестил я, — самым интересным, что я видел за последний год.

О том, что в тюрьме я по определению видел мало, я решил умолчать.

— Это вы погодите, — жующий травинку флегматичный горожанин, судя по одежде, ремесленник, повернулся к нам. — Вы ж еще главного не видели.

— Еще что-то будет? — оживился я. — Что, раздадут всем мороженое?

— Лучше, — ремесленник аж засветился в предвкушении. — Огнепляс сегодня.

— Огнечего?

— Огнепляс. Да сами все увидите.

Только сейчас я заметил в центре площади столб и скучающего рядом с ним служителя Святого Скипидара. И пару дюжих молодцов, обкладывающих столб вязанками хвороста.

До меня начинало потихоньку доходить.

— Чучело будут жечь? — пробормотал я, не особо веря своим словам.

— Зачем чучело, когда есть чернокнижники. Сегодня один всего, а вот на прошлый день Хырха трое было! — гордо ответил хырхец. — Ну так понятно, сто лет-то с размахом надо праздновать, а сто один так, можно и поскупиться.

— И что, у вас любимое народное развлечение — жечь чернокнижников? А что-нибудь другое не пробовали? На лютне потренькать, в мячик там поиграть?

— В мячик нам играть некогда, — строго ответил горожанин, не переставая жевать. — А ворожея сжечь и польза, и удовольствие. Чтоб не гадили! Смерть чернокнижникам!

— Это плохой лозунг, — буркнул я.

— Да как же так плохой, его сам де Лантор сочинил. И правильно сделал.

— Де Лантора собственный отец в тюрьму посадил, наши, кого слушать.

— За что посадили, мы того не знаем, — резонно возразил горожанин. — Политика — дело темное. А ворожеев убивать он дело говорил. Жгли и жечь будем, а то к Шамору все провалимся.

Под одобрительное улюлюканье толпы на площадь тащили старика. Тот вырывался и визжал, как дикий кот, но его держали крепко.

— Что он вам сделал?

— Корову соседу уморил. За такое костер полагается.

— А может, она сама сдохла? — внес я революционное предположение.

— Как это сама. Сами недохнут! Сказали, уморил, значит, уморил. А не уморил, так потом уморит. Чернокнижник он и есть чернокнижник.

Охалка хвороста становилась все толще. Старик изрыгал проклятия, некоторые из которых не знал даже я с моим богатым словарным запасом.

— Демоны! Отродья Шаморовы, вот вы кто! Управы на вас нет! Погодите! Пируете тут, но с юга идет армия! Великая армия! В порошок вас сотрет!

— Это он зря, — пробормотал кто-то. — Теперь точно не отвертится.

Я переглянулся с Сидори, и мы тихо отступили к краю площади, прямо к замечательно грязной и вонючей луже.

— Вмешайся!

— Я?

— Ну не я же! Ты у нас колдунья, обрушь на них огненный дождь или что-то вроде того, — шепотом предложил я.

— Я не умею обрушивать огненный дождь. Не путай свои сочинения с реальностью.

— Зато неплохо умеешь вызывать грозовые тучи.

— Если я здесь стану колдовать, нас скрутят через секунду. И запекут, как поросенка, которого ты уплетал с таким аппетитом.

— Но мы не можем просто стоять и смотреть, как человека сжигают за корову, из-за чего бы она не сдохла!

— Можем, Эмиль. Все, что мы можем и должны, это стоять в стороне и не открывать свой рот. Спасти его все равно нельзя.

— Не можем, — упрямо повторил я. — Я себе этого не прощу.

— С каких пор тебя стал волновать кто-то, кроме себя любимого?

— Ни с каких, — отрезал я. — Сожгут старика — потеряю сон и аппетит, отчего пострадает самое ценное в мире, то есть я. Я сам вмешаюсь.

Сидори больно сжала мою руку.

— Ты идиот?! Хочешь на соседний костер со мной вместе?!

— Я умею убеждать людей! И вообще, давай скажем им, что я это я. Народ меня любит!

Отец им может, знаешь ли, и десять коров подарить.

Сидори внимательно смотрела на меня.

— Помнишь, я вчера сказала, что ты умный?

— Само собой.

— Беру свои слова обратно. Пошли отсюда.

— Но...

— Пошли!

— Врежь мне.

— Что?

— Ударь меня по лицу. Чем сильнее, тем лучше. Признайся, тебе периодически этого хочется.

Сидори нахмурилась и положила теплую руку мне на лоб.

— Эмиль, с тобой все в порядке? Пойдем, попьешь воды.

— Шамор, Сидори, ты идиотка. Никакой от вас, колдунов, пользы.

Я поморщился, закрыл глаза и со всего размаха врезал себе кулаком. Из глаз посыпались искры, губы лопнули. Сидори ойкнула и попыталась схватить меня за рукав, но я вырвался из захвата, сбросил повязку и плюхнулся прямо в лужу. Отлично, теперь вид у меня достоверный: избитый и перепачканный. Послав девушке воздушный поцелуй, я ломанулся вперед. Как всегда, де Лантора несло в центр внимания.

— Алые Всадники! — взвыл я, пролетая в центр площади мимо ошарашенных горожан. — Спасайтесь! Алые Всадники!!! Там, на дороге! Бегите!!!

Толпа, на мгновение ошарашенно замолчавшая, завопила вся разом. Имей горожане чуть больше умственных способностей, они могли бы догадаться, что стоящие на Рааде имперские эскадроны смерти вряд ли смогут и захотят телепортироваться вглубь страны и все разом напасть на их любимый Хырх, но способностей не имелось, на что я их рассчитывал.

— Жгут! — завывал я разбитыми губами. — Убивают! Грабят!!! Насилуют!!! Убивают, потом насилуют! Бросьте вы этого деда, спасайтесь!!!

Иодаранец, забыв про костер, ошарашенно вращал глазами. Я подскочил к обвиняемому в трагической гибели коровы.

К моему изумлению, полными идиотами оказались все же не все. Унимать смутьяна уже проталкивалась пятерка стражников, но им сильно мешала превратившаяся в бестолковый клубок толпа. Пользуясь всеобщим замешательством, я ловко разрезал пути старика и шепнул:

— Беги.

Тот, не заставив себя упрашивать, сиганул прочь.

Площадь обратилась в дурдом. Бабы ревели, мужики орали, бургомистр тщетно призывал к порядку, кругами носилась обезумевшая от страха курица. У меня даже идей не было, откуда она здесь взялась. Я выхватил в толпе светлые волосы Сидори и рванул к ней, ловко уворачиваясь от стражи.

— Открывай портал!

— С ума сошел?! Куда?!

— Куда угодно!

— В открытое море или в недра вулкана? Ты знаешь, сколько людей погибает в хаотических порталах?!

— Я знаю, сколько людей погибает на кострах! — рявкнул я, кивая на стремительно проталкивающуюся к нам стражу. — Открывай!

Сидори метнула на меня яростный взгляд и сложила пальцы. В пространстве разверзлась дыра, кривая и косая, как дверь сортира. Наверно, это был самый скороспелый портал в ее жизни.

Показав язык изумленным стражникам, я бросился в портал вслед за девушкой.

Выкинуло нас в лесу, прямо на ветки и камни. В каком именно, мы не имели ни малейшего понятия, оставалось надеяться, что подальше от патриотов Хырха.

— Опять нормально не помылись, — пробормотал я. Сидори не ответила. Не говоря ни слова, легла прямо в траву и завалилась спать.

Во время ночевки на природе на нас ничего не напало, разве что покусали комары. Стряхнув с волос сосновые иголки и по возможности приведя себя в порядок, с восходом вы двинулись в путь. Дальний или нет от Хырха, лес оказался довольно близок к очередной деревне, хоть и довольно убогой. Примерно через час, перемазанные в грязи и траве, мы выползли в цивилизацию и, не сговариваясь, отправились в таверну.

— Пива, — потребовал я. — Самого лучшего мне и моей даме.

Хоть лошадей мы и безвозвратно оставили в Хырхе, кошель с монетами вышли из приключения невредимыми.

За соседним столом что-то шумно обсуждала группа крестьян. Я наострил уши.

— Да не вру я, чтоб мне провалиться. Такое было в Хырхе. Такое! Как есть говорю.

— В Хырхе? А что было в Хырхе? — Сидори меня в очередной раз пнула, я традиционно проигнорировал. — В Хырхе ж праздник должен был быть вчера. У меня там кузен живет, я потому спрашиваю. Волнуюсь. Что-то случилось? Все живы?

Крестьянин ободряюще хлопнул меня по плечу.

— Да не бойсь, жив твой кузен. Все живы. А случилось Шамор знает что. Праздновали люди, веселились, ворожея сжечь хотели. За темное, понимаешь, колдовство, как будто есть светлое. Тут на площадь выбежал какой-то полоумный весь в грязи, стал орать, мол, армия идет. Народ перепугался, бабы заголосили, шум, гам, стража вся туда. А этот поорал, поорал да убег незнамо куда, а армия никакая так и не пришла. Сумасшедший дом, одним словом.

— А с ворожеем что? Сожгли в итоге?

— Тоже убег под шумок, не будь дурак. Ну да это как раз не беда. Бургомистр разозлился, как собака, поэтому вместо него трех каких-то сожгли, говорят, амулеты продавали без дозволения. Нужен же народу праздник, да и костер уже сложили, а три даже лучше одного. Один колдун, другой, какая разница. Все они порченые.

— Да, — эхом повторил я. — Какая разница.

;

## Глава 12

Темнота. И в темноте, далеко впереди, парят огни. Огни — это свет. Огни — это спасение. Огонь защитит ее, оградит ее от зла, и Констанс делает шаг на огонь. Но тело не слушается.

Ноги будто бы приросли к земле. Она стоит, не в силах пошевелиться, а сзади из темноты подбирается нечто. Нечто страшное, без имени и лица, незримое и неслышимое. Но она точно знает, что сзади смерть. Пытается поднять руку, выхватить оружие и не может. Она ничего не может. Беззащитная, беспомощная, как много лет назад, вынужденная покорно ждать смерти. Никто не придет, никто не защитит ее. Никто никогда не мог ее защитить.

Повелительница Магии проснулась с криком. Села на кровати, прижала ладони к глазам, глубоко вздохнула. Это всего лишь очередной кошмар. Кошмар, порожденный хараши и бессонными ночами, усталостью и головной болью. Растекающейся под головой лужей крови, тогда, вечность назад, сальными взглядами проезжающих путников, криками горящей на костре матери и голодной бродячей жизнью. Порожденный всеми ужасами, которые Повелительница Магии видела за тридцать лет. И теми, которые творила сама.

Констанс завернулась в одеяло и снова закрыла глаза. Единственная слабость, которую иногда можно себя позволить — поваляться с утра в кровати.

Сплошной незримый слой защитных рун на стенах и потолке, магические ловушки, готовые по мановению руки разрубить непрошеного гостя на куски, спрятанные в нишах смертоносные лезвия. Не говоря уже о таких мелочах, как четыре замка на двери и дежурящие у дверей кадоби, самая верная стража, которую только можно представить. Не дом — крепость. Крепость, где хоть иногда можно почувствовать себя в безопасности.

Все детство ты пряталась и бежала, бежала и пряталась. Пока не наткнулась в своих странствиях на кадоби, загадочное племя, поклоняющееся магам, как воплощенным духам стихий, а не истребляющее их. В рядах которых неожиданно обнаружили не один и не два сильных колдуна, признавших Констанс своей Великой Матерью и готовых идти с ней в бой. Пока не поняла, что в мире страдают сотни похожих на тебя, гниют в лагерях, умирают в

муках лишь за то, что способны повелевать колдовской силой. И что преданность их, если ты их освободишь, будет вечна и незыблема, как камень.

После этого бежать и прятаться стали от тебя. Но страх тебя не оставит. Чего бы ты ни добилась, сколько бы стран ни завоевала, он навсегда с тобой.

Констанс потянулась в последний раз. Хватит спать, пора трудиться на благо государства.

Императрица поднялась, аккуратно расчесала волосы, нацепила парадные одежды и императорскую мантию. Водрузила на голову диадему. Дурацкая цапка, которая только мешает и давит на лоб, но сегодня без нее не обойтись. Раз уж Императрица таки заявила в Иссиан, надо выступить перед любимыми подданными.

Констанс вышла на балкон. Внизу, сверкая золотом и искрясь фонтанами, лежал ее город. Город сверкающих куполов и желтых песков, лучших в мире оружейников и скаковых лошадей. Город, ни перед кем не преклоняющийся и никогда не спящий. Сердце великой Империи.

Весть о прибытии Императрицы разнеслась быстро. Толпа на дворцовой площади колыхалась, словно море, приветственные крики слились в единый рев. Вверх летели платки и шляпы. Толпа всегда приветствует монархов воплями, это естественно. И так же радостно орет потом, когда этому монарху кто-нибудь более удачливый рубит голову. Но иссианцы, что удивительно, любят ее искренне.

— Иссиан! — выкрикнула Императрица, и голос загремел по площади, многократно усиленный магией. — Великий город Иссиан, Алая Звезда юга! Приветствую тебя!

Великий город поприветствовал в ответ. Так, что заложило уши.

— Приветствую вас, свободный народ! Великий народ! Приветствую вас, чародеи и кузнецы, целители и крестьяне, дворяне и ремесленники! Приветствую вас всех, ибо в Иссиане нет места угнетению! Знайте же, что Империя крепнет с каждым часом! Армия продвигается все дальше! Алое знамя летит по миру, и, завидев его, враги обращаются в бегство!

Сафим написал для нее прекрасную речь. Пафосную, духоподъемную, достойную самого де Лантора. Лживую от первого до последнего слова.

— Мир прозревает от тьмы, озаренный светом, что несет Империя! Все больше заблудших душ возвращается на путь истинный, все больше наших братьев освобождается от ошейников и цепей! Простые горожане встречают великую армию цветами и песнями, приветствуя посланцев нового мира! Обращаются против своих королей и вступают в наши ряды. Не войну несет Империя, но мир! Не рабство, но свободу!

Свободу несут Алые Всадники, разоряя деревни и разрубая всех, кто встретится на пути. Свободу несут имперские рейды на тот берег, после которых виселица гнется под тяжестью тел, а люди замирают в страхе. Свободу и мир.

— Не пройдет и года, как север падет. Скоро, очень скоро мы освободим весь мир!

Толпа ликовала. Люди любят войну, победоносную войну, любят чувствовать себя на стороне добра и света. Они не знают, что в этом мире стороны добра давно уже нет. Любят слушать о славных победах над кровожадными варварами, ощущать себя частью чего-то великого. Они не смотрели в глаза умирающих, не видели, что остается от городов после атаки Алых Всадников. И не отдавали им приказов атаковать.

— Борьба, которую ведет Иссиан, священна, — продолжала Констанс. — Мы воюем против четырехсотлетнего угнетения, против мракобесия и невежества, против глупости и

жестокости! Мы воюем...

Сафим старался. Красочно расписал, как северяне устраивают кровавые оргии, как живо закапывают колдунов в землю, а рты заливают навозом, сдирают кожу и прибивают тела гвоздями к дверям. Как пишут молитвы Тьме на пергаменте из кожи колдунов, а после идут предаваться скотоложству. Но слова застревали в горле. Что ты делаешь со своими подданными, заставляя их слушать подобную чушь? Что ты делаешь с собой?

— Мы воюем, — закончила Императрица, — потому что так уж устроен мир.

\*\*\*

— Как Империя? — мрачно спросил Альберт.

— Процветает. Как сорняк посреди навозной кучи.

Барон Тарби почтительно поклонился Императрице. Толстый, увешанный золотыми цепями, с массивными перстнями на мясистых пальцах, Тарби напоминал карикатуру на самого себя. Тупой, погрязший в пороках и излишествах купец, наживающийся на простом народе и дерущий втридорога за каждый ломоть хлеба. В пороках барон, безусловно, погряз, но тупым отнюдь не был. Младший отпрыск разорившегося дворянского рода Виды, у которого от бывшего могущества остался один лишь титул, он умудрился практически из воздуха сколотить огромное состояние и преумножить его во время иссианской экспансии. Собственно, барон-купец сыграл не последнюю роль в относительно бескровном взятии страны. Он просто-напросто подкупил половину армии короля Больта, после чего наиболее благоразумные из второй половины сдались сами. Даже странно, что вечно жаждущий крови Альберт с ним так сдружился. С ним и еще с этим Лаэрэдсом из Лаэрэдса, рыцарем мелкого замка и непомерного гонора. И братом Оббидом, разумеется. Так сказать, радикальная партия Иссиана во всей ее красе: мечтающий поставить весь мир на колени, но плохо представляющий себе, как мир вообще устроен, брат Императрицы, хитрый, как змея, торгош, церковник и примкнувший к ним восторженный идиот. Надо бы узнать, какой яд Нищая Троица вливает в уши брата и насколько он горек. И, если горек чрезмерно, отсечь держащую флакон руку. Но это пока подождет.

— Рад видеть вас, Ваша Светлость, да не оставит вас заступничество Светозарного, — барон-купец одарил Императрицу улыбкой, к которой можно было прилипнуть.

— Есть версия, что Светозарному на всех нас наплевать, — просветила его Констанс. — Кстати, вы все еще бедны, барон?

Тарби скорчил скорбную мину и приложил руки к груди.

— Мои богатства тают, словно первый снег, Ваша Императорская Светлость. Честному купцу в военное время нелегко. Вот если бы вы оказали мне посильную помощь...

Констанс сочувственно покачала головой.

— Увы, мой бедный друг, увы. Сердце мое обливается кровью от того, что я не в силах вам помочь, но казна пуста. Честной Императрице в военное время нелегко. Вот если бы вы оказали посильную помощь армии...

Это давно превратилось в своеобразную игру: один из самых богатых людей на захваченных Иссианом землях жаловался на подступающую к нему страшную бедность, самый могущественный человек в мире скорбно качал головой и сетовал, что не имеет абсолютно никакой возможности ему помочь. Привычка Тарби ныть и жаловаться давно уже стала местным анекдотом, а их с рыцарем и священником компанию прозвали Нищей Троицей, поскольку последние два ныть любили не меньше. Надо будет все-таки отлучить парочку от брата, они действуют ей на нервы. А барона ввиду полезности оставить. Пока.

Тарби еще раз прижал руки к груди, поклонился Императрице и вышел. В комнате резко стало больше пространства.

Альберт в виде исключения что-то писал. Возможно, в виде большого исключения даже что-то полезное.

— Разумеется, твое величество не снизошло предупредить меня, что собирается смыться.

Конечно же, мы обиделись. В очередной раз.

— Я планировала обернуться за несколько часов. Меня задержали дела.

— Какие же?

— Неважно.

Брату незачем знать о ее сложных отношениях с демонами. Ему вообще много о чем незачем знать.

— Делами, разумеется, пришлось заниматься вместе с Сафимом? — вкрадчиво спросил Альберт.

Шамор, он опять за свое.

— Альберт, брось этот идиотизм, я с ним не сплю.

Губы сами скривились в гримасу. Она работает, тяжело работает, а он пристает к ней с каким-то бредом.

— Зато спишь со своими девками!

Констанс сделала несколько глубоких вдохов. Нога снова болела, как и голова. Только бы не сорваться на него, сейчас это ни к чему.

— Зависть — плохое чувство, Альберт. Если так волнуешься, спи с девками тоже, только не с моими. Моим мужчины противны.

— Мне не нужен никто чужой в постели, в отличие от тебя, — холодно проговорил брат.

— А мне нужно расслабляться, поскольку я держу на своих плечах полмира. В отличие от тебя. Что, много было утренних придурков?

— Кого?

— Просителей, Альберт. Которые выстраиваются под стеной замка с утра пораньше, унижаются, ноют, и всеми мыслимыми и немыслимыми способами доказывают, что они придурки.

Брат закатил глаза.

— До сих пор поверить не могу, что ты тратишь время на эту ерунду.

— Что ты, это не ерунда. Общение с населением есть основа мудрого правления, тяжкая, но необходимая повинность. Два раза в неделю с девяти и до одиннадцати я тружусь в поте лица, расследую чудовищные преступления, унимаю распри, способные расколоть Файизину на части. Например, у одного придурка курица понеслась на чужом дворе, требовал вернуть яйцо обратно. Увы, яйцо уже съели и высрали, так что праведный гнев остался неудовлетворенным. Второй жаловался на загадочную кражу половника, обнаруженного позже утопленным в сортире. Клянется, что в тот день не пил. Безусловно, подобные страшные вещи требуют непосредственного участия кого-то из императорской фамилии. Так что с ними? С утренними придурками? В мое отсутствие они твоя обязанность.

— Ими занимается Тибольд.

— Тибольд? Какого Шамора ими занимается Тибольд? Тибольд должен сидеть и не

открывать свой рот, пока я ему не скажу.

— А какого Шамора этим должен заниматься я? — рявкнул Альберт. — Если тебе хочется искать половники, ищи, а меня избавь, мне на это плевать.

— Такого, — медленно произнесла Констанс, — что на следующий день хозяин половника пойдет в трактир. И будет рассказывать, как видел саму Императрицу, добрую, благородную, справедливую, всегда готовую помочь простому человеку. А не пожирающую детей ведьму, место которой на костре. Или самого принца. Мне тоже наплевать на них, Альберт, но народ должен нас любить. И приходится давать ему поводы, поскольку, честно говоря, любить нас особо не за что.

Брат демонстративно заложил ноги на стол.

— Клал я на его любовь. Бывший королек пытается приносить пользу, так пусть приносит.

Он приносит, а ты нет, бесполезный идиот.

— Ага, и набирает популярность в народе. Который может и забыть, кто с недавнего времени ими правит.

— И что, поднимет бунт? Мы можем спалить этот город ко всем демонам за десять минут. Лучше б напомнила своим придуркам об этом, чем корчить доброжелательного диктатора.

Констанс застонала и сжала виски руками. От беспросветной тупости брата хотелось взвыть. Спалить к демонам — единственное решение любых проблем, приходящее ему в голову. Разумеется, так проще, для того, чтобы жечь и вешать всех подряд, необязательно не спать ночами. И этот идиот еще хочет власти.

— Альберт, какой же ты... утренний придурок.

\*\*\*

Книги пишут идиоты. Идиоты и для идиотов, верящих в сказки про злобных демонов, мечтающих обрушить мир. В тяжелых случаях даже для придурков.

Нет нужной книги — напиши свою. Революционный трактат о демонах великой Констанс Раизиан.

Императрица взяла лист пергамента и аккуратно вывела: «Что мы знаем о демонах?» На этом величие, как и вдохновение, иссякло.

Констанс зажгла свечи, скрестила ноги внутри пентаграммы и закрыла глаза. Научное исследование требовало общения с изучаемым материалом. И, раз уж демоны теперь ходят между мирами, пусть материал сам явится к ней.

— Приди, о исчадье темное, тварь когтистая, пламя изрыгающая, кровью омытая и из крови вышедшая, — провозгласила Констанс. — Приди, кошмар снов моих, что смыкает уста мои в страхе, что застилает ужасом глаза мои, что заставляет дрожать руки мои и замирать в страхе сердце мое!

Ничего не произошло. Когтистая тварь не являлась.

— Приди, о чудовище смердявое, с пастью зубастой, с гривой огненной, с дыханием отравленным, с лапами когтистыми. Приди...

Кабинет подернулся алой пеленой. Прямо перед столом воздух за клубился, потемнел, сложился в очертания фигуры. Темной фигуры с алыми глазами.

— Что ты несешь, Радомат?

Эмоции на лицах демонов, похожих и одновременно не похожих на человеческие, Констанс различала плохо, но Фаирасис, казалось, был удивлен.



— Я не несу, я тебя призываю. Древним кличем, подробно описанным в трактате Луонира Филузского, светила демонологии. Между прочим, клич работает, вот он ты.

Демон хмыкнул.

— Я просто почувствовал магию. Решил, что ты что-то от меня хочешь.

— Хочу. Так это правда. Ты явился на мой зов, и меня не занесло в Междумирье. Вы действительно стали свободно проходить в наш мир. С каких пор?

— Поверишь, если я скажу, что мы тщательно скрывали это умение многие века?

— Не поверю.

Демон помолчал.

— Все рушится, Радомат. Грань между мирами рушится. Ткань реальности истончается. Да, мы можем проходить сюда с недавнего времени. Не все, не всегда, как я однажды сказал. Но, постарайся поверить, меня это не радует.

Констанс повертела трость в руках.

— Меня тоже. Хотя, с другой стороны, общаться без риска стать обедом Стража мне все же нравится больше. Твои родственники недавно проделали этот трюк, чтобы меня убить. Надо сказать, пытались довольно вдохновенно. Можешь прочитать им лекцию о недопустимости насилия над женщинами и попросить больше так не делать?

— Не паясничай, Радомат. И потом, я ее уже прочитал.

— Серьезно? — Констанс подняла бровь. — Вообще-то, это была шутка. Я просто хотела знать, почему меня пытаются прикончить и как мне от этого защититься.

— Никак. У нас с братьями разногласия по поводу тебя. Много разногласий. Но я убедил Совет пока что тебя не трогать. Так что можешь спать спокойно.

— Совет?

— Ты же не думаешь, что мы живем в пещерах, выбирая вождя путем битвы дубинками?

— Не думаю. Ваша цивилизация явно достаточно развита, чтобы убивать друг друга квалифицированно и оптом. Что происходит, Фаирасис? Прежде вы никогда не являлись в наш мир, кроме как через бреши, да еще и толпой, да еще и так нагло. Только не говори, что ткань реальности истончается и подобную чушь.

— Скажу, Радомат. Потому что так оно и есть. Ткань реальности истончается. Грядет катастрофа. Такая, которую вы, люди, и представить себе не можете.

— Хуже, чем развязанная мной война?

Демон серьезно посмотрел на нее.

— Много хуже.

— И ты воспылил желанием спасти наш мир? Если ткань реальности истончается, вам, демонам, надо радоваться.

Фаирасис промолчал.

— В любом случае, причем здесь я? Тебе ведь явно что-то нужно от меня.

— Нужно. В свое время ты узнаешь, что именно.

Констанс вздохнула. Демон говорит загадками, как и всегда, и давать подсказок не собирается.

— Хорошо, я ведь знаю, что пытаться у тебя что-то выведать бесполезно. Я найду тебя, если мне снова что-то будет нужно.

— Я сам тебя найду, Радомат.

Фаирасис, по обыкновению, исчез, не утруждая себя прощанием. Констанс уныло помахала ему вслед рукой и вышла в коридор. Надо чем-нибудь заняться. Например...

— Ваша Светлость!

К Императрице, ловко обходя стражников на виражах, мчалась во всех отношениях замечательная личность. Кориаурс дар Вейедис из Нордского университета, почтенный историк и придворный иссианский летописец. Констанс мысленно застонала.

— Ваша Светлость, я взял на себя смелость описать ваш последний подвиг! Рискуя собой, вы запечатали брешь между мирами, это деяние достойно того, чтобы воспеть его в веках! Позвольте зачитать?

Глаза ученого сияли, словно после хорошей дозы хараша, но обвинить его в пристрастии к порошку было бы несправедливо. Для свалившегося на ее голову достопочтенного Кориаурса лучшим наркотиком было описание ее биографии, чем бредовее, тем лучше.

— Хотя я, увы, и не был рядом с вами в час великой битвы, — маленькое личико летописца светилось от восторга, — но я расспросил бывших с вами солдат и господина Шаома. Смею надеяться, что мне удалось изложить все точно и правдиво.

Кориаурс раскинул руки и продекламировал, словно став выше ростом:

— То был славный день! Полчища клыкастых демонов, рыча, обрушились на иссианцев. И устрашились солдаты, и готовы были повернуть вспять, но тут вышла вперед наша славная Императрица. "В атаку!" — воскликнула она, взмахнула мечом, и солдаты ринулись в бой.

— Тростью, — подсказала Констанс.

— Прошу прощения, Ваша Светлость, взмахнула тростью, — поправился летописец. — Тьма врагов наступала на солдат...

— А тьма — это сколько?

— Тьма, эээ... Я счет возможным внести в эту историю легкие, совсем крошечные допущения. В конце концов, летопись не обязана скрупулезно придерживаться фактов, летописи пишут для того, чтобы потомки их читали! Даже если на самом деле демонов было чуть меньше...

— На самом деле их не было.

— Тем более! Согласитесь, историю о сражении с демонами, в которой не было демонов, никто читать не будет! — Лицо Кориаурса вновь озарилось вдохновением. — Тьма врагов наступала на солдат Иссиана. Рыча и изрыгая пламя, бросились демоны на людей, и окрасилось кровью поле битвы!

— Болото.

— Болото битвы. Но тут воздела руки прекрасная и светлая наша Императрица, выкрикнула заклинание, и гром грянул с небес. Свет озарял ее чело, молнии вылетали из пальцев, а ноги, казалось, отрывались от земли. Грозна и прекрасна была великая наша Императрица, и устрашились демоны, а воины, видя это, бросились вперед с воинственным кличем. И узрели мерзкие демоны в их глазах свою погибель, и бросились бежать, но иссианцы догнали их всех на быстрых конях.

Лофт изо всех сил старалась не засмеяться.

— На конях в болоте?

— Ваша Светлость, вы сбиваете меня с мысли, — отрезал разошедшийся летописец. — И пал, наконец, с воем последний демон, и отсекла милостивая и грозная наша Императрица ему голову. Так завершилась битва Иссиана против темной силы, и вышли иссианцы победителями, все благодаря Императрице нашей, пресветлой и благостной. И была она героиней великой, и преисполнились к ней солдаты еще больше любовью и восхищением,

хоть и казалось это невозможным. И прозвали ее после этой победы...

— Радомат, — подсказала Констанс.

— Радочего? — растерялся летописец, озираясь по сторонам. Мысленно он все еще скакал в авангарде сражающегося с демонами войска.

— И прозвали ее Радомат, — повторила Констанс. И расхохоталась.

\*\*\*

Радомат, она же Констанс, она же Лофт читала доносы. Много доносов. Ревностными гражданами сообщалось о поименовании коровы именем Констанс, бесталанных пасквильях о неких брате и сестре и множестве разнообразных эпитетов, которыми народ награждал новую власть. В некоторых доносах эпитеты были стыдливо перефразированы, где-то расписаны во всех подробностях, очевидно, для большего эффекта. На паре особенно изобретательных Констанс даже посмеялась.

Доносительство давало сразу два полезных эффекта. Позволяло понять, кто из новых подданных хает Императрицу, и, что более важно, кто из них испытывает непреодолимую тягу заложить ближнего своего. На первых Лофт смотрела сквозь пальцы, пока дело ограничивалось разговорами в тавернах. Люди не любят захватчиков, даже если те ведут себя относительно мирно и не жгут все подряд. Стараются не жечь. Зато люди любят болтать, так путь болтают, выпускают пар. В разумных пределах, разумеется.

Вторые интересовали ее больше. Рвущиеся пресечь крамольные разговоры граждане, готовые за обещанную императорской короной пару медяков продать всех и каждого. Чаще всего жертвами рвения оказывались ближайшие соседи, обладающие сараем или чем-то столь же привлекательным, на что в случае смерти владельца можно попытаться наложить лапу. В ход шли самые нелепые обвинения, начиная от призыва демонов (какая ирония) и заканчивая кровавыми жертвоприношениями за ее погибель. Иногда фантазия оказывалась такой богатой, будто на кону стоял не сарай, а все десять.

Императрица вела список. Два списка: особо рьяных хулителей власти и особо рьяных ее защитников. В Файзине она долго не просидит, либо двинется на север, либо вернется в Иссиан. В государстве-карлике придется оставить очередного наместника невеликого ума, так пусть хотя бы знает, за кем следить.

Во время войны всегда кто-то попадает под колесницу истории. Кому-то приходится становиться пушечным мясом, болтаться в петле за нераскрытые преступления, которым обязательно нужен виновник. Кто-то должен остаться валяться под копытами Алых Всадников с проломленной головой в назидание остальным, если город вдруг охватит бунт. Умирать мерзкой смертью за интересы ненавидимой ими Империи. Констанс старалась, чтобы умирали в основном люди из второго списка. Маленькая справедливость от Императрицы. Если уж убивать, то сволочь.

— Ваша Светлость!

Шаомере прикрыл за собой дверь. Быстро оглядел кабинет на предмет наркотиков и вина, удовлетворенно улыбнулся. Доктор был единственным, кого кадобы пропускали в любое время и ничего не спрашивали.

— Ваша Светлость, в Ка-Бодаре волнения.

— Да, я в курсе.

Разумеется, она в курсе. В Иссиане говорят: нельзя чихнуть, чтобы об этом не узнала Императрица.

— Устроили погром, напали на стражников, убили двух магов. Требуют снизить налоги.

— Я в курсе, — повторила Констанс. — Только налоги мне снижать уже некуда, мы и так пошли им навстречу в прошлом году. Про то, что самых рьяных бунтовщиков уже перевешали, можешь мне не докладывать.

— Это должно было случиться. Люди голодают.

— Знаю. Но Империя здесь ни при чем, просто в прошлом году был такой неурожай, что даже маги земли не справились. Решили за это убивать — кидались бы палками в небо или пинали бы дождь, когда он, наконец, пойдет. А не насаживали моих братьев на колья с криками, что картошка в погребе сгнила от темного колдовства. Но я их понимаю, Шаома. Понимаю. Больше скажу, я их практически не виню.

— Люди в отчаянии, пожалейте их.

— Я жалею их, Шаома. Ты даже не представляешь, насколько.

— Так, значит, не пошлете Алых Всадников?

Шаома облегченно вздохнул. Улыбнулся. Конечно же, она понимает, какого решения ждет совесть Империи от своей названной дочки. Справедливой, понимающей, всегда старающейся обойтись малой кровью. Какое решение хочет принять она сама. Но Императрица не может чего-то хотеть. Она поступает так, как должно.

Констанс медленно повернулась к доктору.

— Я жалею людей, Исиф. Я понимаю их. Но я не могу позволить, чтобы в моей Империи безнаказанно лилась кровь ни в чем не повинных чародеев. В каком бы отчаянии проливающие ее ни были. И мне глубоко противно, что за глупость и жестокость одних уродов пострадают десятки невинных, но другого способа держать народ в узде пока еще не придумано. Если проявим мягкость, мятежи вспыхнут по всей Империи. Поэтому придется напомнить Ка-Бодару, что я не настолько милостива, как бы ему хотелось. Так что, конечно же, пошлю. Конечно же, пошлю.

;

### Глава 13

— Что, опять село? — тоскливо спросил я. — Где снова ни приличного цирюльника, ни теплой ванны, ни нормальной еды?

— А ты хочешь второй Хырх?

— Хырх единственный и неповторимый. На то он и Хырх!

— Де Лантор, у тебя какие-то высокие запросы для выросшего в доме призрения.

— Те времена изгладились из моей памяти! — возвестил я. — Отныне я сын второго человека в Танаире и привык к должному обращению!

— Ты ему не сын.

Ну да, ну да, спасибо, что напомнила.

Незапланированный портал отбросил нас далеко от главного тракта. Теперь мы двигались не с севера, а с северо-востока проселочными дорогами, лесами и полями. И спешили.

Очередная деревня на отшибе впечатление и правда производила мрачное. Мрачной была и дорога, по которой мы к ней подъехали, грязная и расплывшаяся. По мере нашего славного путешествия я все больше и больше разочаровывался в любимом государстве. Как оказалось, поездка по провинции, где любимое развлечение — это костер, несколько отличается от сытой жизни в фамильном особняке де Ланторов.

Покосившиеся дома, казалось, готовы были рассыпаться. Во всем этом убожестве не наблюдалось ни одной живой души. Мало того, что село, так еще и покинутое. А в

покинутом селе, как подсказывала мне логика, кормить не будут.

— Итак, что есть деревня? — спросил. — Деревня, безусловно, главная веха на пути к спасению мира. Сколько мы их уже проехали, четырнадцать? И, похоже, проедем еще столько же. Почему любые великие деяния должно обязательно предварять село? Да хоть книги почитай. В каждой второй главный герой попадает в мирно выглядящую дыру, где с ним обязательно что-нибудь случается. Но мы с тобой не в книге, случиться с нами ничего не может, а посему я продолжу свой рассказ. Итак, влияние деревенской жизни на спасение мира, прямое и косвенное. Во-первых...

Во-первых, мимо моего уха просвистел арбалетный болт.

Что со мной бывает крайне редко, я ошибся. Деревня вовсе не была покинутой.

Из покосившихся домов высыпали люди, вооруженные чем попало. Вилами, топорами, дубинами, один зачем-то тащил веник. Возглавлял отряд вилоносцев крепкий мужчина с арбалетом, целящийся в меня. Второй арбалетчик взял на прицел Сидори. Еще у троих я заметил настоящие, хоть и ржавые, мечи.

Я побледнел, как полотно. Ну вот и все, конец Эмилю, это мародеры. Или разбойники. Или мародеры-разбойники, хотя это, в принципе, и так одно и то же.

— Кто вы и откуда?

— Мы, — жалко пискнул я и замолчал. От страха фантазия мне изменила. Я ведь не сразу умру от арбалетного болта, буду мучиться. А если они мне его в глаз пустят?!

Я скопил глаза на Сидори. Девушка была удивительно спокойна.

— Кто вы и откуда?

Голос стал угрожающим. Ясно дающим понять, что третьего вопроса не будет. И тут я кое-что заметил. На виске старика, прикрытая редящими волосами, красовалась татуировка. Черный крест.

Сидори плавно воздела руки к небесам, и из пальцев вырвалось голубое сияние. Арбалетчик облегченно вздохнул.

— Добро пожаловать, сестра.

\*\*\*

На лавку мы втиснулись с трудом. Я тихо сидел в углу, уткнувшись в миску супа, и старался не привлекать внимания. Впрочем, я его и не привлекал: местные колдуны облепили Сидори, как мухи навозную кучу, и засыпали вопросами.

Суп навевал воспоминания о тюремной похлебке, но я благоразумно молчал. В конце концов, лучше поест гадости, чем свалиться замертво с болтом между глаз.

Для колдунов наши новые друзья жили довольно-таки убого. И уныло. Ни оргий, ни кровавых жертвоприношений, ничего, что я столь старательно расписывал в своих выступлениях. В углу сидела девчушка лет десяти и старательно пялилась на жестяное ведро. Очевидно, пыталась вскипятить воду силой мысли, но у нее это не получалось.

— Мы уж думали, вы от бургомистра. Прости нас, добрая госпожа, — арбалетчик, оказавшийся старостой с прекрасным именем Хын, заботливо подливал госте суп. Услышав его впервые, я чуть не свалился от истерического хохота. — Пуганые мы.

— От бургомистра? Хлипкий мальчишка и девушка? От него рота солдат должна приходиться.

Хлипкий мальчишка? Я хлипкий мальчишка?!

— А они хитрые, добрая госпожа. Подошлют шпиона, якобы путника, он по сторонам и пялится. Потом докладывает, чего было и чего не было. А, коли мы его обидим, так,

значится, мы первые напали.

— Мы не шпионы.

— Вижу, добрая госпожа, сестра вы наша, — Хын изо всех сил старался сгладить впечатление от нерадушного приема. — Не обессудьте.

— Так бургомистр о вас знает?

— Знает, — лицо старосты стало жестким. — Да делает вид, что не знает. Связываться ему с нами неохота. Мы ему вреда не чиним, а он нам. Заходили тут недавно от бургомистра, вернулся один и без ушей. Намек такой, стало быть.

— Жестоко.

— Как они с нами, так и мы с ними, добрая госпожа. Это еще ничего. Попадись нам де Лантор или сын его, представляете, что бы мы с ними сделали.

Я надвинул капюшон поглубже и уткнулся в тарелку с супом, впервые пожалев о своей приметной внешности. Повязка на глаз осталась в луже, новую мы заводить не стали, поскольку слух об одноглазом дебошире из Хырха по Танаиру разлетелся быстро. Оставалось просто надеяться, что меня не узнают.

— Высшие маги среди вас есть?

— Нет. Был один, земляной четвертой ступени, все мечтал сотворить голема, чтоб защищал нашу деревню. Сарай себе отстроил вон там вдальеке, где дыра в земле, так сказать, лабораторию. Как-то ночью эта лаборатория так грохнула, что на милю вокруг слышно было. С тех пор у нас ни мага, ни голема. А жаль, с земляным магом-то какая картошка родилась. Загляденье, а не картошка. И земля была сплошной чернозем. Сорняк не рос, клопа не было.

— Тогда почему вы здесь сидите? Тут не Тан-Фойден, никто вас в лагерь не сгонит, на костре не сожжет, могли бы встать на учет...

— А мы не хотим! — яростно рявкнул Хын. — Не хотим на учет! К бургомистру на поклон ползать, ошейник носить, налог платить в три раза больше. Детей своих в город сносить, чтоб их, значит, как щенков осматривали, кто породистый, а кто нет, в ком слабо колдовство, а кого головой в ведро, и дело с концом. Мы свободные колдуны. Живем тут и будем жить. Мирно живем, зла не чиним, чай, не Аскольд. Вот Темная Госпожа придет, враз забудут про свои учеты. На коленях будут ползать и скулить, а поздно.

— Отсюда до Раады путь неблизкий.

— А мы подождем, — отрезал староста. — Нам спешить некуда. Подождем и посмотрим, как те, кто нас на костер тащил, сами гореть будут. Ладно, госпожа, прости нас еще раз. О тебе мы, считай, расспросили. А с тобой-то кто?

Впервые в жизни я был не рад, оказавшись в центре внимания. В полумраке мои разные глаза не бросались, прошу прощения, в глаза, но головы я старался особо не поднимать.

— Я ее муж, — принялся я вдохновенно врать. — Хьюхыр Хырхский. Увы, я не маг, но всегда вам сочувствовал. Укрывал беднягу во время погрома, так мы и познакомились.

Сидори выразительно подняла бровь. Я пнул ее под столом.

— Сочувствовал — это хорошо. Это ты почти наш, значит, — староста дружелюбно хлопнул меня по плечу, отчего я чуть не свалился носом в суп. — Мало вас таких, кто колдунам может руку протянуть. Обычно все орут: смерть черно книжникам.

— Я тому, кто такое говорит, в морду плюну, — горячо заверил я. — Уроды они и придурки. Неужто смерть моей Сидори за то, что она колдовать умеет?

Староста крякнул.

— Верно говоришь. Хороший ты человек, Хьюхыр, хоть и не колдун. Ладно, идите

спать, поздно уж. А завтра мы вас с почетом отправим, куда вы там собирались.

Ночлег семейной паре, то есть нам, обустроили в амбаре. Вначале хотели на чердаке, но я решительно воспротивился, сославшись на боязнь высоты. С чердака сбежать не так-то просто.

Я надеялся, магичка внемлет голосу разума, то есть моему, и мы к этому моменту будем уже далеко от деревни колдунов. Но вместо этого она завалилась спать, грубо ткнув меня в бок и не пожелав ничего слушать. Так что теперь Сидори дрыхла, а я боялся. С каждой минутой все сильнее.

— Сидори, — я осторожно тронул девушку за руку. — Ты спишь?

Колдунья что-то сонно пробормотала и повернулась на другой бок.

Паника от близости толпы колдунов боролась с желанием казаться сильным и бесстрашным. В конце концов паника победила.

— Сидори, — я растолкал колдунью, та воззрилась на меня заспанными глазами. — Ты уверена, что здесь безопасно? Пока ночь, мы можем сбежать по-тихому.

— Пешком и без вещей? Они тебя не узнали, не психуй.

Кто психует, я психую? Да я в жизни не психую!

— Что не помешает им узнать меня завтра.

— Надейся на лучшее.

— Ни за что! Излишний оптимизм губителен и плохо сказывается на продолжительности жизни!

— Де Лантор, — девушка воззрилась на меня. — Ты никуда не уйдешь в темноте без лошадей.

— Открой портал!

— Опять в никуда? Не буду я тебе ничего открывать. Утром мы просто сядем на лошадей и ускачем отсюда.

— Но...

— Спи, узник без отца и матери.

— Только вместе с тобой, — неожиданно для самого себя сказал я.

Губы Сидори оказались мягкими и теплыми. Забавно, я никогда еще не целовал колдунью.

Я боялся, девушка меня оттолкнет, но она обвила мою шею руками. Соблазнение планировалось к концу путешествия, но мне было слишком тоскливо, одиноко и страшно. В конце концов, мне нужно всего лишь использовать ее, чтобы удрать и отвязаться от всей этой истории со спасением мира. Хотя мы могли бы сбежать вместе. Осесть где-нибудь, затаиться. Или не могли бы. Или могли бы...

\*\*\*

Жесткая солома оказалась неожиданно приятной. Как и промозглая ночь, вдруг ставшая не промозглой, а вполне себе прохладной. Я заботливо укрыл Сидори одеялом.

Я и забыл, как за год соскучился по любви. Последние события моей жизни как-то не способствовали греховным помыслам.

Сидори пошевелилась. А все-таки она красивая. Небольшая грудь, растрепанные волосы, родинка на щеке. И лицо, кажущееся сейчас таким спокойным и мирным.

Удрать вместе. Удрать и больше не быть одному. Переждать войну, потом найти отца. Посмотреть в его бесстыжие глаза, чтобы этот бульжник осознал, как виноват передо мной, прослезился и покаялся. Хотя нет, для пушшего эффекта перед этим лучше совершить что-

нибудь великое. Например... Я осознал, что как раз еду совершать великое и мне не нравится, и умерил свои аппетиты. Ладно, будем честны, единственный подвиг, подвластный мне, это заболтать кого-нибудь до смерти. И все же это было бы прекрасно. Я в лучах славы предстаю перед отцом, он пускает скупую слезу и бросается мне на шею, а я раздумываю, простить его или нет. Как это было бы прекрасно...

С мыслями о прекрасном я заснул. Мне снился ползающий на коленях отец и голые женщины с лицом Сидори, имя каждой из которых начиналось на «хы».

Пробуждения в обнимку не вышло. Сидори стояла рядом, деловитая и собранная, и толкала меня в плечо.

— Просыпайся, де Лантор. Пора ехать.

— Не де Лантор, а Эмиль, — обиделся я. — С некоторых пор я тебе не чужой.

— Просыпайся, Эмиль. Поднимай свою задницу.

Задница поднялась с трудом. Сон на соломе ей не понравился.

Я выполз из амбара. Колдуны столпились около оседланных лошадей, наперебой норовя вручить Сидори какой-нибудь презент. Что-что, а цеховая солидарность у магов просто зашкаливала.

Я с наслаждением потянулся, лицо погладил солнечный свет. А утром эта деревенька ничего.

Щуплый колдун с татуировкой на виске с улыбкой подал мне поводья. И улыбка вдруг увяла.

— А что у тебя с глазами?

Маги повернулись ко мне. Вокруг вдруг похолодело градусов на десять.

— А что с ними? — чуть удивленно спросил я, небрежно протягивая руку к поводьям. Поводья, зажатые в кулаке не в меру наблюдательного колдуна, от меня удрали.

— А то, что странные у тебя глаза. Один серый, другой зеленый.

— А, это. Так я таким родился. От матери досталось.

— От матери, значит. И много ж таких матерей по Танаиру ходит разноглазых? Сколько живу, ни разу не видывал. Кроме одной. У которой сына Эмилем кличут.

Я искренне расхохотался.

— Что?! Да позвольте, добрые господа, вы меня за де Лантора приняли? Да это же смешно. Да я с этим уродом в одном сортире срать не сяду. Да у меня жена магичка!

Последний аргумент казался убедительным, как удар кирпичом по голове, но эффект произвел прямо противоположный ожидаемому.

— Да ты добрую госпожу решил погубить! — завопил колдун и попытался врезать мне кулаком. — Люди, это де Лантор! Госпожу Сидори обманом завлек, ведет куда-то, на костер тащит! Бей его!

— А может, ты с ним в сговоре? — не предвещающим ничего хорошего голосом спросил кто-то более сообразительный. — Шпионить решила за нами.

Пара дюжих мужиков схватила Сидори, на шее защелкнулся ошейник. Ошейник из миарила. Шамор, все пропало, в этой штуке способностей к колдовству у нее столько же, сколько у меня.

Я сиганул прочь, ловко подставив подножку ближайшему колдуну, пронесся мимо хрюкающей свиньи и нырнул между домами. Сзади с улюлюканьем неслись чародеи, мимо просвистели вилы. Слава папочке, что боевые маги в Танаире повывелись, осталась только всякая шушера.



Совершив крутой вираж между тачкой и бочкой навоза, я устремился к лестнице, ведущей на крышу давшего нам пристанище амбара. Вскрабклся наверх, дав лестнице хорошего пинка. Та с грохотом повалилась на землю, погребая одного из моих преследователей.

Для вил и кулаков я был теперь недоступен. Временно, пока могучий коллективный разум поселян не догадается приставить лестницу обратно.

Староста Хын поступил по-другому. Он взвел арбалет.

— Ну вот и все, Хыохыр Хырхский. Добегался ты.

Из-за спины старосты выволокли Сидори, я отчаянно завращал глазами: сделай что-нибудь! Девушка лишь беспомощно пожала плечами.

— Последнее слово будешь говорить или так помрешь?

— Стойте! Стойте, Хын. Да, я не тот, за кого вы меня приняли. Признаюсь, я вам солгал. На самом деле я колдун, путешествующий инкогнито, один из вас. Великий колдун Хырик Хыровой! Дайте мне минуту на заклинание, и все поймете. Элла белла хыхыр ома! Виндис криндис пам хыхыр!

Староста недоверчиво поднял бровь, но стрелять все же не стал. Действительно, куда я денусь с крыши.

Рука лихорадочно шарила за подкладкой дублета. Ну почему, почему мне было лень зашить дыру в кармане!

— Хыр хыхыр абилас омидис. Сокан покан ами дун!

Арбалетчик хмурился все больше. Мое выступление с каждой секундой теряло убедительность.

Наконец, я нащупал хыверк, благословляя свою страсть тащить все, что не приколочено.

Теперь надо как-то высечь огонь. Помнится, во втором кармане вались кремень и железка.

— Хыра быра ои рами!

Я завел обе руки за спину, пытаюсь удержать хыверк и высечь искру одновременно. Искра не высекалась.

— Хью хы хын!

Ну давай же, давай, не зря же я таскаю тебя в кармане!

Железо терлось о камень, ничего не происходило. Наконец, пальцы обдало жаром.

— Хыр-хыхыр! — победно выкрикнул я.

Хыверк зашипел и взмылся в воздух.

Арбалетчик заорал и выронил, собственно, арбалет. Хыверк на неподготовленного зрителя впечатление производил убийственное. Вот оно, тождество науки над магией!

— Узрите! Я могучий маг огня! Повелитель хыверка! Магистр клитотании!

Колдуны попадали на колени.

— Простите... Простите, господин Хырик, — промямлил Хын. Наверно, он за всю свою жизнь извинялся меньше, чем за последние два дня. — Перепутали мы. Виноваты. Приняли за другого.

— Прощаю, — проявил я великодушие, спрыгивая с крыши амбара. — На этот раз. Но, раз вы оскорбили великого магистра, придется расплачиваться. Нам нужны новая одежда, еда и деньги. И ванна. Большая и теплая.

— Да где ж я вам ванну найду, господин Хырик? — ужаснулся староста. — Мы люди простые, у нас ванн отродясь не было!

— Наколдуйте, — высокомерно бросил я. — Надеюсь, на это ваших способностей хватит? Или этим заняться мне, великому магистру? Тратить силы на кипячение воды?!

Хын словно стал меньше ростом.

— Найдем, господин Хырик. Клянусь, сделаем, что можем.

— Вы уж постарайтесь. А то прокляну! Превращу в хывыков. Всех, включая свинью, которая вон там хрюкает.

Староста сжался окончательно.

— Постараемся, господин Хырик, постараемся, не серчайте. А кто такие эти хывыки?

Я оскалился, словно сам Князь Тьмы.

— Уж поверь, господин Хын, этого тебе лучше не знать.

;

## Глава 14

Наместник ждал. Красная морда наверняка краснела еще больше, толстые губы выплевывали ругательства, руки сжимались в кулаки. Ждала дюжина его головорезов, ждала четверка Блудущих королевскую волю, больше похожих на клерков и выглядящих до крайности потерянными. Ждала, что прискорбно, Проповедница. Ее, единственную из всей компании, Аскольд оскорблять не намеревался, но, увы, переживет.

Братья во ожидании толпились у дверей разрушенного храма. Храм Аскольд знал — за полгода торчания на одном месте с перерывами на убийства он успел изучить все местные развалины. Разрушили его давно и с большим усердием. С таким большим, что определить, кому воздавали молитвы, стало практически невозможно. Для Светозарного, изображаемого обычно высоким и грозным, стершийся каменный идол над алтарем был слишком низок, для демона слишком человекоподобен, Черных Отцов поодиночке не лепили, да и вряд ли у культистов хватило бы наглости отправлять свои жертвы рядом с городом.

Так или иначе, храм был наполовину разрушен и забыт. Прятался в лесу, взирая в небо дырой в крыше, и был абсолютно никому не нужен. Что делало его отличным местом для переговоров враждующих сторон.

Наместник и компания ждали. Аскольд попивал вино, сидя прямо на земле. Недалеко, за заборчиком из редких кустов, словно позаботившись, чтобы они его не видели. Но они его, без сомнения, видели.

— Ты ей доверяешь? — Чобард с сомнением смотрел на своего командира. Молодой колдун как раз-таки не доверяет и не скрывает этого, как и многие другие. Но все они пойдут туда, куда скажет Аскольд. Не споря и не рассуждая.

Огнетворец покачал бутылку в руке.

— Ей — да.

Когда тебя обвиняют во всех мыслимых и немыслимых грехах и подвергали всем мыслимым и немыслимым издевательствам, тебя сложно чем-то удивить. Но два дня назад девчонка его удивила. Она вернулась и принесла новости. Какими-то невероятными силами Проповедница убедила Рёгнера согласиться на переговоры. Надо полагать, теми же самыми, которые не позволили паре сопровождавших ее головорезов сбежать или наложить в штаны при виде колдунов.

Аскольд взял с собой восьмерых. В разной степени владеющих магией, но неизменно хорошо владеющих оружием. Все они стояли у него за спиной.

Наместник в дверях храма, судя по мимике, отчаянно ругался. Что ж, это перестает быть забавным, пора.

Аскольд грациозно поднялся с земли, сделал знак своему отряду и неторопливо пошел вперед.

— Это может быть ловушка, — не успокаивался Чобард.

Колдун пожал плечами.

— Думаешь, почему здесь ошивается четверо Блудущих? Они доложат королю о каждом сказанном здесь слове, так что даже у Рёгнера должно хватить мозгов не устраивать бойню. Не говоря уже о том, что здесь Вокара и их дюжина против девяти магов. Хотя это, разумеется, ловушка, — Аскольд оскалился. — Если ты понимаешь, о чем я.

Девять магов, но Алавет остался в лагере. Если что-то пойдет не так, если каким-то немислимым образом он здесь погибнет, людям нужен командир, нельзя рисковать ими обоими. Хотя что здесь может пойти не так?

— Прошу простить меня, многоуважаемые господа, — Аскольд отвесил изысканный придворный поклон, вступая в двери храма. — Меня задержали тягостные раздумья: я размышлял, так ли уж мне хочется видеть ваши рожи. Разумеется, к тебе это не относится, госпожа моя, — колдун снова поклонился персонально Вокаре. — Тебя я видеть столь же рад, сколь отвратительно мне лицедреть многоуважаемого господина Рёгнера. Кстати, господин Рёгнер, вы помнитесь, обещали меня убить. В первую же секунду, как только я появлюсь перед вашими глазами. Секунда уже прошла.

Наместник побагровел. Колдун послал ему воздушный поцелуй. Проповедница посмотрела на Аскольда и закатила глаза.

Колдун лениво зашел в храм. На него смотрели с ненавистью и ужасом. Ужас и ненависть, ненависть и ужас — то, что пролегает между всеми разумными существами, которые хоть чем-то отличаются друг от друга. И будет пролегать, пока мир не рухнет.

Аскольд, ухмыляясь, уселся прямо на алтарь неизвестного божества и закинул ногу на ногу. Бутылка с вином, пролетев прямо по воздуху мимо головорезов Рёгнера, легла ему в руку.

— Уговор был не колдовать на переговорах, — прошипел наместник.

— Разве? Ах, прости. Понимаете ли, я — террорист! — важно поведал Аскольд. — Нам, террористам, волей-неволей положено нарушать свои обещания. Иначе это было бы попросту невежливо.

Аскольд откинул волосы с виска, демонстрируя татуировку. Созерцать красную рожу Рёгнера доставляло ему неопишное наслаждение.

— Мы собрались... — один из Блудущих королевскую волю сделал шаг вперед.

— Простите, что прерываю, но у меня для господина наместника есть подарок. — Аскольд спрыгнул с алтаря. — Как известно, мы, Вольное Королевство Черного Креста, имеем свой герб и гимн. Раз уж наша держава и славный город Тан-Фойден пришли к мирному соглашению, полагаю, самое время его исполнить.

Чобард развернул перед глазами наместника шелковую ткань, на которой старательно был нарисован Рёгнер с торчащим из задницы черным крестом. Ради такого дела флаг пришлось даже снять с ворот. По команде огнетворца двое чародеев, обладающих наиболее приятными голосами, выступили вперед и грянули песню:

В подельник поутру

Родила свинья в хлеву.

Человеко-поросята,

Их отец — наместник Якоб!

Как-то юный Никанор  
Заглянул на скотный двор.  
Слышит бляенье внизу –  
Рёгнер трахает козу!

Рожа наместника стала настолько багровой, что, казалось, его вот-вот хватит удар. Блюдущие королевскую волю силились сдержатъ смех, один из головорезов Рёгнера глупо хихикнул, даже Вокара, о чудо, слегка улыбнулась. Наконец, из груди наместника исторгся могучий вопль:

— Хватит!!! Прекрати этот цирк, колдун!!! Забирай своих выродков и разойдемся!

Аскольд сделал знак рукой и уселся обратно на алтарь, чародеи снова отступили к нему. Впрочем, песня уже закончилась.

— Хватит, так хватит. Как я могу послушаться самого наместника Тан-Фойдена?

Наемники сгрудились вокруг Рёгнера, Аскольда обступили колдуны. Для мирных переговоров рожи собравшихся выглядели удивительно не мирно.

— Гребаный урод, — прошипел кто-то.

— Мы собрались здесь, — Блюдущий предпринял вторую попытку толкнуть речь, неловко становясь в центр зала. Глаза его беспокойно перебежали с Аскольда на Рёгнера и обратно. — Собрались здесь, чтобы исполнить, эээ, соглашение между наместником Тан-Фойдена достопочтенным господином Рёгнером и, эээ, зовущимся Трехпалым господином Аскольдом из дома Андванов, эээ...

— Гребаным уродом, — учтиво подсказал колдун.

Канцелярская крыса аж трясется. Впрочем, Блюдущих он трогать не собирается.

— В милости и мудрости своей наш король, чьими устами говорит сейчас достопочтенная госпожа Вокара, заботится более о благе народа, чем о наказании виновных, и верит, что и в самом черном сердце можно отыскать благородство. Потому, эээ...

— Потому мы пока поищем благородство в сердце достопочтенного господина Рёгнера, я как раз успею помереть здесь от старости, — снова подсказал Аскольд.

Блюдущий беспомощно взглянул на него, Аскольд подмигнул несчастному. Колдуна охватывало идиотское истерическое веселье. Сидеть здесь прямо на чьем-то алтаре, смеяться им в лицо и знать, что через несколько минут, когда ему наскучит представление, наместник будет кататься по земле с диким воплем, безуспешно пытаясь сбить пожирающее его пламя, выть, как свинья на бойне, поджариваясь заживо, вместе со всей своей сворой. Колдуна, в отличие от Рёгнера, не связывает страх прогневать короля, и благородства в его сердце нет, сколько ни ищи. Жаль лишь, Проповедница будет плакать. Горько рыдать о своей несбывшейся детской мечте примирить всех со всеми, вдыхать запах опаленной плоти, видеть трупы и понимать, что причиной этой резни невольно стала сама. Она никогда ему не простит. Жалко, они почти подружились, но что поделать. Такого уж свойство всех детских мечт — они не сбываются. А осколки, на которые они разлетаются, разбиваясь, ранят в самое сердце.

Блюдущий снова завел какую-то нудятину, Рёгнер топнул сапогом.

— Хватит, к Шамору протоколы! Не желаю находиться в одном помещении с этими выродками дольше, чем это необходимо. Какие твои гарантии, колдун? Как я могу быть уверен, что ты убереешься отсюда, как обещаешь?

Аскольд пожал плечами.

— Честное слово устроит?

Рёгнер, должно быть, пошел багровыми пятнами, но на и так багровом лице их было не видно.

— Но ведь у вас нет выбора, не правда ли, наместник? Вы пойдете на все, лишь бы получить шанс от меня избавиться.

Наместник сжал кулаки.

— Вводите этих уродов. Предупреждаю, колдун, ты горько пожалеешь, если не сдержишь свое слово.

Из маленькой комнатки, очевидно, прежде служившей для уединенной молитвы, вытолкали пленных. Вполне себе целых, с ушами и пальцами. Судя по тому, что они что-то бормотали себе под нос, даже с языком. Если б что-то из сих важных органов отсутствовало, Аскольд бы за себя не ручался.

Морис, мужчина лет сорока, немногим старше Аскольда, и Гафин. Тот самый Гафин, который не боялся никого и ничего, который придумывал самые изощренные пытки и всегда первым бросался в бой. Маг земли взглянул на своего командира. Тупо, словно не узнавая. Один глаз у него заплыл и не открывался.

Морис, который, какая ирония, и колдовать-то не умел, тоже поднял глаза. Тот же взгляд. Потухший, серый, безразличный ко всему. Взгляд того, кто вышел за пределы посильных человеку страданий, кому уже все равно. Кто покорно соглашался рыть себе могилу, с тупым безразличием смотрел на арсенал палача и забывал поесть, если ему не напомнить. Не случись возможности поднять восстание, через пару месяцев так бы начал смотреть он сам. Чтобы довести человека до черты, необязательно что-то ему отрезать.

Веселье сменилось яростью. Чистой и холодной. Этих двоих он не простит. Он развалит этот город, развалит по камню, спалит каждую его грязную улицу, и вместо нечистот по ним потечет кровь. Найдет тех, кто пытал, найдет тюремщиков и тех, кто платил им жалованье, кто выносил из холодных камер ночной горшок и приносил еду, если вообще приносил. Будет сидеть вот так же небрежно, закинув ногу на ногу, и наслаждаться их криками, тем, как рот разверзается открытой раной, лицо искажается в нечеловеческом вопле, тем, как у них лопаются глаза. И начнется это сегодня. Со смерти Якоба Рёгнера, жестокой и мучительной смерти.

Наместник поставил пленных на колени, пнул Гафина под зад. Тот неуклюже повалился лицом в пол.

— Вставай, урод.

Тот, шатаясь, поднялся и побрел к своему командиру.

— Теперь ты убережешься с моей земли, гребаный садист? — Рёгнер выплевывал слова, как дохлых лягушек.

Аскольд очаровательно улыбнулся.

— Всенепременно.

Проповедница будет кричать и плакать, осознавая, что он предал ее благородные замыслы, но он не собирается ее убивать. Нужно увести девчонку куда-нибудь в угол, подальше, чтобы ее не задело случайным заклинанием или пролетающим ножом.

— Госпожа моя, не соблаговолите ли подойти сюда? — Вокара сделала неуверенный шаг вперед, толстые пальцы Рёгнера легли ей на плечо. — Уверяю, — вкрадчиво проговорил Аскольд, — с нашей прекрасной гостьей из Аранди ничего не случится. Я всего лишь хочу выразить ей почтение за участие в нашем славном деле, она в полной безопасности. Ведь безопасность говорящей голосом короля для нас обоих превышает все, верно?

Наместник встретил его взгляд и вдруг улыбнулся.

— Разумеется.

И тут Проповедница закричала.

Дальше все пошло очень быстро. Один метательный нож вонзился в глаз Чобарду, второй — в руку самому Аскольду. Колдун дернулся от боли, и огненный поток, который должен был зажарить наместника, ударил прямо в лицо одному из наемников, тот завопил. Тоненько заверещал один из Блудущих, подавился криком и свалился с перерезанным горлом. Проповедница с кинжалом Рёгнера в спине покачнулась и рухнула лицом в пол. Из рта у нее стекала струйка крови.

С королевской волей наместник решил поступить просто. Перебить всех, кто мог бы донести о ее неисполнении.

Храм мгновенно превратился в дурдом. Свистели ножи, сверкали мечи, раздавались вопли боли и ярости, на залитый кровью пол шлепались отрубленные руки. Аскольд выдернул кинжал из руки, огрел огненным потоком еще одного, с удовольствием наблюдая, как первый корчится на полу, закрывая обожженное лицо руками. С воем упал на колени Ноам — ему снесли половину черепа.

Аскольд лупил огнем направо и налево. Вот взвыл от боли один солдат Рёгнера, рухнул, пытаясь сбить пламя с одежды, второй. Кто-то тут же отсек бедолаге ухо. Тот заорал, из раны хлынула кровь. Пятеро людей Рёгнера лежали на полу. Пятеро людей Рёгнера и пятеро же колдунов. Так вот ты какое, численно преимущество. Драться вчетвером против семерых совсем не то же самое, что вдевятиером против двенадцати.

Вокара лежала на полу без движения. До Аскольда только сейчас дошло, что смелая Проповедница, синеглазая дева, загадочная жертва менталиста из забытой всеми богами деревни была мертва.

Он почти что с ней подружился, почти начал считать одной из своих. А Рёгнер ее убил. Алой пеленой огнетворца окутала ярость.

И тогда Аскольд Андван второй раз в жизни повел себя, как идиот. Он бросился на Рёгнера, забыв обо всем. Выхватил из-за пояса нож, метнул в наместника, вскинул руку, чувствуя, как в пальцах формируется огненный шар. И тут на шее колдуна защелкнулся ошейник.

Аскольда повалили на пол, ударили по голове, пнули в солнечное сплетение. Первое правило любого боя — никогда не забывай, кто стоит сзади.

Через минуту все закончилось. Его люди лежали на полу, мертвые и умирающие, так же, как и девять наемников Рёгнера, так же, как и Блудущие королевскую волю и Вокара. Наместник стоял, зажимая рукой рану в плече, между двумя выжившими головорезами. На красном лице читалось удивление, словно он сам не мог поверить в собственную победу.

— Ну и придурок ты, огнетворец! Говорят, ты неуловимый великий колдун, а я ловлю тебя, как ребенка, второй раз. Второй! Третьего не будет, не беспокойся.

Повинуясь знаку Рёгнера, наемники подтащили к ним еще двоих выживших. Пленников.

— Смотри, колдун, вот те, за кем ты сюда пришел. У тебя есть выбор. Я могу убить их быстро. Проявить милосердие. Вдруг оно еще осталось в моем черном сердце. А могу убивать медленно. Знаешь, некоторые из тех, кто попался нам в прошлый раз, жили неделями, один протянул почти месяц. В полном сознании и душевном здравии. Хотя не могу сказать, что в целости. И не потому, что что-то знал и упорно не желал рассказывать, о нет. Все скудные крохи информации, что у него были, он вывалил палачу на третий же день.

Просто потому, что мне так хотелось. Вы мне не нравитесь, Трехпалый. Вы, колдуны. Мне не нравится, что вы живете на свете, что вы дышите воздухом, едите хлеб, развлекаетесь с женщинами. Вы — оскорбление всего рода человеческого, то, чего не должно существовать. Даже демоны, эти темные твари, и те вас уничтожают. И вы перестанете существовать, рано или поздно престанете, и никакая Лофт вам не поможет. Но мы отвлеклись. Я могу проявить милосердие. А могу распиливать их по кусочкам. Отрублю пару пальцев и буду гадать, не содохнут ли они от боли, не загноится ли рана и не сгниют ли они заживо. Как ты когда-то. Помнишь? Мы с Гисидором держали пари, умрешь ты или нет. Условием было либо убить тебя, либо отправить в лагерь. Ты не представляешь, сколько раз я пожалел, что проиграл тогда. Я могу содрать с них кожу, а в горло залить раскаленный свинец. А тебя заставлю смотреть. Как тебе такая перспектива? Ты ведь славишься у нас заботой о своем маленьком войске, говорят, это единственная человеческая черта, которая в тебе осталась. Так что выбираешь?

Колдун сплюнул кровью.

— Я не настолько наивен, чтобы думать, что могу выбирать.

— Ну отчего же. Может, если ты доставишь мне другую маленькую радость, я откажусь от этой. Поцелуй мне сапог.

Аскольд скривился.

— Ну, давай же. Заметь, я не прошу его вылизать или сделать что-нибудь еще более непотребное. Всего лишь скромный поцелуй.

Аскольд посмотрел на Гафина. В пустых, ничего не выражающих глазах, кажется, все же появилась какая-то смутная эмоция. Страх.

Колдун скривился, опустил голову и поцеловал грязный сапог Рёгнера. Тот рассмеялся.

— Вот и славно. Перережьте им горло. Вот видишь, я умею быть милосердным. Но не к тебе, колдун, не к тебе.

\*\*\*

Развязывать его, разумеется, не стали. Как и утруждать себя наведением в камере хоть какого-то удобства. Кроватью колдуну служил каменный пол, он же местом трапезы. Разнообразие картине добавляло только вонючее ведро в углу. Очевидно, стража все-таки решила, что без ведра он никак не обойдется.

Болели ребра, бока и прочие испинанные места. Давно уже занемели туго стянутые руки. Не первый раз в жизни Аскольда кто-то поймал, совсем не первый. Колдуну годами удавалось выskalзывать ото всех, пока он по собственной дурости не загремел в лагерь. Но даже тогда, странное дело, Аскольд верил, что он выберется, что не умрет там, в холодном бараке. Теперь надежды не было. Совсем.

Он потерял почти треть своего отряда. Дал убить Проповедницу, пусть наивную, но смелую, смотревшую на него умоляющими глазами. Дал провести себя, как последнего идиота. Теперь Рёгнер его не выпустит.

Шли часы. Никто не подходил к камере, не соизволили принести даже скудный обед. Очевидно, еда и вода, так же, как и мебель, считались излишествами.

Наконец, по лестнице затопали сапоги. А вот и наместник собственной персоной. Буквально лопающийся от самодовольства Якоб Рёгнер.

Со скрежетом открылась дверь камеры, наместник встал, широко расставив ноги, сверху глядя на пленника. Ему явно доставляло удовольствие стоять так близко к легендарному огнетворцу, зная, что в ошейнике и кандалах тот ничего не может сделать. Аскольд сплюнул

на пол. В плевке была кровь.

— Как ты себя чувствуешь, колдун? Надеюсь, тебе все нравится? Верить ли, мы переживали. Давно эти подземелья не посещала столь знаменитая особа.

Вместо ответа Аскольд плюнул еще раз.

— А я-то надеялся, ты продекламируешь очередной стишок. В памяти не всплывает ничего, подходящего моменту? Ну, так я тебя помогу. Ликуй, ликуй, народ, он схвачен, презренный стоголовый монстр! Народ уже ликует, видя ужас Тан-Фойдена в цепях. И плачет, ибо в злобе своей ты зверски убил бедную девочку, всеобщую любимицу. Буквально растерзал на части. Я до сих пор содрогаюсь, вспоминая это зрелище.

— Повесишь на меня всех собак, включая дождь и грядущий неурожай?

Рёгнер усмехнулся.

— Разумеется. Если я всегда делал так раньше, с чего мне прекращать теперь? Ты даже не представляешь, колдун, сколько преступлений на твоей совести. Сколько честных и мирных торговцев ты ограбил. Отобрал у бедняг все до последнего гроша. Заметь, грабил всех без разбору, даже в тех окрестностях города, докуда от лагеря день пути. Вот какова сила твоя, Тьмой данная. А сколько людей ты поубивал, которые мне мешали! Знаешь, ты был не так плох, Аскольд. И сидел бы в своем лагере дальше, пока не сдох бы, хотя от вас, колдунов, такой радости быстро ждать не приходится. Но явилась девчонка и перевернула вверх дном весь город. Нарушила нашу с тобой тихую идиллию. Что ж, поделом ей.

Наместник подошел и небрежно, словно нехотя, отвесил колдуну пинок.

— Знаешь, что бывает с теми, кто пытается нести высокие идеалы в такие места, как Тан-Фойден? Они погибают. И тянут за собой других. Твоя Вокара хотела потушить костер, так вот, ее именем я его запалю. Запалю такой костер, который этот город не видел с Долгой Ночи. И ты сгоришь на нем не сразу, о, не сразу. Гисидор позаботится о том, чтобы твои раны затягивались, аки на Светозарном. Вот только ты не Светозарный, ты Шамор. Ты будешь гореть и смотреть, как на соседних кострах корчится шушера из твоей свиты. Те, кого ты так хотел защитить. Ведь теперь оборонять лагерь некому, верно? От монстров и от меня. Подумай об этом. И покайся в деяниях несправедливых, пока есть время. А я вас оставлю.

Завершив разговор очередным пинком, Рёгнер развернулся, насвистывая песенку. В дверях появился кто-то еще. Кто-то в рясе.

— Вряд ли душу такого грешника, как ты, можно очистить страданием, — произнес отец Гисидор, и губы его растягивались в улыбку. — Но я постараюсь. Я постараюсь.

\*\*\*

Король Иерам Второй терпеть не мог, когда его отвлекают по пустякам. Зная об этом, придворные быстро приучались к удивительной самостоятельности, в которой с ними могли соперничать разве что придворные Иерама Первого. Ходила байка, что канцлер отца как-то самолично провел маленькую победоносную войну, не решаясь тревожить величество подобной мелочью.

Байка, несмотря на откровенную нелепость, нынешнему Иераму нравилась, ибо отражала одно из ценнейших свойств ушедших времен: прошлый канцлер короля боялся. Наглый, как собственный сын, де Лантор не боялся никого. Но по пустякам не отвлекал.

Они сидели на постоялом дворе. Безусловно, недостойном столь высоких особ, но единственном из имеющихся в деревеньке. Хозяин, поняв, кто к ним пожаловал, принялся было бить поклоны, расшибая лоб о землю, но был грубо поднят на ноги гвардейцем и отправлен готовить ужин. Король был голоден и зол.



— Потому что, верный слуга мой канцлер, я не люблю бессмысленных вещей.

Де Лантор пожал плечами, обгладывая куриную ногу. Он давно уже освоил искусство бесить короля своей невозмутимостью.

— Если переговоры бессмысленны, зачем мы здесь?

— А где мне быть, Шамор тебя побери?! — король стукнул кружкой по столу, расплескивая пиво. — Мы отклоним капитуляцию и начнется война. Хоть войной поруководим.

— Боюсь, она начнется и быстро кончится.

Иерам глубоко вздохнул, закрыл глаза, перебарывая желание выплеснуть остатки пива в эту будто из камня высеченную рожу.

— Нет, Максимильтен.

— У нас нет выбора, Ваше Величество. Иссиан захватывает одно государство за другим, но то были государства-карлики. С Танаиром так просто не выйдет.

— Неужели? — едко спросил король. — Так почему же ты тогда пытаешься убедить меня, что у нас нет выбора?

— Потому что мы проиграем, — все так же спокойно продолжил канцлер. — Проиграем неизбежно, положив кучу людей с обеих сторон и заставив увязнуть в войне большую часть армии Иссиана, чем тут же воспользуются провинции, которым не слишком нравится жить под властью Алого знамени. Императрица Лофт, если она не глупа, этого не хочет.

— Императрица Лофт, — выплюнул король, — трахается с братом, глушит вино, топит мир в крови и, по слухам, давно уже чокнулась. Ничто из твоих рассуждений ее не заботит.

— Я так не думаю, Ваше Величество.

Король осушил новую кружку пива и стукнул ей по столу. Прибежала испуганная девица с подносом.

— Так что же ты думаешь, поведай мне, о верный слуга мой канцлер?

— Темная считает себя освободительницей, так дадим ей то, чего она хочет. Пойдем на уступки. Пусть костры погаснут, лагеря опустеют, ошейники сломаются, думаю, этим она удовлетворится. Но Танаир останется свободным, под синим флагом, не под алым.

Король сплюнул.

— Чтобы по моему королевству толпой шлялись чернокнижники? Да лучше сразу сдать Иссиану. Как только мы выпустим этих уродов на свободу, они тут же обрушат страну в хаос, чем Империя и воспользуется.

— Или Танаир сохранит суверенитет и впервые за четыреста сорок лет в нашем королевстве перестанут литься реки крови.

Король всмотрелся в загорелое худое лицо. Лицо человека, когда-то казавшегося находкой для страны, способного принять на себя часть власти и распорядиться ей с умом, а в итоге захапавшего ее столько, сколько ни одному канцлеру и не снилось. В пронизательные серые глаза, такие спокойные. Как же хочется ему врезать.

— Нет, Максимильтен. Приводи какие угодно доводы, я сказал: «нет». Завтра мы с тобой разъезжаемся каждый своей дорогой, как и планировали, и более не беспокой меня с этим.

— Но, король...

— Вот именно! — рывкнул Иерам, врезав по столу так, что грохнула посуда. — Я король! Пока еще я, а не ты! И мое решение пока еще закон! И ты, верный слуга мой канцлер, не смеешь его оспаривать! А теперь пошел вон.

Максимильен де Лантор мгновение смотрел на короля все тем же спокойным взглядом. Поклонился и вышел.

;

## Глава 15

Констанс страдала. Страдала мучительно, нестерпимо, терла и виски и кружила по комнате, словно запертый в клетке зверь. Констанс было нечего делать.

Исиф Шаома, да не отсохнет его благочестивый язык от постоянных нравоучений, став первым советником Императрицы, привнес в ее жизнь много новшеств: цидамирские традиции, регулярное питание, сон больше трех часов и прочие бесполезные в правлении вещи. Было и еще одно новшество, главное, доселе Императрице неведомое. Оно называлось «выходной».

Вам нужно отдыхать, говорил Шаома. Вы себя загубите, говорил Шаома, однажды свалитесь посреди дворца, и никому не будет от этого никакой пользы. Вам нужно хоть иногда посвящать время себе. Запереться ото всех, принять ванну, почитать книгу. Книга закончилась, ванна давно остыла, Констанс плюхнулась на кровать и закинула ноги на спинку. Со стола призывно подмигивала стопка неразобранных доносов и очередная порция трактатов по демонологии. Она обещала Шаома не заниматься делами, она и не будет. Предастся праздности и раздумьям о вечном.

В дверь робко постучали. Похоже, дела занялись ей сами. А раз так, выходной отменяется!

Констанс вскочила с кровати и почти бегом пронеслась к двери. На пороге мялся Норман, явно испуганный собственной дерзостью.

— Ваша Светлость, вы приказывали вас не беспокоить, но...

— Беспокой, — разрешила Лофт. — Меня все равно вечно что-то беспокоит, такова уж доля Императрицы. Надеюсь, ты не очередным стишком пришел поделиться?

— Ваша Светлость, к вам проситель. Утренний придурок, как вы их называете.

Шамор, только не это. Очередную битву между крестьянами за доски от останков деревенского сортира она не выдержит, лучше уж выходной.

— Утренний придурок перепутал утро с днем, пусть приходит послезавтра. Сегодня я не принимаю.

— Он не хочет уходить, Ваша Светлость. Валяется у ворот и воет. Мы могли бы вышвырнуть, но вы такое не любите.

Конечно, не любит. Один вышвырнутый потом визжит в трактирах о жестокости новой власти, как все десять, а то и одиннадцать. А новая власть вовсе не жестока. Она милосердна, благостна и демократична. Иногда, по крайней мере.

— Ладно, я к нему выйду. В крайнем случае, вышвырну сама. Быть вышвырнутым Императрицей — это честь!

Паренек и правда был. Размазывал по лицу слезы, грязь и сопли и скулил что-то бессвязное. Констанс нехотя наклонилась к нему. Рыдающий крестьянин, какая гадость.

— Что случилось?

Утренний, а, точнее, полуденный придурок не отреагировал. Не бухнулся на колени с благоговением, не прошипел проклятие, не выдавил подобострастную улыбку, тщетно пытаясь скрыть в глазах ненависть. На присутствие Императрицы ему было абсолютно плевать.

Так завывать он может еще долго. Констанс произнесла заклинание, и просителя окатил

поток ледяной воды. Не давать же ему пощечину, пачкать руки об эту сопливаю рожу.

Придурок сел и посмотрел на нее. Слава Свету, осмысленно. И тут же скривил плаксивую гримасу, явно собираясь заскулить снова.

— В чем дело? Говори, или я прикажу тебя выпороть, — рявкнула Констанс.

Паренек нахмурился и вдруг бухнулся на колени. Похоже, до страдальца только сейчас дошло, с кем он разговаривает.

— Ваша Светлость. Милости прошу, Ваша Светлость!

— Я не оказываю милости тем, кто валяется на земле. Встань и говори, наконец, связно. Шамор тебя побери.

— Убили. Жену мою убили, Ваша Светлость. Убили и... — проситель шмыгнул носом. — И снасильничали. Вчетвером.

Констанс закатила глаза и выругалась сквозь зубы. Только этого ей не хватало. Великая армия, постепенно превращающаяся в банду насильников и мародеров, как обычно и бывает со всеми великими армиями. Тут не закроешь глаза, как на воровство из казны или что-нибудь столь же безобидное. Придется делать то, что она не любит — кого-то казнить. Воистину, это даже хуже, чем выходной.

\*\*\*

Труп был обезображен. Лежал на земле на окраине города, там, где город практически превращается в село. Содранные ногти, которые еще недавно беспомощно скребли по земле, превращенное в сплошной синяк лицо, кровоподтеки на теле. Задранную юбку стыдливо опустили, сквозь разорванную рубашку виднелась небольшая грудь и покрытый синяками живот. Бедняга сопротивлялась, и сопротивлялась отчаянно. Но это ей не помогло.

Девушка была молодой. Молодой, полной надежд, возможно, счастливой и кем-то любимой. Прожила бы долгие годы, вышла бы замуж, родила детей. Если бы на нее не наткнулись пьяные солдаты Империи. Ее Империи.

Констанс должно было быть стыдно. Стыдно, больно и жаль. Вместо этого она чувствовала усталость и раздражение. Ну почему ничего не идет нормально, ничего никогда не идет нормально, почему это случается в каждом городе? В каждой стране, что они захватывают, на каждом марше, в каждой воинской части неизменно находятся отбросы, насилующие женщин и разбивающие детям головы о стены. Несмотря на кару, которая их ждет, несмотря на строгие законы Иссиана, несмотря на страх перед Императрицей. Зная, что виновным почти никогда не удастся уйти от наказания. Почему в собственной армии на собственной войне она не может навести порядок?

Эти виновные от наказания тоже не ушли, они даже не пытались. Четверка насильников нашлась в полумиле к северу, сладко спящая под кустом. Нашлась лично Констанс и Даа-Марисом с Азу-Кааном, хоть Императрице и не пристало заниматься подобной ерундой. Запахом перегара, исходящим от них, можно было отравить небольшую деревню.

Три здоровых красноносых мужика и один юнец, только недавно начавший бриться. Стремительно трезвеющие, начинающие понимать, что их ждет, умоляющие о пощаде. Которой, разумеется, не будет. Мальчишка смутно кого-то напоминал.

— Бросьте этих в подземелье, вечером торжественно казним. В назидание остальным.

Мальчишка заскулил:

— Я не виноват! Клянусь! Я ничего не делал. Ничего не делал, только держал ее!

Констанс потерла виски руками, пытаясь пересилить усталость и отвращение. А выходной начинался так хорошо. На кого же он все-таки похож?

— Пощадите!

— Действуй, Даа-Марис. Этому городу не помешает пара казненных во имя справедливости.

Констанс открыла портал, шагнула в свой кабинет и выругалась сквозь зубы. Она вспомнила, на кого похож мальчишка.

\*\*\*

— Я знала, что ты придешь.

Барон сидел напротив нее. Друг и соратник, бывший разбойник с большой дороги, пожалованный титулом, один из первых, вставших под ее знамя. Что ж, сегодня он в этом раскается.

— Ты ведь не казнишь Фуйза?

Констанс вздохнула. Поставила подбородок на сцепленные пальцы, посмотрела снизу вверх. Дурацкая привычка.

— А как ты думаешь?

— Я думаю, что он мой сын. Сын того, кому ты многим обязана. Перед кем ты в неоплатном долгу. Убивая его, ты убиваешь и меня. Ты не можешь так поступить, Констанс.

— У меня нет выбора.

— Ты же знаешь, что есть. Объявишь, что он сбежал или повесился в тюрьме, а сама отправишь в изгнание. Я не прошу тебя обелять его, но сохрани ему жизнь. Тебе это ничего не стоит.

Ничего не стоит. Императрица прикрыла глаза руками. Сожженные хаты, развороченная земля, тело ее матери, полыхающее на костре. Крики и вой, отчаянный плач Альберта. Толпа разъяренных мужчин, навалившаяся на маленькую девочку, разрывающая рубашку, опрокидывающая наземь. Она не человек, не ребенок, она колдовское отродье, монстр, а значит, все можно. Можно изнасиловать ее всем скопом и оставить истекать кровью на земле, а потом похвалиться этим в тавернах. Смерть чернокнижникам, чернокнижникам и семени их.

К счастью, они ее не изнасиловали. Они умерли, свалились замертво, все разом. Неподвижно лежали на земле, а колдовское отродье потрясенно смотрело на свои руки, не понимая, как она это сделала. Она ли это сделала. Так начался путь Повелительницы Магии, могущественной чародейки, убивающей, словно ей это ничего не стоит.

Констанс помнила и еще одно. Не все в толпе волокли ее мать на костер, не все задирали ей юбку. Некоторые просто стояли и смотрели, не решаясь ничего сделать. Но и не помогая. Двое из них после выброса магической энергии умерли не сразу.

Она их добила.

Императрица покачала головой.

— Нет, Дариан. Это стоит мне многого. Твой сын чудовище, что бы ты себе ни думал, и как чудовище он умрет. Мне жаль.

Дариан вскочил.

— Чудовище?! Из-за одной ошибки, из-за юношеской глупости он чудовище?! Ты чудовище, Тафирская Ведьма, ты по горло в чужой крови! Помнишь, что ты творила, когда мы захватывали Ка-Бодар?! Ты погубила людей больше, чем есть в этом городе! И ты смеешь читать мне мораль? Неужели ты думаешь, что именно Фуйз все устроил?! Что он был инициатором, что он схватил девицу?! Его заставили, потащили за собой, ее все равно бы убили, с ним или без него!

Констанс посмотрела на барона. Снизу-вверх, холодным равнодушным взглядом.

— Но ее убили с ним, Дариан. Убили и изнасиловали. Да, я чудовище. Но даже такое чудовище, как я, творит ужасы на благо Империи. Не из праздной жестокости, не ради похоти. И благо Империи состоит в том, что такие, как твой сын, должны быть казнены по законам Иссиана.

Дариан обессиленно опустился в кресло.

— Ты забыла, как я выхаживал тебя? Как был с тобой с самого начала? Как принял тебя под крыло, когда ты была всего лишь перепуганной девчонкой? Опомнись, Констанс. Многие диктаторы рано или поздно начинали уничтожать своих же сторонников. Ни одного это не довело до добра.

— Я помню, — медленно произнесла Констанс. — Я все помню. Но это ничего не меняет. Твой сын опозорил знамя Иссиана. Мы не насильники, не мясники, не мародеры. Я прощаю тех, кто ворует из моей казны, если они полезны, но этого не прощу. В конце концов, я сама женщина.

Дариан долго смотрел на нее. Повернулся и вышел, не говоря ни слова.

\*\*\*

Казнь была вечером. На главной площади, перед толпой народа, как и положено хорошей казни. Файзине не помешает увидеть, что новая власть заботится о народе и готова жестоко карать своих, если они вдруг на этот народ покушаются. Можно сказать, казнь сейчас очень кстати. Если бы для нее не было повода, его стоило бы придумать.

Императрица стояла прямо, скрестив руки на груди. Вглядываясь в лица новоиспеченных подданных из-под полуприкрытых век. Большинство здесь смотрит на нее, а не на эшафот. Впрочем, для иссисанской казни и эшафот не нужен, лишь наскоро огороженный квадрат земли. Топчутся, перешептываются: не каждый день доводится узреть Темную Императрицу. Великую завоевательницу, борца за изменение мира, могущественную колдунью, овеванную сонмом легенд и ужасающих слухов. Знали бы они, что большую часть времени она борется с головной болью и собственным братом.

Четверку приговоренных вытолкали вперед. Констанс скосила на них глаза: мальчишка шмыгал носом, остальные трое шли спокойно, как големы. Понимали, что спасения в любом случае не будет, сколько ни умоляй.

Самое время толкнуть речь. Пафосную и душеспасительную, о справедливости Империи, ее неустанном рдении за благополучие новых подданных и все такое. Вступайте в наши ряды, открывайте ворота перед Иссисаном, просвещенным из просвещенных, несущим прогресс и справедливый миропорядок. А, если просвещенные и прогрессивные солдаты начнут убивать ваших женщин, что ж, сможете после кинуть в них камень на главной площади.

— Эти люди нарушили законы Иссиана, — начала Констанс. — Опорочили свой народ, опорочили Империю, запятнали Алое знамя. Подняли руку тех, кого должны были защищать. Да будут они казнены по-иссиански.

Земля под ногами приговоренных обратилась в топь. Медленно, с хлопаньем, начали уходить под землю сапоги. Насильники дернулись, но магические узы держали крепко. На лицах солдат отразился ужас. Дикий, животный. Ужас и мольба. Констанс посмотрела сыну старого друга в глаза. Посмотрела в глаза каждому. Нельзя отводить взгляд от того, кого убиваешь. Императрица милосердна, но лишь к тем, кто этого заслуживает.

Приговоренные ушли в землю по пояс. Казнь и вправду была иссианской. Древний и

жестокий обычай закапывать приговоренных по горло в землю. С магами земли необходимость что-либо копать отпала. У традиционной казни было интересное продолжение: несчастных оставляли закопанными в землю, предоставляя любому издеваться над ними по мере фантазии. Фантазия иногда оказывалась необычайно богатой. Этот пункт Констанс убрала. Не нужно превращать свой народ в чудовищ, их и так достаточно лезет с Той стороны.

Констанс выхватила в толпе глаза Дариана. Полные такой боли и ненависти, что хватило бы на всю площадь вместе взятую. Бывший соратник открыл рот, Императрица чуть заметно покачала головой. Я и так знаю, что ты хочешь мне сказать. Хоть ты теперь и навечно стал моим врагом, я не хочу тебя убивать. Но придется, если ты начнешь поносить меня прилюдно. У меня просто не будет выбора.

Барон с видимым усилием захлопнул рот и отвернулся от нее. Будет пытаться убить, если его быстро не убрать. Впрочем, все равно не сможет.

Насильники уже ушли в землю по шею, теперь рыдали и умоляли все четверо. Свет, да когда же закончится этот вой, умрут они в конец концов или нет?!

Констанс сделала знак палачу, и головы с хлопаньем исчезли. Да здравствует императорское милосердие.

— Будь ты проклята, Констанс! Будь ты проклята!

Дариан все-таки не выдержал. Отчаянный, переломанный крик взметнулся над площадью. Зря. Зачем, ну зачем ты добавляешь мне проблем? Как будто мне не хватило на сегодня тяжелых решений.

Палач вопросительно взглянул на Констанс. И этого тоже?

Боль когтистой лапой пощупала виски. Опять мигрень, этого еще не хватало. Какой отвратительный, отвратительный, отвратительный день.

— Закуйте его в кандалы, — приказала Констанс. — Завтра разберемся.

Что-то врезалось в нее, отскочило от невидимой преграды и со стуком упало у ног. Констанс подняла бровь. Арбалетный болт. Кем надо быть, чтобы пытаться убить величайшую колдунью в мире из обычного самострела?

Стрелка уже вытаскивали из какого-то дома. Прекрасная у нее стража, проворонили засевшего в окне идиота. Впрочем, их можно извинить: магическое оружие кадоби чуяли безошибочно, а никакое иное Императрице было не опасно. Удивительно, на что рассчитывал стрелок?

Неудавшегося убийцу под изумленные крики толпы бросили под ноги Констанс. Наверняка в глазах народа сегодняшней день станет днем страшного покушения, чудом не унесшего жизнь великой Императрицы. Не унесшего к счастью или к горю, смотря для кого. Пусть судачат, таких болтов в нее уже летали сотни.

Арбалетчик оказался совсем молодым. Мальчишка потерянно моргал и отчаянно напоминал избранного демонами диверсанта. Очевидно, не мог поверить, что коварное покушение не удалось. Пытаться убить ее из самострела, подумать только. Неужели сложно было догадаться, сколько охранных амулетов носит при себе Императрица Иссиана? Дурачка надо отпустить, отпустить домой к родителям, чтобы те как следует всыпали ему по юной розой заднице. А там он либо поумнеет, либо снова попытается по-идиотски убить какого-нибудь колдуна, и на этот раз его не простят.

Парнишку следовало отпустить. Констанс бы так и сделала, покусись тот на нее на безлюдной улице темной ночью. Но бедняга стрелял в Императрицу на глазах у всего города.

Это карается смертью.

Констанс кивнула палачу.

— Повесьте этого. В конце концов, не зря же у нас тут торчит виселица.

Палач кивнул и потащил арбалетчика на эшафот.

Мальчишка изо всех сил пытался выглядеть невозмутимо, но у самого эшафота вдруг заплакал. Совсем по-детски, закрыв лицо руками и размазывая слезы по щекам. Констанс не поморщилась. Сегодня он не придет домой, вечером его родители забеспокоятся, пойдут в город, чтобы узнать, что их бедный сын погиб, как герой. В одиночку попытался расправиться с Императрицей-ведьмой и был схвачен ее прихвостнями и зверски убит. А может, к ним с площади уже несется сосед с печальной вестью, через полчаса они уже будут тут, чтобы вымолить, отбить, защитить, обменять на себя, но не успеют. Увидят только качающееся и тело и, возможно, Императрицу. Монстра, погубившего их единственного сына. Посмотрят в черные глаза, но ничего там не найдут. Ни жалости, ни сожаления, ни раскаяния. Она слишком многих уже погубила на этой войне, чтобы жалеть еще одного. Слишком многих.

— Да свершится справедливость!

Констанс отвернулась и закрыла глаза, массируя виски. Палач пинком выбил из-под арбалетчика тумбу, тело закачалось в петле. Вот и все, последняя казнь на сегодня, последний корм для ворон, последнее развлечение для народа. Нет ничего хуже, чем вершить справедливость в этом до отвращения несправедливом мире.

\*\*\*

Стукнула дверь, Императрица не обернулась. Не надо быть вещуньей, чтобы понять, кто к ней пришел.

— Это ты, моя совесть? — уныло спросила Констанс.

Шаоме молча уселся напротив нее. На лице его застыла смесь скорби, сочувствия и беспомощности. Это выражение всегда появлялось, когда на глазах доктора вершилась какая-нибудь неизбежная гадость.

За доктором, к удивлению Констанс, звеня золотыми цепями, вкатился барон Тарби. Этот-то что тут забыл? Приторная улыбка растеклась по губам купца.

— Как ваше самочувствие, Ваша Светлость?

Светлость помассировала виски руками.

— Бывало и лучше. Надеюсь, Файзина уже славит мою принципиальность и беспощадность к обидчикам простого народа?

Слова прозвучали с большим сарказмом, чем планировалось. Тарби, предпочтя не заметить иронии, подобострастно кивнул головой, Шаоме не ответил.

— Что вам надо, барон? Вы-то, без сомнения, не моя совесть.

Не совесть, а кошелек, и, будь барон посмелее, так бы и ответил. Но смелость, по крайней мере, перед лицом Императрицы, в число его достоинств не входила.

— Лишь беспокойство о вас, Ваша Светлость. Понимаю, вы заняты делами куда более важными, но все же я не могу не указать вам на очевидное: вас оскорбили. Оскорбили прилюдно, на главной площади Файзины, и это слышала куча народу. Люди ждут справедливой кары для преступника.

— Справедливая кара — это смерть? Его преступление не столь велико, Тарби, слова — это всего лишь слова.

— Казнят и за меньшее. Это не просто слова, Ваша Светлость, это оскорбление Алогс

знамени, оскорбление короны. Императрица Иссианская не может спускать подобное с рук.

— Императрица Иссианская, — рассеянно произнесла Констанс, — может все.

— Но только не ронять себя в глазах народа и не позволять безнаказанно себя порочить.

К тому же, Дариан стал опасен. Он будет пытаться вам отомстить.

— Пусть пытается, — разрешила Констанс. — Из тех, кто пытался меня убить, можно собрать еще одну Файизину.

Барон горестно покачал головой.

— Разумно ли это? Держать при себе врага.

— Я не собираюсь держать его при себе, сошлю куда-нибудь на край света.

— Ненависти расстояние не помеха, Ваша Светлость, а яды и отравленные письма путешествуют далеко.

Констанс откинулась в кресле, прикрыв глаза.

Мерзкий разговор, мерзкое дело, которое она предпочла бы обдумать сама. Или, в крайнем случае, с Шаоми наедине, но уж точно не в присутствии барона. Что ему надо?

— Его сын мертв, — наконец-то вклинился Шаоми. — Пусть он был казнен согласно закону, поймите несчастного отца. Эта кровь запятнает ваши руки.

Мои руки запятнаны настолько, дорогой Шаоми, что вряд ли их можно испачкать еще больше. Но ты прав. С идеалистической стороны дела. А с практической?

Практическая сторона дела в лице униженного перстнями барона вела себя практично.

— Этот человек — угроза для вас, Ваша Светлость. То, что является угрозой для вас, является угрозой и для Империи. А для всех нас интересы Империи должны стоять превыше всего, даже если ради их соблюдения приходится пачкать руки.

Ага, а еще твои интересы, поскольку Дариан — твой прямой конкурент в торговле. Но это, разумеется, к делу не относится, ты всего лишь радеешь за мое благополучие.

Но ты прав. На пороге большой войны нужно быть практичными, увы.

— Угроза, — согласилась Констанс.

Шаоми горестно покачал головой.

— Это будет ошибкой, Ваша Светлость.

Прямо как в сказке про Рона-дурачка, которому в одно ухо тебе шептал Князь Тьмы, а в другое — ангел Светлых Чертогов. Вот они, сидят, толстый Шамор и смуглый морщинистый ангел. Очень жизненная сказка выходит, с тем лишь отличием, что Рон-дурачок послушал ангела и жил долго и счастливо, а в жизни, как правило, оба варианта плохи.

— Это будет дальновидно.

— Так вы убьете его?

Вопрос упал и покатился по комнате. Простой, будничныи, печальный. Ты повела этого человека за собой, он сражался за тебя, называл тебя другом, ты казнила его сына, хотя тебя умоляли о милости, теперь ты его убьешь?

Констанс не открывала глаз. Она и так знала, что узкие темные глаза неотрывно смотрят на нее, смотрят грустно и укоризненно. Вот уж правда, ее совесть.

— Убить его будет благоразумно.

Доктор не ответил. Императрица глубоко вздохнула.

— Ладно, твоя взяла. К Шамору благоразумие. Лимит убийств на сегодня исчерпан. Отправлю его в изгнание в самую захудалую провинцию, пусть ненавидит меня оттуда, страшный преступник.

— Ваша Светлость, — круглое лицо Тарби наклонилось к ней, — вы принимаете



неправильное решение. Вам нужно продемонстрировать силу и беспощадность к врагам, и барон — отличный повод для этого. То, что я скажу сейчас, вы можете считать государственной изменой, и я смиренно прошу простить меня, но в некоторых кругах ваши последние решения вызывают недовольство.

Констанс подняла бровь.

— Да неужели?

— Поверьте, мне неприятно это говорить, но поговаривают, что в последние годы вы размякли, Ваша Светлость. О нет, разумеется, большинство подданных верны вам, но по дворцу ползут шепотки. Семь лет назад вы явились в Иссиан с огнем и мечом, вы разбили ошейники на шеях своих братьев, усмирили церковь, привели Империю к величию. Мир трепетал при звуке вашего имени, вы не ведали страха и были беспощадны к врагам. Каждый, кто осмеливался встать на пути Алого знамени, платил за это собственной кровью. Вашим именем наши враги пугали детей.

— О да, я помню, — поморщилась Констанс. — От меня даже Аскольд сбежал, этот оплот доброты и милосердия. Так что же, держава негодует, что мы больше не проливаем реки крови?

Тарби смиренно поклонился.

— Боюсь, это так, Ваша Светлость. Вы взяли эту страну-карлика без боя, как и многие до нее, и правите этими людьми, словно забыв, что творили с колдунами эти варвары до вашего прихода. Вы лучше меня знаете, сколько костров полыхало в Файизине, в Кории, в Амаре. И этим людям вы протягиваете руку, словно любимым подданным. Они выродки, Ваша Светлость, они недостойны вашего милосердия. Так же, как и танаирцы за рекой. Вы не слышали, что говорили солдаты, узнав, что вы предложили Иераму переговоры, но я слышал. Армия устала ждать, она рвется в бой, хочет строить новый мир, ваш мир. Солдаты скучают, потому и насилуют. Они хотят убивать, а не договариваться. И готовы пойти за тем, кто поведет их в бой.

— К чему ты клонишь, Тарби?

Барон глубоко вздохнул.

— Еще раз прошу простить меня, Ваша Светлость. Вы имеете полное право приказать отрезать мне язык, но все, что я говорю, я говорю из заботы о вас. Некоторые, меньшинство, разумеется, хотели бы видеть на троне принца Альберта.

Констанс расхохоталась.

— Альберта?! Да скорее мой летописец станет Императором. Будем честны друг с другом. Я люблю Альберта всей душой, но единственный талант и единственное достижение моего брата в том, что он мой брат. Он посредственность, Тарби, понятия не имеющая, как вести войну и управлять государством.

Тарби клонил голову.

— Разумеется, Ваша Светлость, но глупцы видят другое. Мужчину императорской крови, не знающего жалости к врагам и готового хоть сейчас вести их на войну. Войну, с которой медлите вы. Продемонстрируйте им, что вы все та же Тафирская Ведьма, которой были когда-то, что вы правите Империей железной рукой и никто не сможет укрыться от вашего гнева.

Констанс потянулась.

— Я правлю Империей железной рукой, дорогой мой барон. И потому никакая сила в мире не способна повлиять на мои решения, а уж тем более мнение глупцов.

— Но Иссиан...

— Иссиан — это я! — рявкнула Лофт. — Я и только я, и ни у кого в Империи не достанет ни могущества, ни мозгов оспаривать мою власть, а уж тем более у моего брата! А потому Дариан отправится в изгнание, ибо я так решила, а те, в ком сие решение вызовет недовольство, могут выстроиться в очередь и высказать мне его лично. Вам ясно, барон?

Тарби поклонился.

— Да, Ваша Светлость. Но вы совершаете ошибку.

;

Глава 16

— Не доказано, — спорил я.

— Доказано.

— Не доказано!

— Свет, Эмиль, все знают, что есть край земли и с этого края течет водопад. Это в школах проходят.

— То, что колдуны у детей кровь пьют, тоже в школах проходят! Если есть край, так почему ж никто там никогда не был?

— Может, кто-то и был, но не вернулся. Или край этот слишком далеко. Ну сам подумай, должен быть край, земля-то плоская.

— Может, и не плоская.

Сидори фыркнула.

— Эмиль, ты не перестаешь меня поражать. Края нет, земля у него не плоская. А какая же она тогда?

Я задумался.

— Такая, у которой нет края. А нет края... У круга! Эврика! У круга нет края, земля круглая, круглая, Сидори!!!

Теперь девушка откровенно хохотала.

— Круглая!? Свет, земля у него круглая. Может, еще и квадратная? И почему ж тогда с этого круга ничего не сваливается?

Я нахмурил брови.

— Не знаю. Благодаря силе, нам пока неизвестной. Когда-нибудь какой-нибудь ученый ее откроет и придумает название. — Я сорвал ветку с всюду цветущего куста грави, который мы проезжали, и вручил Сидори. — Гравитация, например, в честь этих прекрасных цветов!

— Неизвестная сила — это та, что заставляет меня слушать подобную чушь, — отрезала Сидори. — Предупреждаю, если завтра ты начнешь говорить, что звезды не приколоты к небу, ночевать будем порознь.

Нагруженные подарками колдунов, мы двигались вперед.

— Поедем напрямик.

— Напрямик — это вон туда? — я указал в сторону красивой ровной большой дороги, залитой солнышком.

— Нет, напрямик — это вон туда.

— У тебя плохое «вон туда», — отрезал я, взглядываясь в мрачный лес. — В такое «вон туда» я не поеду, и не проси.

— А я и не прошу. Нам нужно попасть в Адланис через неделю, и мы туда попадем.

— Слушай, Сидори, — я спешился. — Давай присядем. Поговорим. Знаю, нас отправили на границу с какой-то непонятной неадекватной миссией. Знаю, ты, похоже,

искренне придана Иераму, что странно. Но посмотри на вещи реально. Мы устали, мы сбились с дороги, пару раз чуть не погибли, а ты предлагаешь тащиться в какой-то явно опасный лес. Из которого, бьюсь об заклад, не так-то просто будет вытащиться обратно. Страшный Темный Лес это что, еще один обязательный пункт на пути к спасению мира, как и деревня? Шамор, да ты посмотри на него, тут же хоть табличку вешай: «Не входить»! Мы не доедем до Адланиса, Сидори. А, даже если и доедем, окажемся там никому не нужны. Я не герой этих ваших пророчеств, вы все ошиблись. Как я должен остановить великую Империю? У короля хоть план есть?

— Есть.

— Посвяти меня в него.

— Приедем и посвящу.

— Сидори, мы не приедем. Послушай, — я взял девушку за руку. — Давай бросим все это. Повернем коней и поедem прочь. Поедем прочь, вместе. Затаимся где-нибудь. Подождем развития событий. Если армия пересечет Рааду, тебе же будет лучше, собратья тебя не тронут. Если нет, я тебя защищу. Наплюй ты на короля.

— Нет, Эмиль. Мы едем в Адланис.

— Ладно, — я глубоко вздохнул. — Хорошо. Езжай, куда хочешь. А я сейчас разворачиваюсь и уезжаю.

— Не уезжаешь. Если надо, я тебя вырублю.

— А потом что? Потацишь на себе? Сил не хватит.

— Ладно, не поташу. Ну и куда ты пойдешь?

— Да куда угодно. Вперед к спокойной жизни.

— Эмиль, ты вляпываешься в неприятности в каждом населенном пункте, который мы проезжаем. Даже в Домре, где одни старухи, ты умудрился у бабки украсть веретено, и нас выгнали с позором. Веретено! Веретено тебе зачем?

— Понравилось, — буркнул я.

— Ты большой ребенок, Эмиль. Большой ребенок, которого занесло Шамор знает куда. Это не Аранди, на дороге ты не выживешь один и дня. Тебя либо убьют за красивый камзол, либо узнают, либо и вовсе что-нибудь сожрет.

— В лесу я выживу еще меньше.

— В лесу тебя буду защищать я.

— Почему ты так фанатично меня туда тащишь, Сидори?

— Не твое дело.

— Ладно. — Я устало опустился на землю. — Ладно-ладно-ладно-ладно. Ты права, без тебя мне никак. Давай хотя бы отдохнем на дорожку. И поедем. И... — мои пальцы потянулись к ее бедру, Сидори хлопнула меня по руке.

— Я не собираюсь с тобой валяться по земле. Двадцать минут на обед и вперед. Мы заняты делом.

— Делом, так делом, — покорно повторил я. — Делом спасения мира и осмотра местных лесов. Знаешь, время, проведенное в Сиде Корале, я все чаще вспоминаю с нежностью.

Так мы и двинулись туда, куда я никогда в жизни не полез бы сам. Через Ничей лес.

— Что значит Ничей? — удивился я. — В Танаире все леса королевские.

— Его обитатели так не считают.

— Клитотании на них нет. Великой науки о праве собственности. То есть, ты тащишь

меня в чашу, оккупированную бандитами? Или кем она там оккупирована?

— Монстрами, Эмиль. Тварями, появившимися здесь после Первой Магической Войны.

Я закатил глаза и выразительно посмотрел на Сидори. Так выразительно, как только мог.

— Монстрами. Кровожадными монстрами колдовского происхождения. И ты решила, что поехать прямо сюда — отличная идея. Я ничего не путаю?

— Я решила, что это единственный путь. Лес тянется на много миль, если мы примемся его объезжать, потеряем несколько дней. Помолчи, а то свяжу и оставлю здесь у дерева.

Больше я вопросов не задавал.

Ничей лес быстро стал еще и непригодным для проезда, так что коней пришлось отпустить.

— Гениально, Сидори. До Адланиса топаем пешком?

— Успокойся, купим новых, у нас куча денег.

Поначалу лес казался не таким уж страшным. Первые пятнадцать минут. Я даже по привычке начал болтать, не обращая внимания на шиканье Сидори. Потом под ноги, практически на нас, грохнулся труп. С неба, непонятно откуда. Похожий на человеческий и одновременно непохожий. Я заткнулся и побледнел. Дальше шли молча.

Удивительнее всего то, что мы выжили и нас даже почти не пытались серьезно сожрать. Хотя видели мы много всего.

Видели опушку, заполненную темными коренастыми силуэтами, в полтора раза больше человека. Неведомые твари собрались в круг и, кажется, танцевали, подпрыгивая и ухая. Хоть шум от безумной пляски стоял такой, что можно было смело распевать похабные песни, а заметить нас за густой листвой было невозможно, мы замерли и стояли, не шевелясь, почти час, пока шабаш не разошелся. Точнее, просто не исчез, растворившись в воздухе.

Видели оленя, вылетевшего из чащи, грациозно перемахнувшего через поваленное дерево и вдруг пропавшего без следа. Я вцепился в руку Сидори. Она в мою.

Видели, как ползло что-то невидимое. Расходились в стороны кусты, в панике разбегались звери, а трава приминалась под телом незримой твари. Синица вспорхнула с ветки, ринулась прочь и вдруг упала на землю кровавым ошметком. Голова и большая часть ее тела исчезли.

Видели рощу деревьев, облепленных странными белыми грибами. При ближайшем рассмотрении грибы оказались не грибами. Человеческими ушами. Образующими причудливый, наводящий жуть, но, без сомнения, осмысленный узор. Похожий на алфавит. Словно жители леса пытались оставить письмо.

Расшифровывать не стали. Пробежали, не останавливаясь.

И чуть не врезались в человека. В деда, точнее.

Дед сидел под дубом и был благообразен настолько, что лик Светозарного в задуманном папочкой для поднятия морального духа державы новом храме можно было рисовать прямо с этой рожи. Рожа обернулась к нам, продемонстрировав в улыбке остатки гнилых зубов.

— Светлого дня вам, путники, — прошамкал дед.

Я что-то пробормотал в ответ. Светлый день стремительно обращался в ночь, которую хотелось провести в безопасном месте и подальше от всего живого. Даже если это живое выглядит нарочито безобидно.

Сидори удивленно остановилась рядом со мной. Подходить к деду мы не спешили.

— Не отведаете ли, — дружелюбно предложил дедок, протягивая нам горсть ягод. Мы с Сидори переглянулись.

— Благодарю, мы не голодны, — вежливо ответила девушка.

— Да что ж вы, отведайте. Не чините обиду старому человеку, — старичок продолжал улыбаться. Гнилые зубы вдруг показались мне подозрительно острыми.

— Мы только что отужинали, добрый человек, — ответил я, тихонько обходя деда по кругу. На мгновение показалось, что ветви дуба потянулись ко мне, а, может, их просто колыхал ветер.

— Так и от второго ужина вреда не будет, — настаивал дед, и глаза его заблестели как-то недобро. Я что-то пробормотал в ответ и, убедившись, что мы отошли достаточно далеко, дунул со всех ног, подхватив под руку Сидори. На этот раз мне не показалось: ветви дерева действительно потянулись к нам, а сзади раздалось разъяренное шипение. Оборачиваться не стали.

На второй день пути мы попали на болота.

— Мы же. Не будем. Идти. Через это? — раздельно проговорил я, кивая на булькающую вонючую топь. — Мы же. Это. Обойдем?

— Обойдем, — кивнула Сидори, явив чудо благоразумия.

Неширокая топь была неопишимо отвратительной. Прямо-таки вопиющей о затаившихся в глубине голодных безглазых безносых тварях, мечтающих закусить несчастным Эмилем. И, что странно, над ней совсем не было комаров. Комаров, мошек, слепней, вообще никого не было. Почему-то этот факт напугал меня до дрожи в ногах.

— Пойдем отсюда... Смотри!

В болоте тонул человек. Отчаянно барахтался, загребал руками вонючую жижу в поисках опоры и уходил всю глубже. Лица я не видел, но длинные волосы выдавали в несчастном женщину.

Мы переглянулись. Секунду назад его здесь не было.

— Эй! — негромко позвал я. — Ты нас слышишь?

Никакой реакции. Мы осторожно сдвинулись на несколько шагов, Сидори вскрикнула и дернулась вперед, я ее удержал.

— Рабан! Пусти меня!

Я обхватил вырывающуюся девушку обеими руками и потащил назад.

— Собралась утопиться? Какой еще Рабан?

— Нам надо его вытащить! Рабан! Пусти, пусти!

— Кого его? Не его, а ее, и у меня большие сомнения, стоит ли это делать. И вообще, нет там никого, Сидори! Ты видишь мужчину, я женщину, а мы тащимся по местам, которые просто искрят от магии. Это морок. Хочет, чтоб мы прыгнули туда и утонули.

Сидори посмотрела на меня, словно очнувшись.

— Так ты не видишь его?

— Кого?

— Моего мужа.

— Твоего мужа убили на твоих же глазах, ты сама говорила.

— Да, — Сидори с трудом отвела взгляд от уходящей все глубже в пучину фигуры. — Да. Морок. Я про такие читала. Дух, заманивающий путников образом дорого человека. А кого видишь ты? Ты так спокоен. Никто на свете тебе не дорог?

— Я вижу тебя, — солгал я. — А ты здесь. Вот и весь секрет.

Но в болоте барахталась не Сидори. Не одна из мимолетных подружек, не мать, которой у меня никогда не было, не глупая детская влюбленность и даже не дочь князя Адирина, которую одно время настойчиво сватал мне папенька. В вонючую топь медленно погружалась Констанс Раизиан, которая дорога мне, без сомнения, не была. Но почему Сидори видит погибшего мужа, а я Лофт? Почему?

Булькнуло, и из пучины вырвалась гигантская уродливая рыбина. Вполне себе с глазами и с носом. Кладнула челюстями, сжимая их на Констанс-Рабане, и с плеском ушла под воду.

— Если это морок... — прошептала Сидори.

— Морок, — убежденно ответил я. — Увидел нас и полез в чужое болото, обезумев от жадности. И был наказан: одна тварь сожрала другую. У них, знаешь ли, тоже есть межвидовая конкуренция. Идем.

Привал устроили на опушке леса. Костер разжигать не решились, жались друг к другу, проклиная не по-весеннему промозглую ночь. Несколько раз среди деревьев что-то шуршало, мы замирали, но неведомая опасность, а, может, просто лесной зверь, проходила мимо.

Было страшно, пусто и холодно.

— Долго еще? — тихо спросил я. — До конца этой познавательной прогулки?

— Половину мы уже прошли.

— Ты так уверенно говоришь, словно бывала здесь раньше.

— Я видела карты. Читала книги. Топь прямо посередине, это сердце леса.

— Теперь ясно, почему все остальное настолько мерзкое. С таким-то сердцем.

Сидори куталась в плащ, пытаюсь согреть дыханием окоченевшие пальцы. Я обнял ее и притянул к себе.

— Ты чем-то расстроена, я вижу.

— Какая пронизательность, — съехидничала Сидори. — Действительно, как можно грустить в таком прекрасном месте.

— Дело в чем-то другом.

Громовержица помолчала.

— Просто вспомнила Рабана.

Я почувствовал укол ревности, острый и болезненный. Действительно, она ведь увидела мужа на болтах. Мужа, которого она, наверное, любила. Который был ей дорог, с которым она проводила долгие вечера и ночи вместе, которого выбрала из сотен других по велению сердца, а не просто потому, что волею судьбы они были вынуждены путешествовать вместе. Которого до сих пор помнит, а меня наверняка забудет через месяц, как сделал мой отец.

Я открыл было рот, не нашелся, что спросить, и закрыл его обратно. Ревновать к прошлому глупо, спрашивать, будет ли она так же рваться спасать меня, еще глупее. Сидори пошевелилась в моих объятиях.

— Давай спать, Эмиль. И вот еще что. Может, пророчество и правда не о тебе.

— Это почему же? — возмутился я. — То есть, я рад, что до тебя, наконец, дошло, но с чего такой вывод?

— Было еще кое-что. То, что мы с Шириам не смогли расшифровать и во что ты никак не вписываешься. Узник без отца и матери, что крадет без умысла и страдает без вины, живущий украденной жизнью. Мы об этом долго думали, но так и не поняли. Ты, насколько я знаю, жизни не крал, хоть и тащишь все подряд. Подо все остальное ты подходишь, но под это — нет. Хотя, может, это просто чушь. Искажение, помехи в пророчестве. Так бывает.

Я быстро отвернулся. Хорошо, Сидори на меня не смотрит. Я не живу украденной жизнью, не живу! Я был достоин. Я был лучше. Лучше!

— Конечно же, чушь. Сколько можно говорить, все чушь от начала до конца. Какое спасение мира, когда мы пытаемся утонуть в каждой выгребной яме. Действительно, давай спать.

\*\*\*

Я маленький. Я очень маленький, я сжимаюсь в комок, закрываю лицо руками, стараюсь раствориться, исчезнуть. Меня здесь нет, на самом деле я принц, великий герой, а эти ботинки, целящие в пах, кулаки, вцепившиеся в волосы, просто сон, морок.

Завтра меня изобьют снова. И снова, и снова, и снова, как десятки раз до этого. Каждую ночь. Все знают об этом. Все сидят это. И всем плевать. Я не останусь здесь. Я выберусь отсюда. Выберусь-выберусь-выберусь-выберусь.

А утром пришел большой человек. Пришел за мной, я знаю, я верю. Большой человек Максимильен де Лантор, о котором столько говорили милосердные сестры. Говорили шепотом. Забери меня отсюда. Забери-забери-забери.

Вот он подходит. Я тянусь изо всех сил, стараясь казаться выше, пытаюсь поймать взгляд. Но он не смотрит на меня. Он смотрит на Мура. Нет, нет, нет, нет. Нет, только не на этого урода! Урода, чьи пинки до сих пор чувствуют мои ребра. Возьми меня, меня! Забери меня отсюда! Ну посмотри, ведь я же умный, я лучше, лучше!

— Какой хороший мальчик, — тепло улыбается будущий канцлер. Тепло улыбается, и улыбку эту видят тысячи жителей Танаира через магокамень. Тепло улыбается, и сердца людей плаваются, а шансы на большое политическое будущее возрастают. Но я этого пока еще не понимаю. Я не понимаю и не знаю ничего, кроме боли.

Я выберусь отсюда. Выберусь-выберусь-выберусь. Любым способом. Любой ценой. Ты возьмешь меня. Ты поймешь, что я лучше, что я достоин. Я, я, я, я!

Я выбрался. Лежу на земле в Ничьем лесу, и прямо на лицо мне падает ветка.

— Ты какой-то разбитый, Эмиль, — заметила Сидори.

— Все нормально. Сон плохой приснился.

После болота стало легче. Танцующие твари больше не встречались, трупы не падали и даже небо, казалось, просветлело. И вот тут-то мы наконец и попытались по-настоящему погибнуть. Ну ладно, я попытался по-настоящему погибнуть.

— Да побери тебя Шамор! — злился я, вытаскивая из волос очередной репейник. — Не кусты, а наказание. Мы когда-нибудь вылезем из этой чащи?

Сидори молчала, сосредоточенно вынимая из руки колючки. Мы перлись по бурелому, который, по уверениям магички, составлял «всего-то десять метров». Десять метров растянулись уже на сорок.

— О, смотри, спуск. Надеюсь, там, внизу, что-то хорошеее, аааа!

Под ногу вдруг прыгнул корень дерева, и я кубарем покатился вниз, обдирая все, что можно было ободрать. К счастью, ускоренный спуск действительно привел меня к чему-то хорошему.

Я выкатился на опушку, такую милую и не заселенную репейником, что впору было прослезиться. Сел, постарался привести себя в порядок, наблюдая за осторожно спускающейся сверху Сидори.

— Предлагаю на этой поляне и заночевать, — возвестил я. — Мои моральные и физические силы сегодня на исходе.

— Я бы на твоём месте не вылезала на открытое пространство.

— Не паникуй. Мы прошли болота, прошли кусты, что с нами может случиться?

На опушке обильно цвели нарциссы. Я двинулся к ним.

— Сидори! — воскликнул я. — В честь успешного преодоления кустов я вручаю тебе этот цветок. А может быть, даже два! И вообще...

Я запнулся на полуслове. На краю так вдохновившей меня полянки росло дерево, и с этого дерева что-то свисало. Что-то, что сразу мне не понравилось.

Я осторожно подошел поближе. Сидори осталась стоять там, где стояла. На дереве болталась... рука?! Красная маленькая рука, похоже, детская. Болталась, попирая все законы логики и естественных наук: кровь, долженствующая течь, не текла, жилы и кости не торчали, рука будто бы выростала прямо из ветки. Мне стало дурно.

Что-то спикировало на меня с дерева. Я отшатнулся, и это спасло мне жизнь. Зубастая серая тварь с выпуклыми глазами сиганула сверху, зубы щелкнули в миллиметре от моего лица. Интересное у нее представления о прекрасном, если в качестве приманки для неудачливых путников она использует ВОТ ЭТО.

Я заорал и ринулся прочь. Древесный житель, брызгая слюной, запрыгал следом за мной. Тело у него было удивительно уродливым: непропорционально длинные руки, оканчивающиеся острыми когтями и долженствующие волочиться по земле при ходьбе, такие же длинные тонкие ноги. Но скакал он удивительно быстро. Я сиганул в чащу, которая минуту назад мне столь не нравилась, отчетливо понимая, что мне не жить. Лапа уroda полоснула меня по ноге, я зашипел от боли. Надеюсь, эта тварь хотя бы не ядовитая. Впрочем, не все ли равно, если через секунду я из живого и дышащего человека превращусь в гастрономическое удовольствие.

Прямо в лупоглазое лицо ударила молния. Монстр взвыл и круто развернулся к Сидори, вышедшей на край поляны. Чародейка все-таки решила меня спасти. Я обессиленно рухнул в траву. Сейчас моя прекрасная дама превратит его в угольки, куда уж монстру против магички.

К моему удивлению, хоть половина морды у него и дымилась, монстр не упал. Тварь заверещала, ловко увернулась от очередной молнии и прыгнула на Сидори. С такой скоростью, что нельзя было уследить глазами. Похоже, догоняя меня, она даже не старалась.

Сидори вскрикнула, дернулась назад, и тут между ней и монстром кто-то выскочил. Прямо из воздуха. Кто-то темный, высокий, замотанный в странное одеяние, напоминающее тогу. Монстр полоснул его по руке.

Демон! Демон Изнанки, тот самый, который пытался меня убить. Или другой, неважно. Свет, это даже хуже, чем тварь с когтями. Намного хуже. Чудовища сцепились и покатались по земле. Верещание монстра сливалось с низким рыком демона. Когти распоролы твари с Изнанки плечо, рык стал громче. Я видел, как над ними Сидори торопливо забирается обратно в кусты. Благо, чудовища заняты друг другом, никто на нее не смотрит. В этом буреломе искать магичку можно хоть до пришествия Светозарного. А что насчет меня?

Я поерзал в своем укрытии. Высокая трава и кусты скрывали мою бесценную персону, но не слишком надежно. Остается надеяться, что твари перебьют друг друга или победителем выйдет демон который, кажется, не видел меня вообще. Монстр снова полоснул демона когтями, тот в ответ вывернул мерзкую длинную руку, хрустнула кость. Чудовища лупили друг друга, а я гадал, чем же в итоге стану обедом. Наконец, темные руки обхватили шею древесного монстра и принялись методично откручивать ему голову.



Я врос в землю, боясь даже дышать. Вот и все, теперь он либо уйдет, либо примется за меня. Он ведь не заметил меня, правда? Не заметил? Сейчас монстр с Изнанки сожрет своего местного сородича, насытится и уйдет, а мы с Сидори двинемся дальше, прочь из этого проклятого места.

Монстр дернулся последний раз и бессильно обмяк. Вопреки ожиданиям, есть его демон не стал, а повернулся вокруг своей оси. Прямо ко мне.

У твари было вытянутое лицо, алые глаза и длинный шрам через всю щеку. Он ведь не видит меня? Меня скрывает листва. Меня скрывает листва, меня скрывает листва, меня скрывает листва!

Монстр сделал несколько шагов, раздвинул кусты и оказался прямо надо мной. Маленькие красные глаза вперились в мои. Я завизжал.

— Тихо. Убирайтесь отсюда, быстро.

Странный глухой голос, как будто ему на голову котелок надели.

Я изумленно пискнул.

— Так вы меня не убьете?

— Я спас тебя.

— Но зачем?!

От шока я потерял способность даже бояться. Демон спасает меня, демоны разумны, демоны умеют говорить? Свет, да что вообще происходит?!

— Ты нужен.

— Зачем?

— В свое время узнаешь. Свернете налево, там безопаснее. Не шуметь и ничего не трогать. Я вас защищу.

Демон меня защитит. Свет, это что, очередной сон? Я торопливо вскочил и замер в нерешительности. Заставить себя сделать шаг навстречу монстру оказалось не так-то просто. Но он на меня не бросался, стоял спокойно.

— Так для чего я нужен? — не успев испугаться собственной наглости, ляпнул я. — Для спасения мира?

— Нет. Двух миров.

Я понимающе кивнул, хотя ни Шамора не понимал, обошел демона по дуге и припустил так, как не бегал никогда в жизни.

Свихнувшийся демон сдержал обещание. Мы свернули налево, и больше на нас действительно ничего не напало.

Лес закончился неожиданно. Редел, редел и вдруг весь вышел. Я чуть в пляс не пустился.

— Вырвались! Слава Свету, вырвались! С честью преодолели все неприятности благодаря моей отваге, хитрости и невероятному уму!

Сидори прыснула.

— Благодаря твоему уму мы обычно влезает в неприятности. Тебе повезло, что одна тварь вдруг решила напасть на другую.

— Мне не повезло. Демон спас меня. Спас намеренно.

— Свет, Эмиль, ты опять за свое. По-твоему, на Изнанке кипят страсти по де Лантору? Одни демоны тебя убивают, другие спасают?

— Но это правда! Правда! Шамор, Сидори, ну ты же видела. Он спас нас.

— Он просто захотел пообедать. А тебя, по счастью, не заметил. Как сказал вчера ты,

межвидовая конкуренция.

— Я с ним говорил. Он сказал, я нужен. Нужен им зачем-то.

— Эмиль, у тебя мания величия. А это что такое?

В десятке метров от леса стоял домик. Обычный, совсем не демонический, с низким крыльцом и давно не латаной крышей. Из домика несло едой и потенциальным ночлегом.

— Зайдем? — предложил я.

Аромат свежего хлеба и жареного мяса манил невероятно. В хате звенели поварешки, булькал котел, кто-то хрюкал, пыхтел и напевал что-то невнятное. Мы с Сидори переглянулись.

— Кто может жить в таком месте? Или что?

— Ну, вдруг сюда монстры не заходят? — с каждым словом уверенности в моем голосе становилось все меньше. Хлеб вдруг показался не таким уж и притягательным, а мясо и вовсе странно пахнущим. Очень странно. — Или это егерь. Егерь Ничейного леса. Следит за порядком и все такое.

Звон посуды прекратился. Внутри снова хрюкнуло. Заинтересованно. Я почти увидел, как невидимый житель принимает.

— Пойдем-ка отсюда.

— Согласен. И чем быстрее, тем лучше.

;

## Глава 17

За свою жизнь Алавет потерял многих друзей. Но Аскольд был для него больше, чем другом, больше, чем тем, кто отдает приказы. Он был тем, кто его спас. Кто не сдавался.

В лагере не живут долго. В лагере умирают еще до того, как сердце стукнет последний раз и тело бросят в могилу. Умирают и ходят по земле живыми трупами. Безразличные ко всему, доведенные до последнего предела.

Он тоже стал бы таким, если бы не Аскольд.

Большинство из заключенных не было воинами. Многие даже не были настоящими преступниками: последователи запрещенных религий, мелкие воры и просто те, кому не повезло получить черный крест на висок. Но только не Аскольд Андван. Легендарный маг, бывший соратник самой иссианской императрицы.

Огнетворец изводил своих надзирателей любыми способами, до которых мог додуматься. Сочинял про них стишки, давал неприличные прозвища, врал и громоздил одну нелепицу на другую на допросах. За это его били и били нещадно. В конце концов колдун присмирел, но не сдался. Не потерял надежду сбросить оковы и перебить своих мучителей и в конце концов это сделал.

Когда последний из надзирателей рухнул замертво и вчерашние заключенные стали медленно осознавать свою свободу, те, кому было, куда возвращаться, вернулись домой. Но большинству возвращаться было некуда. Они могли бы пуститься в странствия, скрываться в лесах и просить подаяния, но Аскольд захотел остаться и отомстить. Он стал для них спасителем и командиром, тем, кому доверяют и подчиняются беспрекословно, даже если в глубине души считают, что огнетворец совершает ошибку. Алавет подчинился, как и всегда, не попытался отговорить друга от безумной идеи. А стоило бы.

Проповедница Алавету не понравилась сразу. Было в ней что-то странное, неправильное. Прекрасная юная дева, до ужаса наивная, но при этом попавшая в любимицы к самому канцлеру, проповедующая по городам и деревням и до сих пор не убитая и не

выброшенная в канаву, так не бывает. Идея вести какие-либо переговоры с Рёгнером не понравилось Алавету еще больше, она не нравилась никому. Но Аскольд все же пошел. И его предали. Предала девчонка.

Колдун с синеглазой неплохо поладили, как ни удивительно. У Аскольда могла быть лишь одна причина убить Проповедницу — предательство. Или, что более вероятно, сучка жива и просто скрылась в неизвестном направлении, преподнеся Рёгнеру на блюде мятежных колдунов и обеспечив роскошный повод для новых репрессий.

Если это так, далеко она не убежит. Он отобьет Аскольда, еще не знает, как, но отобьет, выяснит, что на самом деле произошло, и тогда Проповедница будет мертва окончательно и бесповоротно.

На стене красовался бесталанно, но старательно намалеванный огромный плакат: «Смерть выродкам!» с подробным описанием внешности и преступлений мятежных колдунов. Алавет стоял прямо под ним.

В юности магу страшно не везло с девушками. Он обладал абсолютно, максимально серой и неприметной внешностью. Из таких во все времена получались идеальные шпионы. Много лет назад колдун считал, что это его проклятие. Теперь оно ему пригодилось.

«Чернокнижник, Алаветом именующийся: демонопочитатель, детоубийца, террорист, мужеложец», — извещал плакат. Далее следовали еще десятка два столь же ярких и изобретательных характеристик. «Внешность, — тут у плаката дела пошли похуже, — средний рост, среднее телосложение, неопределенного цвета глаза, русые волосы, заурядное лицо, особых примет нет». Что ж, удачи им в поисках.

Повелитель Льдов никогда не ступал на улицы проклятого города. Родом практически с другого конца Танаира, в лагерь он попал в результате цепи случайностей напополам с собственными ошибками, а после освобождения в город они не заходили, не хватало наглости. Воображение же всегда рисовало Тан-Фойден, как крайне отвратное место. Оно не слишком ошибалось.

Город давил Алавету на плечи. Обычные узкие улицы, приземистые дома, редкие конные всадники, толкающие друг друга горожане, все, как и везде. Но колдун нутром чувствовал пропитавшие город ненависть и страх. Они висели в воздухе, словно душный аромат сточных канав, лезли в нос и в рот, заставляли морщиться и опускать голову.

Сегодня к ненависти и страху примешивалась печаль. Проклятый город оплакивал Проповедницу. На запястьях людей были повязаны черные траурные ленты, уличные торговцы не галдели, братья Святого Иодара, перекрикивая друг друга, завывали что-то про юную деву и вечный покой. Какая-то кумушка горячо уверяла, что следующую дочь назовет Вокарой. Кто-то уже успел намалевать на стене рычащего человека с длинными зубами, когтями и копытами, перерезающего горло прекрасной юной деве. На вкус Алавета, для демонстрации основной мысли рисунка необязательно было оставлять на деве так мало одежды, но посыл был ясен. Злобные колдуны в неиссякаемой злобе своей совершили очередное злобное злодейство, ужаснемся же и сожжем за это всех, на кого укажет наместник. Мнимую или действительную, Рёгнер всю использовал смерть Вокары для новых репрессий, как он поступал всегда.

Алавет понятия не имел, что ему делать. План был прост настолько же, насколько невыполним. Добраться до тюрьмы, как-то попасть туда, как-то перебить стражу, как-то найти и освободить Аскольда, как-то выбраться обратно и покинуть город. Сильно превышенная концентрация слова «как-то» не оставляла Алавету ни малейших шансов на

успех, и он это понимал.

На виселице на главной площади кто-то болтался. Алавет окинул тело равнодушным взглядом и пошел дальше, в сторону тюрьмы. Мало ли, кто болтается на виселице, в конце концов, для того она и создана.

Подземелья в Тан-Фойдене существовали и вели себя примерно так, как это полагается подземельям: охранялись, находились под землей и никому не нравились. Какой-либо другой информации, в том числе о том, где именно держат Аскольда, Алавет не знал.

Стражники перед мрачными коваными воротами лениво ковырялись в зубах. Один из них равнодушно посмотрел на Алавета и вернулся к своему увлекательному занятию. Наверное, в другом месте ошивающийся рядом с тюрьмой тип вызвал бы больше интереса, но в Тан-Фойдене недалеко от казематов располагался бордель, а посему народ по улице шлялся всегда.

Алавет потоптался перед входом. План пора было конкретизировать.

Кто-то потянул его за руку. Колдун инстинктивно дернулся, готовясь бежать или драться.

Щуплый парнишка, чье лицо скрывал капюшон, приложил палец к губам и указал рукой куда-то в узкий переулок.

— Ты кто?

Незнакомец, не отвечая, снова дернул его за рукав и потрусил вперед. Алавет, выругавшись сквозь зубы, пошел следом.

Переулки, настолько узкие, что в них еле-еле можно было протиснуться вдвоем, петляли невероятными зигзагами. В этой части города застройка велась особенно хаотично, дома вырастали, словно грибы после дождя, без всякого плана и логики. Алавет давно перестал понимать, с какой стороны они пришли и сколько раз свернули, когда незнакомец остановился. Целью их путешествия оказался полуразрушенный дом, чьи доски, словно оспины, покрывала зеленая гниль. Цель достойная, ничего не скажешь.

Парнишка остановился на пороге и скинул капюшон. Вот только это был не парнишка.

— Ты?!

Алавет размахнулся и изо всей силы врезал нечаянному спасителю по лицу. По смазливому синеглазому лицу.

— Шаморова тварь! Ты предала нас.

Девушка облизала разбитую губу.

— Я вас не предавала, это Рёгнер.

— Не сомневаюсь, а ты ему помогала.

— Нет! Он предал нас всех.

Алавет замахнулся для нового удара, Проповедница подняла руку, защищаясь. Лжет, тварь. Но, если она лжет, зачем тогда здесь?

— Говорят, тебя убили.

— Почти.

Проповедница поморщилась, приложив руку к спине.

— Ладно, допустим, я тебе поверю. Но что ты здесь делаешь?

— То же, что и ты, хочу спасти твоего командира.

— С чего вдруг?

— Он мне кое-что обещал.

— И как именно?

Девушка указала на покосившуюся дверь.

— Здесь под полом есть подземный ход.

Ну надо же, подземный ход, прямо как в какой-нибудь дурацкой легенде.

— И как же ты его обнаружила?

— Случайно. Ходила вокруг, думала, что мне делать. Тут есть подвал, а оттуда проход в пещеру. Думаю, она была здесь еще задолго до основания города. Вглубь я не уходила, боялась, но рядом с боевым магом бояться мне нечего. Пойдем туда вместе.

— Если ты не заходила вглубь, почему ты так уверена, что пещера ведет именно в подземелье?

— Сам подумай, куда еще может вести подземный ход, если не в тюрьму?

Алавет вздохнул. Идея так себе, но других у него все равно нет.

— Ладно, идем. Но, учти, если это фокус, чтобы заманить в ловушку и меня, я тебя убью.

В брошенном доме и впрямь обнаружился подвал. Он пах плесенью и крысиной мочой, а еще в стене его была неприметная дверь. В полуметре от нее сгрудилась куча тряпья и досок, очевидно, маскировавшая проход, пока на него не наткнулась Проповедница.

Дерево прогнило и заплесневело. Алавет вытащил из кучи тряпку, обернул руку и, преодолев отвращение, дернул за ручку.

— Сильнее, — подсказала Вокара.

Колдун потянул еще раз, дверь, наконец, подалась. Скользкие ступени уходили вниз, в пустоту. Колдун запоздало сообразил, что им не помешал бы факел.

Чиркнул кремьень, тусклый свет озарил пещеру. Проповедница оказалась более предусмотрительной.

Раньше Алавет никогда не был под землей и предпочел бы, чтобы так и продолжалось. Факел плыл впереди ярким пятном, бросая мрачные тени на стены и чадя. Где-то мерно капала вода, и ее стук отдавался в ушах.

Зашипело, тварь размером с крупную кошку сверкнула глазами и бросилась из-под ног. Алавет предпочел думать, что это крыса.

Спуск уходил все ниже, свод пещеры опускался, словно желая раздавить непрощенных гостей. Даже невысокому колдуну приходилось пригибаться. Алавет шумно втянул воздух, закрыл глаза, досчитал до трех. В детстве няня любила пугать его сказками о погребенных заживо, с тех пор маг не слишком хорошо переносил замкнутые пространства.

Зажурчала вода, ногам стало холодно и мокро. Туннель раздваивался: впереди по-прежнему было темно, а сбоку через узкий проход в пещеру вливался ручей и весьма неприятно пах.

— Почему эта вода так воняет? — удивилась Проповедница.

— Подумай, какие именно жидкости могут стекать сюда с улиц города?

Проповедница ойкнула и привстала на цыпочки, пытаясь спасти сапоги от потока нечистот.

— Когда мы вытащим Аскольда, — пробормотал Алавет, — попрошу его придумать нам новый гимн. Он будет называться: «По дерьму к свободе».

Пещера изогнулась зигзагом, к первому потоку присоединился второй. Теперь они шлепали по голень в сточных водах.

— Надеюсь, твой подземный ход действительно ведет в тюрьму, Вокара. Я пережил много издевательств в жизни, но в дерьме, насколько я помню, еще не купался.

— Представляй, что мы герои сказки, — буркнула Проповедница, высоко задирая ноги. — В сказках приличный подземный ход всегда ведет или в королевские покои, или в тюрьму.

Наконец, пещера пошла на подъем. Дерьмо, которое, к счастью, течь вверх пока еще не научилось, их покинуло.

Мимо пробежала еще одна крыса. Крыса, колдун, это всего лишь крыса, длиной с твое предплечье и с полным ртом сверкнувших в темноте острых зубов. Не думай ничего другого.

— Должно быть, уже близко, — пробормотала Вокара. — У меня ощущение, что мы прошли уже полгорода.

Потолок снова предпринял попытку их раздавить, подъем становился круче. Алавет согнулся практически пополам, низенькая проповедница наклонила голову. Впереди послышался какой-то шум.

— Пришли, — выдохнула девушка. — Слышишь? Это выход.

— Хорошо бы это действительно был выход, а не тупик.

Шум становился все ближе. Не шум — крики.

Подземный ход упирался в тяжелую деревянную дверь. С другой ее стороны то ли кого-то пытали, то ли кто-то сражался.

— Там что-то происходит, — неуверенно проговорила Проповедница.

— Сам слышу, — огрызнулся Алавет.

Маг вытащил из-за пояса кинжал, взвесил в руке. Размял пальцы, готовясь в случае необходимости исторгнуть из них поток смертоносного холода. Если в тюрьме завязалась драка, остается молиться, чтобы одну из сражающихся сторон можно было хотя бы с натяжкой причислить к союзникам. Если же там развлекаются палачи... Что ж, палачей Алавет никогда не любил.

Алавет толкнул дверь, и она со скрипом распахнулась.

Кто-то и впрямь кричал и стонал за тонкой стеной. Страстно и яростно, явно переигрывая.

В пустой, слава Свету, комнате стоял удушливый аромат дешевых благовоний. Огромную кровать устилало потрепанное покрывало с изображением голых женщин. Алавет повертел в руках стоящий на полке огромный керамический фаллос.

— Ну да. Куда еще может вести тайный ход, как не в тюрьму?

Проповедница хмуро оглядывала комнату борделя.

— Ладно, признаю, я ошиблась. Но у меня есть другой план.

;

Глава 18

Ничей лес сменился ничьей землей.

Разумеется, земля была королевская, но по мере приближения к границам Империи атмосфера менялась. Абстрактный страх перед чернокожижниками, побуждающий сжигать всех подряд, сменялся страхом конкретным, перед стоящей за рекой армией. И приводил к другим результатам.

Первым островком толерантности на нашем пути стал маленький городок Шуруд. На главной площади взору открывалось народное развлечение, как выяснилось в Хырхе, сильно опережающее по популярности игру в мячик и треньканье на лютне. Кого-то деловито прилаживали на виселицу.

Я втиснулся в толпу рядом с каким-то респектабельным мужиком. Респектабельным по

меркам Шуруда: он не слишком смердел и даже не ковырялся в носу.

— Казнят кого-то?

— А то сам не видишь? Колдуна вешают.

— Только за то, что он колдун?

Горожанин подбоченился.

— Обижаешь, добрый человек. За то, что преступление совершил. По справедливости, стало быть. Это в других каких городах всех колдунов без разбора хватают и на костер. А у нас бургомистр добрый, прогрессивный, самим Светом посланный. Нам что колдун, что не колдун, коли человек хороший, все едино. Только налог плати и отмечаться не забывай. Преступит какой обычный человек закон, так же на эшафот пойдет, мы различий не делаем. В мире живем, да и как не жить, когда через шестьдесят миль Империя. Вот придет Констанс бить-убивать, а мы ей скажем, что братьев ее не трогаем. Что друзья мы каждому колдуну, кто сам с нами дружить хочет. Авось, и Темная нас не тронет.

Палач пинком выбил из-под ног осужденного колодку, тот закачался и задергался. Лицо стало стремительно синеть.

— И правильно делаете, — похвалил я. — Всем бы с вас пример брать. Не так давно на наших глазах ворожея за корову пытались сжечь. И то непонятно, морил он ее или нет. Несправедливо, как по-вашему?

— Несправедливо. Что ж, человека и за корову убивать, хоть и колдун. Высекли бы, да и все. Изверги. У нас такого и быть не может!

— Рад слышать. А этот что совершил? Полагаю, что-то худшее, чем уморить корову?

— Конечно, — серьезно ответил мужик. — Двух коров. И козу еще. В прошлом году на него донос был, так мы к нему по-людски, всыпали батогов да обрили. Думали, угомонится. Так в этом то же самое. Сдохла коза Жучка, любимица наша, брюхо вспухло. А две коровы и коза это уже рецидив называется. Не понимает доброго слова человек. А таких рецидивистов нам не надобно, мы в мире живем. По справедливости!

Тело дернулось в последний раз и затихло. Вывалившийся язык злостного рецидивиста напоминал красного слизняка.

— А казним-то как, — умилялся поклонник мира. — Не костром, не колесованием. Мы вам не Хырх какой-нибудь, где главное не суд свершить, а помучить подольше. Мы токмо ради справедливости убиваем, милосердно. Повесили, подергался чуть-чуть, раз и все. И иди себе спокойно во Тьму, или во Свет, коль мы вдруг ошиблись. Я тебе по секрету расскажу, наш бургомистр, прогрессивный человек, допускает, что чародей может после смерти во Свет пойти. Какого, а? Да такого вольнодумия никто себе не позволяет. Оно и вдвойне лучше, если вдруг невинного казним, а он во Свет, так какая ж разница. Так и так блаженствовать будет вечно. Все-таки прогрессивный у нас город, живу, не нарадуюсь. Мирный. Скажи, а?

— Мирный, — откликнулся я, не в силах оторвать глаз от мерно раскачивающегося тела. — Я восхищен.

В Шуруде мы, потряся пустеющие кошели, раздобыли новых коней и провизию. Ехали дальше. Я молчал и пялился в землю.

— Надо же, де Лантор заткнулся, — съехидничала Сидори. — Не заболел ли?

— Давай просто доедем до Адланиса, — огрызнулся я. Настроение было препоганое.

— Ты же туда не собирался. Перестал сомневаться, можешь ли спасти мир?

— Сказок начитался. Там всегда герой пророчества побеждает злого темного

властелина и женится на принцессе, так что мне нечего бояться.

— Разве все это похоже на сказку? — серьезно спросила Сидори.

— Нет. Это похоже на кошмар.

\*\*\*

Все чаще лавки встречали нас заколоченными дверьми, на постоянных дворах отказывали в ночлеге, а трупы повешенных пялились на нас выклеванными глазами. Все чаще развевалось на ветру, а иногда и валялось на земле Алое знамя. Чего не было совсем, так это костров.

— Через реку же не переходят.

— Иногда, рейдами. В конце концов, река не стена. И не забывай про порталы.

Переходят и вешают.

— Назревает философский вопрос. Кто лучше: те, кто всех подряд сжигает, или те, кто вешает тех, кто всех подряд сжигает?

— Лучше нам держаться подальше и от тех, и от других.

— Сидори? Почему все так? Мы почти месяц в пути, и все это время кого-то убивают. Жестоко и бессмысленно. Люди встречают нас, кормят и поят, болтают и смеются. Кажутся людьми. А потом сжигают кого-то, проходя, между делом, словно ничего страшного не происходит. И продолжают болтать и смеяться. Как они могут, они ведь не чудовища, Сидори?

Колдунья долго молчала.

— Люди любят уничтожать себе подобных и не любят чувствовать себя плохими. Любой, даже насквозь порочной пьяной от вина и крови скотине в глубине души хочется верить, что она не есть зло, что она не делает ничего ужасного. А убивать, сжигать на костре, забивать камнями ужасно, как ни крути. И тогда люди находят выход. Объявляют, что тот, кого они убивают, не человек. Что он выродок, он отличается. Цветом кожи, именами богов, которым воздаст молитвы, местом, где он родился, или способностью к колдовству. И тогда люди перестают быть убийцами. Они всего лишь воздают мерзким выродкам по заслугам. Ломают кости, отрубают пальцы, выжигают глаза, и все это никак не изменяет их представление о собственной хорошесть. Потом они приходят домой, обнимают детей и жену, выпивают кружку пива, ложатся спать, и ничто не тревожит их сон. Знаешь, я читала, что в древности животные считались неживыми. Много веков назад тогдашние мудрецы думали, что зверье — это лишь механические создания без разума и чувств. И потому, когда вивисекторы вскрывали заживо кошек и собак, чтобы посмотреть, что у них внутри, когда отрубали им лапы и хвосты, их не трогали вопли боли. Кто будет жалеть машину? Прошло много столетий и теперь, когда колдун корчится на костре, никого не трогают его крики. Кто будет жалеть чернокожника? А чародеев не трогают крики обычных людей. Кто будет жалеть того, кто еще недавно кидал в тебя камни? Чтобы стать чудовищем, необязательно от рождения быть убийцей, алкающим крови. Достаточно лишь быть достаточно глупым, чтобы позволить себе кого-то расчеловечить.

\*\*\*

Неожиданно дорога вывела нас к берегу Раады.

— Двадцать миль вниз по течению, и будем на месте.

Деревни стояли покинутыми. Люди бежали, кто-то в панике, бросая недоеденную похлебку и скарб, кто-то организованно, унося с собой все, даже доски от сортира. Война, чье кровавое зарево пока еще полыхало вдаль, не сегодня-завтра грозила вспыхнуть на этих



землях смертоносным пожаром, и никто в здравом уме не желал в нем сгореть. Несколько раз нам встретились старики, слишком дряхлые, чтобы оставить насиженное место. Смотрели безразлично.

В одной из деревень мы нашли брата Святого Иодара. Мертвого. Приколоченного к стене гвоздями за руки и ноги. Глаза священника выклевали птицы, ряса превратилась в лохмотья, большую часть гниющей плоти сожрали звери, и полуобглоданный скелет укоризненно пялился на нас пустыми глазницами. Только панагия болталась на шее. Удивительно, как побрякушку не сняли мародеры. Сидори побледнела, я зажал рот руками. Кем он был? Истовым служителем культа, сжегшим десятки колдунов, или обычным мирным стариком, попавшимся под руку? Кто его убил — рейд, прибывший из-за реки, банда грабителей-садистов, наткнувшаяся на одинокого старика, или собственные соседи в надежде выслужиться перед иссианскими солдатами? Умер ли он в мучениях, приколоченный к стене, истекая кровью и не в силах отогнать жрущих его заживо ворон, или у палачей все же достало милосердия умертвить его раньше? Этого мы не узнаем.

Следующая деревня полыхала. А на пожаре плясал шабаш.

Молодые парни и девушки танцевали, прыгали и пели, потрясая в воздухе разбитыми ошейниками из миарила. Несло пивом и гарью, в воздух взлетали ленты и платки. С грохотом обрушился горящий сарай, но никого, казалось, это не волновало. Компания была абсолютно пьяна и, скорее всего, обдолбана хараша.

— Мы ведь не будем спрашивать, где все старики? — тихо спросила Сидори.

— Не будем.

— Слава Императрице! — заорала босая девица с крестом на виске, заведя нас. Волосы ее были зачесаны на бок, гордо демонстрируя клеймо. — Ошейники долой! Слава Императрице!

— Слава Императрице! — хором ответили мы с Сидори.

Девица перескочила через полыхающий кусок доски, схватила меня за руку и потянула вглубь хоровода. До дикой пляски огонь не добирался, очевидно, молодежь окружила себя магической защитой. Сидори, тоже поняв эту нехитрую истину, двинулась за нами. Меня подхватили под руки, завертели и закужили.

Я сам не понял, как в рот мне влили стопку медовухи. Горло обожгло, мир обрел яркость и четкость. Сияли звезды, полыхала деревня, меня кружил хоровод, и я кружился вместе с ним. Дикий танец, танец огня, танец смерти. Неистовый танец наконец-то обретших свободу подростков, почти детей. Кого они спалили, кто здесь жил? Жестокие мучители, измывающиеся над колдунами и получившие по заслугам? Обычные старики, запрещавшие колдовать направо и налево? Их деды, матери, отцы? Я этого не узнаю, да и какое это имеет значение. Кто-то бросил в центр круга полено, магией поджег его, и молодые колдуны принялись прыгать через костер. Я прыгнул вместе со всеми и истерически рассмеялся.

— Слава Императрице!

В руку мне суют еще одну чарку, к носу подносят щепотку порошка. Я хохочу, плачу и не могу остановиться.

— Слава Императрице!

Слава Императрице. Слава госпоже Лофт, превратившей эти дома в головешки, а этих детей — в безумцев. Слава королю Иераму и моему отцу, истреблявшим магов пачками, зажегшим в них эту слепую ненависть, и многим королям и канцлерам до них. Слава

Шамору и тем, кто заставил ответить за его преступления тысячи невинных. Слава нам всем.

Хоровод кружился все быстрее, жар костра лизал мне ноги, но шабаш не останавливался. Мне было весело, истерически весело, так, как никогда раньше. Весело и страшно.

Когда пляска закончилась, я не понял. Просто все вдруг разом выдохлись и, как по команде, попадали на землю. Деревня давно догорела, мы валялись на пепелище. Сидори стояла рядом, скрестив руки на груди, и осуждающе взирала на это мракобесие. Никто не обращал на нас внимания, похоже, все вообще забыли, что среди них находятся двое чужаков. Кто-то, лежа на земле, нюхал хараши, кто-то уже спал.

Я подошел к Сидори.

— Извини. Идем отсюда.

— Де Лантор...

— Ну что? Мне надо было как-то снять нервное напряжение. И не де Лантор, а Эмиль.

— Эмиль. Мы плетемся по колено в грязи и крови, по катящемуся во Тьму миру, мимо виселиц и костров, мимо крови и боли. А ты танцуешь на пожаре. Ты действительно считаешь, что это уместно? Лететь во Тьму весело и с песней?

— Сидори, я живу во Тьме. С самого детства. И единственный способ, который я изобрел, чтобы не сойти с ума — идти по ней весело и с песней.

И мы ехали дальше. А мир летел во Тьму. Весело и с песней.

Были и поселения, где жители решили остаться. В одном таком нам встретился шаморанец.

— Он вот так завывает и его не трогают? — удивился я. — Хырхские колдуны от радости бы прослезились.

— Боятся. Видишь виселицу?

Я видел. Виселица прямо-таки наполнилась.

— Здесь недавно прошел рейд. И постарался, чтоб у местных и мысли не возникало трогать колдунов.

— Хватают всех подряд?

— Ну что ты. Устанавливают новый миропорядок, занимаются просветительской работой с населением и строят прекрасное будущее с равными правами для всех. Вешают только по крайней необходимости, тех, кто уличен в ксенофобии.

— То есть хватают всех подряд?

— То есть да.

— Этот убогий, насколько я вижу, не колдун. Да и Шамора маги осуждают. Не почитают уж точно.

— Да ладно? А кто из каждого магокамня так вдохновенно рассказывал, что Лофт отправляет кровавые жертвы Шамору?

Я промолчал.

— И вечное блаженство настанет, слышите, вечное! — орал проповедник. — Не бойтесь, не противьтесь неизбежному, соединятся два мира, и будет нам счастье. Но не сразу, ох, не сразу. Выстрадать нужно лучший мир, кровью выстрадать, слезами оплакать. Когда явился вам Шамор в мудрости и милости своей, что вы сделали? Что вы сделали, я спрашиваю?! Отвергли вы спасителя своего, на муки обрекли! И страдать вам теперь! Страдать, слышите! Кайтесь, ибо Шамор вернется! Вернется в облики ином, с силою

великою, и все вы падете перед ним на колени!

Горожане проходили, опуская голову. Мутный, словно протухший взгляд шаморанца выцепил из людского потока молодую девку.

— Идет она, бесстыдница! Небось, перед каждым ноги раздвигает. Все страдать будете, все! И ты, прощмандовка! Покайтесь, псы смердявые. Покайтесь!

Хлопнули ставни, и проповедника окатило ведро с нечистотами. По улице прокатился хохот, шаморанец вытаращил глаза, замахал руками и завизжал проклятия, пытаясь вытряхнуть из волос картофельные очистки. Оскорбленная девица показала ему средний палец.

— Дурдом, — пробормотал я.

— Дурдом был в Хырхе, а это подступающая война. Главным рупором которой был ты. Покайся, Эмиль. Покайся.

На двери покосившегося дома красовалась криво намалеванная надпись: «Колдун», дальше было старательно замазано непечатное слово и поверху приписано: «наш друг!»

Я повернулся к Сидори.

— Давай повернем, пока еще не поздно. На кой Шамор нам сдался этот Адланис? Сбежим.

— Куда?

— Да куда угодно!

— Куда угодно, куда вскоре придет война? — горько усмехнулась Сидори. — Без денег?

— Деньги я достану. Поверь, уж это я умею.

Колдунья покачала головой.

— Я не побегу, Эмиль. И ты не побежишь. Наш путь лежит в Адланис.

Я глубоко вздохнул.

\*\*\*

Небольшой городок, попавшийся нам на пути, сковал страх перед Алыми Всадниками. И это притом, что, насколько я мог судить, ни один эскадрон смерти пока не пересек Рааду. Те, кого не страшили всадники алые, зеленые и в клеточку, мерно качались на виселице, кормя ворон.

Пиво в таверне оказалось жидким, еда холодной, постель, судя по собравшемуся здесь контингенту, обещала кишеть клопами, но мне было плевать. Голова была тяжелой, как чугунная сковородка, и думала примерно так же. Вся усталость, скопившаяся за долгое путешествие, вдруг разом навалилась на меня и прижала к земле. Как же меня тошнит от этого проклятого мира, в прямом и переносном смысле.

Ладная девица носилась между посетителями с кружками пива в руках. Ее похлопывали по заднице и откровенно разглядывали. Особенно пристально разглядывал красноносый тип, поедающий свиные ребра за угловым столом. Он мне сразу не понравился.

— Эй! Эй, девка, поди сюда! Пива мне! Два!

Служанка, демонстрируя выдающуюся ловкость, водрузила одну кружку на другую, схватила во вторую руку сковородку и побежала на зов.

— Благодарю. А ты куда? Может, и как по-иному обслужишь? — поинтересовался красноносый, по-хозяйски приобнимая служанку за талию и беря за руку. — Не только пивом, а?

Девушка вырвала руку.

— Сам себя обслужи. Можешь прямо здесь, а мы посмотрим.

— Ах ты так? Отказываешь? Магика обижаешь? А ты в курсе, что я магик? Что у меня охранная грамота от госпожи есть? Вон тот в углу тебя, стало быть, лапал, а мне нельзя? Потому что я колдовать умею? Дескромонация! Дескромонация и ксинофорбия! У вас-то в городе! Знаете, как госпожа ксинофорбию не любит? Вешать приказывает за ксинофорбию! За дескромонацию, когда с колдуном не хотят лечь, брезгают!

Воздух в таверне вдруг стал настолько тяжелым, что можно было брать руками и лепить из него пирожки.

— Хочешь за дескромонацию на виселицу? Хочешь, спрашиваю? Не хочешь. А не хочешь, так пошли со мной. Али кто против, а? Ты, хозяин, против? — трактирщик молчал, опустив голову. — Не против. А то узнает госпожа, что у тебя в заведении творится. Как тут магов принижают. Да я саму госпожу видел!

— Стало быть, видел? Что-то не верится.

Все головы повернулись ко мне.

— Еще один на виселицу захотел, дескромонатор. Видел, видел, и еще увижу! В замке меня принимала в Файизине, расспрашивала, хорошо ли мы тут живем. Не обижают ли. И еще примет, там уж я про тебя расскажу!

— Если видел, так почему же не узнал?

За время нашего общения Сидори явно интеллектуально выросла. Девушка скинула капюшон и грозно сверкнула глазами. Прогредел гром, тарелки с супом подпрыгнули, воздух наэлектризовался, а над буяном выросла взявшаяся из ниоткуда грозная туча и окатила его с ног до головы.

— Возрадуйтесь, смерды, ибо посетила вас великая Императрица, Повелительница Магии Констанс Раизиан! — возвестил я.

Таверна потрясенно ахнула. Трактирщик грохнулся на колени, за ним последовали остальные.

— Госпожа! Как есть вы! Это честь, честь для нас! Клянусь, порог мести не буду, через который вы переступили, стакан мыть не буду, из которого вы пили!

— Это лишнее, — выступил я за чистоту общепита.

— А вы, добрый господин, стало быть, принц Альберт?

— Само собой, — подтвердил я, вставая и подбочениваясь. Желудок подскочил к горлу. Люблю людей: надо только начать им врать, дальше они с удовольствием наврут себе сами.

— Честь, честь для нас. Только, госпожа, — робко поинтересовался кто-то. — Вы ж, говорят, черная. Ну, волосы черные, одеяние черное. Портреты там и все такое. А тут вы белая.

— Это для конспирации, — пояснил я. — Великая Императрица здесь инкогнито. С проверкой, хорошо ли ведут себя ее будущие подданные.

Подданные сжались и принялись истово кланяться, отчаянно показывая, что ведут себя хорошо и даже лучше.

— Этой кынспырацией что же, внешность поменять можно? — робко пискнула спасенная от насилия девица.

— Можно.

— Прямо всю? И зубы подровнять, и нос уменьшить? И грудь вырастить?

— И грудь, — подтвердил я. — И даже обе!

Девица восхищенно охнула.

— Ваша Светлость, а вы, когда нас захватите, нам привезете кынспырацию? А то мне

очень надо.

— Привезем, — пообещал я. — Каждой бабе по кынспырации, каждому мужику по бутылке! Таков девиз правления госпожи Лофт, справедливой и мудрой! Внемлите же, ее Светлость издает новый указ. Баб не лапать!

— Совсем? — испуганно спросил кто-то. — А по согласию?

— По согласию можно. Но только по однозначному и явно выраженному.

— Это как? — нахмурился горожанин. — Вот, к примеру, если я ее в углу зажал, что она и пискнуть не может, это согласие? Она ж «нет» не говорит.

— Не согласие, — отрезал я. — Согласие — это когда говорят «да». Увидим — повесим. Императрица не потерпит насилия в свободном Иссиане. Ибо в Иссиане, — воскликнул я, преодолевая тошноту, — жизнь прекрасна!

;

## Глава 19

— В Иссиане жизнь прекрасна! — прыгал летописец. Констанс думала.

Вида в лице местного самоуправления, насмотревшись на Ка-Бодар, тоже решила что-то вякнуть, придется послать туда эскадрон смерти, а лучше два.

— Милосердная Императрица! Спасительница! Освободительница! Процветаем и благоденствуем мы под знаменем Иссиана!

Пара надежных людей вдруг стали ненадежными, придется от них избавиться. И лучше всего обставить все так, будто один подло убил другого и был справедливо казнен. Подло, но они стали угрозой для Империи, а интересы Империи — превыше всего.

— Справедливая и мудрая! Выжигающая каленым железом интриги и гнусную ложь!

Солдаты еще кого-то убили и изнасиловали. Перевешать по-тихому, ибо одна казнь распоясавшихся уродов — это справедливость и забота о народе, а две подряд — свидетельство того, что уродов в твоей армии слишком много.

— Славная армия Иссиана несет мир и процветание! Наши солдаты — самые благородные солдаты в мире! Нет для них большей радости, чем денно и ночно охранять покой простых людей! Иссиан!! Императрица!! Ура!! Ave spiritus hominem!!! Ну как вам, Ваша Светлость?

— Прекрасно, Кориаурс. Главное, очень жизненно и ни капли не приукрашено.

Круглое лицо летописца озарилось абсолютным счастьем.

— Я стараюсь, Ваша Светлость. В отличие от многих коллег по цеху, я всегда пишу правду и только правду!

Кориаурс навестил ее с утра. Теперь солнце клонилось к закату, а Повелительница Магии разглядывала себя в зеркале. Их в зеркале. Два человека, два монстра, два колдуна, брат и сестра слились на постели в единое четырехрукое четырехногое существо. На время позабыв все распри и обиды.

На лбу брата блестели капли пота, он глухо застонал и вцепился руками ей в волосы. Констанс подалась вперед. Надо проведать этого идиота Тибольда, а то бывший король захиреет. И главу разведки. И гарнизон. И...

Свет, о чем она думает. О чем она думает в постели!

Шаоми прав, Повелительница Магии совсем помешалась на работе, забори ее Изнанка. Точнее, не забори ее Изнанка. В свете последних событий такими пожеланиями лучше не бросаться.

Констанс откинулась на подушках, прогоняя из головы все мысли. Полчаса, полчаса без

государственных дел ты можешь прожить? Всего лишь полчаса...

Полчаса оказались прекрасны.

Констанс лежала на кровати, положив голову Альберту на плечо. Как раньше. Как десять лет назад. Как вечность назад... Лишь они одни. Одни во всем мире, одни против всего мира.

Брат заглянул ей в глаза. Серыми в черные.

— Я люблю тебя, Констанс. Ты главное, что у меня есть.

— Я люблю тебя, Альберт, — тихо повторила Лофт.

Лоб Альберта прорезала чуть заметная складка. Я люблю тебя, но ты для меня не главное. Главное для меня Империя... И это ставит стену между нами. Непреодолимую стену.

— Ваша Светлость, — гвардеец стоял бледный, как прокисшая простокваша. Боится, что свидетеля греховной связи Императрицы и принца живым не выпустят. Зря: одним камешком больше в лавину слухов о них, одним меньше. — Ваша Светлость... Прошу простить, я не вовремя. Вам послание, но это может подождать...

— Это важно?

— Ваша Светлость, вы заняты...

— Важно или нет? — рявкнула Констанс, теряя терпение. — Прекрати мямлить, а то повешу.

— Да, важно, Ваша Светлость.

Обнаженная Повелительница Магии встала под ошарашенным взглядом гвардейца, стянула со стула одежду.

— Констанс, ты издеваешься?!

— Прости, Альберт. Сам видишь, так получилось.

— Получилось что? Что ты бегом несешься прочь от меня, хотя могла бы этого не делать?!

— Я не принадлежу себе, Альберт. Да и тебе тоже. Дела Империи превыше всего.

Принц вперился в Констанс тяжелым взглядом. Хочет закатить скандал, но стыдится посторонних. Повелительница Магии виновато пожала плечами, натягивая рубашку.

— От кого послание, мастер четких донесений?

— Ваша Светлость, вы удивитесь.

\*\*\*

В той же степени, в которой канцлера бесило, когда кто-то стучит пальцами по столу, он любил делать это сам. Ритм, знаете ли, успокаивает. Особенно после криков пытаемых.

В той же степени, в которой это было вредно подслеповатым глазам, канцлер любил работать при свете одной свечи. Полумрак успокаивает. Особенно после полыхания костров, на которых кого-то сжигают по его приказу.

Но сегодня канцлер успокоиться не мог.

У канцлера было две проблемы. Попытаться удержать мир на грани большой войны и выяснить, что случилось с его сыном.

Максимильен был почти уверен, что Эмиль мертв. Во внезапный и успешный штурм тюрьмы какой-то самопальной бандой колдунов он, конечно же, не верил, но кругом выходило плохо. Либо кто-то, вплоть до самого короля, решил избавиться от некоторых лишних заключенных, тогда свидетели ему ни к чему, либо это тщательно спланированная и каким-то чудом укрывшаяся от его людей операция колдунов Лофт. Тогда страшно даже

подумать, каким пыткам беднягу подвергли перед тем, как убить.

Убить.

Максимильен налил вина и залпом выпил. Третья бутылка за сегодня. И будет четвертая.

Мальчику было восемь лет. Худой, улыбчивый и невероятно болтливый, с живыми умными глазами. В глубине которых плескалась печаль: мальчик рос в доме призрения.

Максимильен разглядел его не сразу. Вернее, сразу он разглядел не его, но судьба распорядилась иначе. А, все же разглядев, понял, что при должном обучении этот мальчишка далеко пойдет. Взять сиротку на поруки было выгодно со всех сторон: поднять свой имидж в глазах народа, унять тоску по скончавшейся жене, да и юноша с такими талантами на королевской службе не помешает. Кто же знал, что основной талант Эмиля — создавать проблемы ближнему своему.

А теперь его нет.

Я всегда любил его. Я никогда не говорил ему об этом. Я был с ним груб, мне было не до него, я сумел разглядеть в нем гениального пропагандиста, но не желал видеть человека, а теперь его нет. Я не смог его ни воспитать, ни сберечь.

Вот так, Максимильен де Лантор. Через месяц тебе пятьдесят, и у тебя ничего не осталось. Ты любил женщину, но ее забрала чахотка. У тебя был сын, но ты отрекся от него, и его убили. Ты всю жизнь посвятил служению королевству и сжиганию чернокнижников и на старости лет сам не понимаешь, на правильной ли был стороне.

Ты проиграл по всем фронтам, Максимильен де Лантор. Впору пойти и утопиться.

Полутемную комнату прорезала ослепительная вспышка. Замерцала, расширилась в человеческий рост, повеяло холодом. Неужели?!

У канцлера было две проблемы, и он придумал дикий, безумный способ попытаться решить обе. Но ни секунды не верил, что он сработает.

Передать приглашение, не выдавая своих агентов в стане колдунов, оказалось непросто. Максимильен даже не был уверен, что его передали. И уж тем более не ожидал, что на него откликнутся.

Но вот в пространстве зияет дыра. Приглашающая.

Верх глупости добровольно идти в логово врага. Никто не станет его слушать, обезглавят и выбросят, оставят Танаир без одного из главных защитников. Это даже не риск, это безумие.

Максимильен глубоко вздохнул и шагнул вперед.

Порталами он, по понятным причинам, раньше не пользовался. Ощущения были поганые: как будто тебя перекрутило, как сорочку на отжиме, и выкинуло. Но практично, ничего не скажешь. Только что ты был в своем кабинете, а теперь... Теперь под тобой пропасть.

Канцлер инстинктивно дернулся, взмахнул руками, попытался уцепиться за воздух. Несколько мгновений понадобилось, чтобы понять, что он не летит в бездну, а стоит на твердой земле. Бездна всего лишь простирается под ним.

Он на вершине горы. Так высоко, что, кажется, может провести рукой по облакам. Седящие волосы осыпает снег, делая их и вовсе белыми. Что это за место, Шамор его побери?

Слева послышался смешок. Максимильен повернул голову. Повелительница Магии стояла в десяти шагах от него, опираясь на трость. Темные глаза насмешливо смотрели на

него, к вискам разбежалась сеточка морщин. Аккуратно расчесанные длинные волосы, черный плащ, неизменная трость в руках. Почти такая же, как на портретах. Забавно, своего главного врага он видит в первый раз.

— Вы очаровательно машете руками, Кровавый Канцлер.

Максимильен поклонился в знак приветствия.

— А вы очаровательно открываете порталы, Темная Императрица.

— Ваш ответный выпад, — Лофт медленно провела тростью по земле, — неудачен. В отличие от меня, вы получили свое прозвище не за привычку носить черное, а за свои деяния. В этой связи я безмерно удивлена, что вы отважились сюда прийти.

Максимильен промолчал. Сказать было нечего.

— Знаете, что это за место?

— Не имею понятия, Императрица. Но, признаться, я удивлен тоже. Вы ведь южанка, а здесь даже на мой вкус слишком холодно.

— Я люблю холод. Считайте, я тяготею к тому, чего была лишена в детстве. К свободе, например. Или к безопасности, когда по деревьям не ходят патрули и не ищут таких, как мы. Это гора Куагор, высочайшая из известных человечеству. Вершина мира. Символичное место для встречи, не так ли?

Максимильен молчал. Вот она, самый страшный и могущественный человек эпохи, ведьма, убийца, завоеватель и реформатор. Насмешливая, уверенная в себе, усталая и явно давно не спавшая. Но отнюдь не безумная. Уже хорошо.

Императрица лениво взмахнула рукой. Хлопья снега взлетели с земли, закружились, прилипли друг к другу и застыли, превратившись в сверкающее подобие кресла. Лофт, закинув ногу на ногу, уселась на ледяной трон.

— В приличном обществе дамам положено сидеть. Валяйте, Кровавый Канцлер, выкладывайте, чего вы от меня хотите.

— Поговорить, Ваша Светлость.

Императрица выжидающе подняла бровь. Трость чертила на снегу замысловатые узоры. Под взглядом этих темных глаз было удивительно неуютно. Заготовленная и тщательно отрепетированная речь теперь казалась на удивление глупой. Ты для нее — чудовище, а твоя армия и двух месяцев не продержится против захватчика, как и чем ты собрался ее убеждать?

— Можно вопрос? — неожиданно для самого себя спросил Максимильен.

— Попробуйте.

— Что значит Лофт?

Императрица помедлила.

— Солнце. Лофт значит солнце. Это старый язык, почти забытый. Так меня называла мать. Говорила, что я солнце, что освещает ее жизнь, а Альберт луна. Пока ее не убили.

— И поэтому вас так прозвали кадобы?

— Я сама так себя прозвала. Прижилось. Так чего вы хотите, Максимильен де Лантор?

— А вы?

Императрица криво усмехнулась.

— Не я просила о встрече.

— Я хочу сохранить свою страну. Против вас мы не выстоим.

— Что ж, откровенно.

— Это очевидно, а не откровенно. А вы не выстоите против объединенных северных



королевств. Заключить мир будет лучше для всех.

— Что-то они не спешат объединяться на вашу защиту.

— На защиту безусловно. Но они с радостью прибегут рвать на части то, что осталось от Танаира, когда он перейдет к ослабленной войной Империи. Танаир — самое могущественное королевство севера, это не Файизина, без жертв не обойдется.

И ты это понимаешь, усталая женщина. Остается надеяться, что благоразумие в тебе сильнее жажды власти.

— Может, я не боюсь северных королевств? Темными ночами я принимаю ванны из крови невинных младенцев и лелею мечты о порабощении всего мира. Ваш сын, по крайней мере, так утверждал.

— Мой сын все время врет. И вы отнюдь не сумасшедшая.

— Возможно. Я всего правительница величайшего государства в мире и полководец огромной армии, которая проглотит вас и не подавится.

Подавишься. Еще как подавишься.

— Народ вас не примет, вы получите партизанскую войну.

Темная Императрица пожала плечами.

— Отчего же? Народ глуп. Ваш король не лучший правитель, многие хотели бы видеть его голову на пике. Я объявлю, что освободила несчастных от злобного Иерама, осыплю народ дарами, ненадолго понижу налоги, запущу свою пропаганду. Призову ваших крестьян, не видевших в жизни ничего, кроме нищеты и плуга, на великую войну, что будет сулить им почести, деньги и славу, выдам пива и хлеба, и они пойдут, распевая гимны во славу мне. Когда вместо почестей они получают алебардой в живот, менять свои политические предпочтения будет уже поздно. Те, кто будут слишком сильно недовольны моим правлением, отправятся за почестями туда, где снискать их, не сложив голову, будет особенно трудно. Разве не так ведутся все войны в мире? Не так вел войны Танаир в свое время?

— Меня тогда не было, Ваша Светлость.

— К счастью для вас.

Канцлер помолчал.

— На юге водятся верейки, Ваша Светлость?

— Понятия не имею, что это.

— Это змея. Большая змея, живет на болотах, жрет все, что движется. Никто на нее не охотится, естественных врагов у нее нет. Но иногда она проглатывает больше, чем может переварить, и умирает в страшных мучениях. Гниет заживо с раздувшимся брюхом. Я видел такую в детстве, поверьте, ничего приятного.

— Ну надо же. У де Ланторов прямо-таки семейное мастерство метафоры, хоть вы и не родственники. Остается один вопрос: от чьего лица вы действуете? Танаира или самого себя? Что-то я не вижу здесь Иерама.

— Король Иерам прислушается к доводам рассудка.

— Как интересно. Канцлер, прославившийся массовыми чистками и расправами над колдунами, ведет переговоры со злейшим врагом втайне от короля. Воистину, мир прекрасен и удивителен. И что я получу взамен, если соглашусь на ваши условия?

— То, за что вы боретесь. Новый мир для всех. Мы закроем лагеря, свернем репрессии. Колдуны в Танаире будут жить спокойно.

— А Иерам, конечно же, об этом еще не знает, но прислушается к доводам рассудка.

— С Иерамом я разберусь.

Разберусь исключительно силой убеждения. Или нет. Двум правителям Танаира всегда удавалось поддерживать хрупкий мир, но нельзя позволить королю столкнуть страну в пропасть.

— Похвально, похвально. Но колдунов истребляют не только в Танаире. А если я захочу, — трость неторопливо скользила по снегу, — нести мир и равенство и дальше, к примеру, в Серсту? По досадной необходимости нам придется пройти через ваши земли. Как посмотрит на это король Иерам?

Вот он, главный вопрос. Наивно было надеяться, что чернокнижница его не задаст.

— Король Иерам, — Максимильен выдержал взгляд черных глаз, — обдумает эту ситуацию, если она случится.

— Максимильен де Лантор, — Императрица подкинула снежок, и он завис над головой Максимильена. — Я готова поверить, что вы достаточно умны, чтобы понимать, что война невыгодна для всех. Я готова поверить, что вы и правда печетесь о своей стране. Я даже готова поверить, что на старости лет вы вдруг раскаялись и захотели нормальной жизни для тех, кого столько лет истребляли. Но я ни за что не поверю, что все это побудило вас прийти сюда, рискуя быть зверски убитым, предав своего короля, и фактически говорить со мной о перевороте. Так что еще вам нужно от меня, Максимильен де Лантор?

— Мой сын Эмиль. Он жив?

— Вы за собственным сыном не уследили? Впрочем, он, кажется, сгорел в Сида Корале.

— Так он не у вас? Скажите мне честно, кто штурмовал тюрьму?

— Понятия не имею. Это были не мы и вашего Эмиля у нас нет, даю слово. Если вдруг будет, обещаю в знак нашего сотрудничества даже оставить его в живых.

— Но вы колдунья. Вы можете найти его?

— Не могу.

— У меня остались его вещи. Одежда, письма. Вы самый могущественный маг в мире, хотя бы скажите, жив он или нет. Если вам нужно что-то еще для ритуалов...

— Это чушь, господин де Лантор, — резко прервала Императрица. — Понимаю, вы считаете меня всемогущей, но я не могу найти человека по обрывку рубашки, а все так называемые ритуалы — не более, чем сказки. Говорят, менталисты могли, но все они давно мертвы, а знание утрачено. Их убили такие как вы, истребили до последнего. Так что увы, ничем не могу помочь.

Внешне канцлер остался спокоен. Последняя надежда потеряна. Самый могущественный маг мира ничем не может ему помочь. Значит, никто не может.

— Найдите моего сына. Найдите. Иначе перемирия не будет.

Повелительница Магии подняла бровь.

— Перемирия, которое гораздо больше нужно вам, чем мне?

— Да, именно его. Считайте, что я обезумевший от горя отец, готовый ради ребенка пожертвовать судьбой государства.

Императрица покачала головой.

— Нет, Кровавый Канцлер. Я вам не верю. Вы глубоко мне отвратительны, но вместе с тем вы похожи на меня. Слишком похожи. Вы ни за что не пожертвуете судьбой государства. Ни за что. И мы заключим это странное перемирие, мы заключили бы его, даже если бы я призналась, что лично зверски замучила вашего Эмиля. Будем жить в мире и процветании, обмениваться подарками через границу, а по выходным ходить друг к другу в гости. Если я

захочу. Вот только я не хочу, Кровавый Канцлер. И знаете, почему? Потому что вы чудовище. Вы, знаменитый де Лантор, стараниями которого много лет на площадях всех танаирских городов полыхало пламя костров.

— Теперь я сожалею об этом, Ваша Светлость. Я ошибался.

— Сожалеете? — Императрица прищурила глаза. — Какое смелое признание. Безусловно, оно воскресит погибших, высушит слезы их матерей и отцов, заглушит крики их неприкаянных душ, как говорят, летающих над пепелищами. У меня есть летописец, Кровавый Канцлер. Премилый человек, обожает превозносить меня и сочинять всякую чушь. И изучать творения своих коллег по цеху. Хотите одно?

В тонких пальцах Императрицы из ниоткуда взялся желтый потертый свиток.

— В 427 году от Падения Шамора, — начала Императрица, — в северном государстве Танаир вспыхнуло и тут же угасло крестьянское восстание, известное, как Бунт Хлебоборов. Крестьяне, взявшиеся за вилы из-за голода и нищеты, попытались организовать что-то вроде ополчения, но не преуспели и были разгромлены за несколько дней практически без потерь со стороны королевской армии. Это событие не оставило бы заметного следа в истории, если бы молодой канцлер Танаира Максимильен де Лантор, позже прозванный Кровавым Канцлером, не решил использовать его как предлог для геноцида колдунов всех мастей. Сто пятьдесят шесть низших магов, девять высших четвертой ступени, имевших право за особые заслуги жить в городах, а также четырнадцать целителей и около трех десятков травников и изготовителей амулетов были обвинены в подстрекательстве, снабжении крестьян оружием и подрывной деятельности против государства. Всех их казнили. Это была первая, но не последняя, чистка Максимильена де Лантора. Скажите что-нибудь, кровавый канцлер.

Максимильен попробовал открыть рот и ощутил, как в горло впивается невидимая удавка. Рука взметнулась к шее, но нащупала лишь воздух. Лофт смотрела на него без всякого выражения.

— В 429 году от Падения Шамора, — продолжала Императрица ровным монотонным голосом, и Максимильен чувствовал, как ему становится все труднее дышать, — уже чуть менее молодой канцлер Танаира, обретающий все большее влияние на короля, провел свою вторую чистку, получившую название Винные Казни. Под предлогом разгорающегося приграничного конфликта с Серстой и правящей тогда королевой Раэдис, грозившего перерасти в полномасштабную войну, в столице государства, городе Аранди, были арестованы и преданы огню тридцать четыре низших мага по обвинению в шпионаже на Серсту. Закон о предоставлении некоторым высшим магам в виде исключения права свободно жить в городах к этому моменту был отменен. Дальнейшие чистки похожи одна на другую, а потому перечислять их будет скучно. Кровавый Канцлер неоднократно действовал по любимившейся схеме: каждый раз, когда Танаир сталкивался с внешней или внутренней угрозой, в этом неизменно оказывались виноваты колдуны и на площадях вспыхивали костры. Мой летописец впечатлительный человек, господин де Лантор, он был в ужасе, какие, однако, сволочи эти маги. Есть запись, что однажды один из дознавателей переусердствовал со служебным рвением и раскопал доказательства невиновности только что сожженного. На что Кровавый Канцлер ответил: эти выродки все равно годятся только на то, чтобыдохнуть.

По шее и отчаянно скребущим по горлу пальцам потекло что-то теплое и липкое. Незримая удавка вонзалась все сильнее с каждым словом, Максимильен захрипел. Мысли путались от недостатка воздуха, но одно он понимал точно: не надо было шагать в портал.

— Но все затмила последняя, в 436 году от Падения Шамора. Кровавая резня, начавшаяся в Тан-Фойдене и охватившая полкоролевства. Унесшая жизни трех тысяч человек. Долгая Ночь. Бойня, когда чернь высыпала на улицы, убивая всех, отмеченных черным крестом. Вы всерьез думаете, что я заключу с вами какой-то союз? Люди, творящие такое, годны только на то, чтобыдохнуть, Кровавый Канцлер. Скажите что-нибудь, переубедите меня.

Незримая петля разжалась, Максимильен захрипел, судорожно глотая воздух.

— Можете мне не верить, но я здесь ни при чем. Клянусь Светом.

— Неужели? Всемогуший канцлер Танаира, истреблявший колдунов десятков лет, ни при чем? Придумайте что-нибудь подостовернее.

— Я понимаю, как это звучит. Но это правда. — Это правда, Шамор тебя побери. — Да, я планировал убрать кое-кого в преддверии войны. Позже и без шума. Но такой резни я не хотел. Все началось в Тан-Фойдене и понеслось по Танаиру, словно лесной пожар. Мы с королем пытались остановить бойню, но на это понадобилась неделя.

— Я вам не верю.

— Если слухи не врут, и вы на это способны, прочитайте мои мысли, Ваша Светлость. Я говорю правду.

— Способна. Но есть небольшой нюанс: это убьет вас, канцлер. Даже если на секунду допустить, что все это так, вы не казнили того, кто устроил Долгую Ночь, вы даже не сняли его с должности. Расправа была вам выгодна, Кровавый Канцлер, сомневаюсь, что вы проливали горькие слезы над трупами убитых.

Максимильен молчал.

— Знаете, что мог бы написать об этом дне мой летописец, так любящий воспевать мои подвиги? Что 132 дня 440 года от Падения Шамора Императрица Иссианская принесла смерть Максимильену де Лантору, Кровавому Канцлеру, монстру в человеческом обличье, и этот день стал праздником для всего свободного мира. Но на ваше счастье Императрица Иссианская мудра. Столь мудра, что сдержит порыв уничтожить одно чудовище, дабы не губить тысячи. Я принимаю ваши условия, Кровавый Канцлер. Танаир станет домом для каждого, способного колдовать и нет, но над ним по-прежнему будет развеваться синий флаг. И, в знак доброй воли, я даже обещаю постараться найти вашего сына. А теперь пошел вон.

Какая-то сила подкинула его и швырнула вниз со скалы. В портал.

Колени ударились о деревянный пол, канцлер Танаира застонал и поднялся, оглядывая комнату. Лофт вернула его обратно на постоянный двор. Переговоры прошли успешно.

;

## Глава 20

Из окна кареты открывался прекрасный вид. Алое солнце опускалось за горизонт, посылая на землю прощальные лучи. Зеленели деревья, цвели цветы, с ветки на ветки на ветку порхали птицы. Увы, король всего этого не видел. Его взгляд упирался в стройный ряд спин в синих мундирах.

Карета катилась по тракту в кольце гвардии, обвешанная охранными амулетами, как елка шишками. Не так он привык путешествовать по своим владениям, но выбора нет. Непокойное время, непокойное место. Пустая дорога, опасная сейчас даже для короля. Дорога на Адланис.

Кто-то крикнул, всхрапнули кони, карета остановилась. Иерам высунул голову из окна,

сились разглядеть, что происходит впереди. Наперерез королевскому кортежу кто-то двигался. Кто-то вооруженный.

Руки гвардейцев легли на рукояти мечей. Арбалетчики, как по команде, наложили болты на тетивы. Стража перестроилась, перекрывая дорогу, заслоняя короля спереди. Непокойное время, непокойное место. Не располагающее приветствовать встречных путников.

— Они остановились, Ваше Величество, — отрапортовал начальник гвардии. — Нападать не пытаются. На них наши цвета. Я пошлю четверых людей узнать, кто смеет перегораживать дорогу королю.

— Не надо. Я и так знаю, кто это.

Соединиться условились еще два дня назад в городе Тойне, но Максимильен де Лантор опоздал. Знай король канцлера чуть хуже, принял бы подобную задержку за намеренное оскорбление. Но де Лантор пунктуален до тошноты, он никогда не задерживается без причины.

Карета канцлера ничем не уступала королевской. Украшенная лепниной, покрытая золотом, расписанная в лазурных цветах Танаира, осталось только герб на двери нарисовать. Ничем не уступал королевскому и конвой, многочисленный и вооруженный. А вот это уже на грани. Еще не оскорбление — заявление, нахальное и открытое. Заявление своих прав на его страну.

Де Лантор коротко поклонился и протянул руку, король ее пожал. От канцлера несло неизменным табаком, щеки заросли щетиной, глаза запали. Переживает из-за войны или из-за мальчишки? Скорее всего, из-за того и из-за другого. Так, чего доброго, стыдно станет перед старым то ли врагом, то ли союзником.

Иерам похлопал по двери кареты, почтительно распахнутой гвардейцем.

— Залезай, верный слуга мой канцлер. Нам есть, что обсудить.

\*\*\*

Дорога через полкоролевства не пошла королю на пользу. Иерам, которого Эмиль всегда за глаза называл свином, даже немного спал с лица. Максимильен почувствовал дурацкое неуместное злорадство.

— Хорошо ли вы добрались, Ваше Величество?

Дежурный вопрос, без него не обойтись. Дежурный и бессмысленный. В условиях разгорающейся войны добраться плохо — это когда твою трагическую кончину оплакивают на площади.

— Бывало и лучше. Знаешь, торчать часами в карете ужасно скучно.

— Я разделил вашу беду, Ваше Величество. Надеюсь, это вас немного утешит.

Конечно, утешит. Короля утешит все, что доставляет неудобство канцлеру, и наоборот. Глупое, мальчишеское соперничество. Но лучше оно, чем ненависть.

— Ты опоздал.

— Простите, Ваше Величество. Я исполнял ваши приказы, пришлось задержаться.

Король потянулся.

— И как там наши неблагонадежные элементы? Надеюсь, уже неблагонадежно горят?

— Как факелы. Я устроил несколько показательных казней, как мы и договаривались.

Но слишком не усердствовал. Не стоит нагнетать обстановку еще больше.

— Завидую тебе. Ты наивно веришь, что ее еще есть, куда нагнетать. Что с нападением на Сиду Корале? Раскопал что-нибудь?

— Нет.

— Сочувствую.

Ничего ты не сочувствуешь, старый хряк.

Максимильен прикрыл глаза, размял пальцы. Обмен любезностями окончен, пришло время поговорить о деле. И надеяться, что за это дело его не прикажут вздернуть.

— Я говорил с Лофт.

— Я в курсе. Хорошо бы я был, если бы не знал, кто и каким образом собирается предать меня в моем королевстве.

Надо же, какая осведомленность. А он-то полагал, что все сделал тайно. Толстого борова не стоит недооценивать.

— Я не собираюсь предавать вас.

— Хочешь сказать, не хотел бы до этого доводить?

Осведомленность и откровенность. Да, король. Именно так. Не хотел бы.

Его могут вздернуть на первом же суку за государственную измену. Прямо сейчас. Или просто дать кулаком по морде. Могут приказать отрубить голову мечом. А могут все-таки к нему прислушаться.

Король помолчал минуту, потом махнул рукой, хрюкнул и заложил ноги на подушки.

— Она и правда сумасшедшая?

— Она опасная, Ваше Величество. Но рассудительная. Более рассудительная, чем я предполагал. Нам нужно перемирие. И вам, и мне. И Иссиану, хоть и не настолько сильно.

— Под перемирием ты имеешь ввиду стать марионеткой, которую колдуны буду дергать за ниточки?

Да, Иерам, имею. Выбора у нас нет.

— Под перемирием я имею в виду перемирие. Отсутствие войны. Массовых казней и пожаров. Вашей отрубленной головы на главной площади. Да и моей тоже.

Король хмыкнул.

— А я уж начал бояться, не подменили ли тебя, раз ты вдруг воспылил любовью к колдунам. А это всего лишь страх за свою голову. И взамен у тебя, конечно же, ничего не попросили? Не попросили позволить магическим вырождакам сесть нам на шею, не попросили закрыть лагерь и отменить учет и, полагаю, особенно сильно не попросили стоять в стороне, если великая освободительница решит освободить кого-нибудь из наших соседей.

— Вам так жалко Клемента и Яэнис?

— Мне не жалко Яэнис, а Клементу я и вовсе желаю потонуть в Рааде. Но мне не нравится перспектива оказаться со всех сторон окруженными Иссианом. Поскольку в этом случае мы просуществоем не дольше, чем вон то облако за окном.

— Все даже хуже, она потребовала беспрепятственный проход через наши земли. С условием никого не трогать.

— Обойдется, — сплюнул король. — Надеюсь, хоть этого ты ей не пообещал.

— Нет. Я сказал, что мы это обсудим.

— То есть все остальное ты ведьме гарантировал? От моего имени и имени всего Танаира?

Максимильен не ответил.

— Ты понимаешь, что хочешь сдать страну, Максимильен? Мы превратимся в вассальное государство Иссиана. Будем прыгать и плясать по мановению руки Императрицы, как Тибольд.

— Формально нет.

— Кого волнуют формальности? Хочешь, чтобы любой вшивый колдун пинком открывал дверь в королевский замок?

— Хочу, чтобы от этого замка хоть что-то осталось.

Король откинулся на подушках и вперил тяжелый взгляд в Максимильена.

— Как так получилось, де Лантор? Почему в Иссиане наследный принц никто и ничто, а в Танаире ты, обычный дворянчик, отобрал у меня мою страну?

— Я не отбирал ее у вас.

— О, разумеется, мы ее разделили. Король, делящий власть с кем-то без роду и племени. Да Клемент в Моноре хохочет надо мной. А теперь ты предлагаешь действительно ее отдать. Отдать ведьме. И мы оба с тобой станем собачками на привязи.

— Не отдать, мы заключим перемирие.

— Не бывает хороших перемирий с кем-то сильнее тебя. Таких перемирий, чтобы не плясать под дудку этого кого-то.

— А хороших войн с тем, кто сильнее?

Король потер глаза руками. Выгасил из-за пазухи флягу и залпом выпил. Протянул Максимильену, тот покачал головой. Иерам закрыл глаза и откинулся на подушках.

— Завтра утром мы въедем в Адланис. В город, который трясется от ужаса, ожидая, когда в него вступит южная армия. Город, который сравнивают с землей, вздумай он сопротивляться. Который превратится в побоище и пепелище, кровь и смерть. Мы с тобой правим Танаиром, ты и я. Мы должны его защитить. Пусть наши люди станут кланяться каждому колдуну, но пусть останутся живы.

Король не открывал глаз.

— Будь проклят тот день, когда я взял тебя на службу, де Лантор. Но, как ни мерзко это признавать, на сей раз ты прав. Пей. Пей, это приказ твоего короля!

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Максимильен влил в себя обжигающую жидкость, выпуская из пальцев рукоять спрятанного под полый кинжала. Переставая подсчитывать, сколько людей в его свите и сколько в королевской, сколько подкуплено и сколько нет. Выбросив из головы трогательную речь о предательски убитом на дороге разбойниками монархе. Король оказался благодарен. Не пришлось доводить до того, до чего он доводить не хотел.

\*\*\*

— Чтобы не доводить до того, до чего я доводить не хочу.

Сестра сидела, прикрыв глаза, с бокалом вина с одной руке и пером в другой, небрежно накинув на обнаженное тело халат. Что-то писала, будто случайно заслонив плечом.

— Северная война будет долгой. Долгой и кровавой. И бесполезной.

— И поэтому ты снюхалась с Максимильеном де Лантором, прекрасным человеком, по чьему приказу сожгли всего-то пять сотен магов.

— А заодно подкрепила слухи о своем безумии. Уж поверь, встреча его впечатлила. Не поворачивай все так, будто я от него в восторге, Альберт, этот мясник противен мне гораздо больше, чем тебе. Но мы не зовем его третьим в постель, мы всего лишь подпишем с ним мирный договор. На наших условиях, разумеется.

Констанс аккуратно убрала бумагу в стол, взяла следующую. Все так же закрывая плечом.

— Мы обсуждали это с Исифом и Сафимом. Они считают, я права.

— С Исифом и Сафимом? Меня ты не включила в этот избранный круг?

— Альберт, прекрати. С тобой я обсуждаю это сейчас.

— Ты ведь все равно уже все решила без меня.

Констанс потянулась, налила еще вина. Халат соскользнул с плеч. Она была прекрасной. Прекрасной, умной, сильной, могущественной. Чужой.

— Да. Но я прислушиваюсь к своим советникам. Переубеди меня, если найдешь аргументы. Я их не нахожу.

К своим советникам. Для сестры ты давно уже всего лишь советник, причем даже не первый.

— Аргумент один, мы мечтали завоевать мир, а не торговаться с ним.

— А еще мы когда-то мечтали летать, как птицы. Я не торгуюсь, Альберт. Я проявляю мудрость.

— Трусость ты проявляешь. Трусость и слабость. Заключишь перемирие, и мир перестанет трепетать перед величием Иссианской Империи.

— Засунь себе в задницу величие Иссианской Империи. Величие бесполезнее, чем лепнина в сортире, оно годится лишь для пропагандистских речей. Иссианская Империя будет вкусно есть, спокойно спать и пить сладкие вина, временами посматривая на северных соседей, чтобы не наглели, а не терять золото и людей на бессмысленной войне. В конце концов, за это мы с тобой боролись. За жизнь для наших братьев, хорошую жизнь, а вовсе не за величие. К тому же, все это неважно. Завтра корона Иерама сломается, Альберт. Пусть формально они останутся независимыми, диктовать условия будем мы.

— Тарби против любых переговоров.

— Вместе с Лаэрэдсом и священником? — кисло уточнила Констанс. — Тарби — торгош, которого ты приблизил к себе по непонятной прихоти, не его ума дело лезть в императорские дела.

— Оббид и Лаэрэдс — хорошие люди, зря ты так. А этот торгош — один из богатейших людей в наших провинциях, он приносит в казну больше, чем вся Файизина вместе взятая.

— И продолжит проносить, нравится ему это или нет. Или ему придется почувствовать, что я не так размякла, как ему кажется.

Альберт вздохнул.

— С тобой ведь бесполезно спорить?

— Как и всегда.

— Хорошо. Я с тобой не согласен, но я тебя люблю. Пусть будет так, как ты скажешь. Мы заключим мир. Главное, чтоб северяне не испугались твоих кадоби.

Констанс снова завернулась в халат.

— Как раз здесь мне действительно нужна твоя помощь. Кадоби не будет, я отправила их порталом в Ка-Бодар. Как ты понимаешь, там сейчас проблемы.

— Рассталась со своей любимой личной гвардией? Да ты меня поражаешь.

Сестра пожала плечами.

— Они родом оттуда, кого мне еще посылать? Пусть попытаются усмирить своих, пока восстание не охватило всю провинцию. Думаю, встречу с Иерамом без охраны я как-нибудь переживу. Отбери людей для нашего сопровождения, верных людей. И чтоб умели прилично себя вести: не хотелось бы опозориться перед севером.

— Я распоряжусь. Наконец-то я буду хоть на что-то полезен, а?

— Альберт, ну не начинай.



Принц притянул сестру поближе.

— Извини. Считаю, что начинается новая глава в жизни Иссиана. И в нашей с тобой. Мы снова будем вместе. Без распрей и раздоров, доверяя друг другу. Как раньше.

\*\*\*

Фаирасис, как и обещал, ее нашел. Хорошо хоть не в постели с Альбертом, а в кабинете за работой. Появился из ниоткуда, мрачный, насколько она сведуща в демонских эмоциях.

— Здравствуй, чудище смердявое, пламя изрыгающее, — поздоровалась Констанс.

— Ты пытаешься быть остроумной, Радомат? У тебя не выходит.

Констанс вздохнула.

— А я-то надеялась. Что тебе нужно, демон? Предупреждаю, у меня много дел, даже больше, чем обычно.

— Хочу тебе что-то показать, Радомат.

— Что?

— Увидишь.

Констанс потянулась, откинувшись в кресле.

— Послушай, демон, ты мне надоел. Хватит с меня твоих секретов. Говори прямо или проваливай. Что показать? Чего ты хочешь от меня? Чего вы все хотите от меня, жители Изнанки? Которые, по общему мнению, спят и видят захватить наш мир. Что я помогу вам в этом славном деле?

Демон усмехнулся.

— Меня всегда бесконечно забавляло, как вы это произносите. Изнанка. Каким же самомнением нужно обладать, чтобы считать наш мир всего лишь изнанкой вашего. И какой глупостью, полагая, что мы хотим вас захватить. Это ведь вы разрушили границу между мирами. Вы, колдуны, открыли бреши. А мы много лет безуспешно пытаемся их залатать.

— Зачем? Разве, если два мира соединятся, ваши легионы не ринутся сюда?

— Ты сама не веришь в эту чушь, Радомат.

— Может, и не верю, так просвети меня.

— Если два мира соединятся, погибнет все живое. И виновны в этом будете вы, чародеи.

— И поэтому вы убиваете колдунов? Из мести?

— Из предосторожности. Месть — любимое развлечение вашего мира, не нашего. Каждый из вас опасен. Каждый раз, когда кто-то здесь творит магию, граница между мирами колыхается. Вы разъедаете реальность, точите ее, как капустные черви. В своей глупости и гордыне творите то, с последствиями чего не можете совладать.

— Тогда зачем же ты помогаешь мне? Сдается мне, я опаснее всех остальных.

— Потому что ты Радомат. Обещанная.

— Обещанная кому?

Фаирасис глубоко вздохнул, потянулся и уселся напротив нее. Похоже, говорить он собирался долго.

— Все рушится. Все начало рушиться еще несколько столетий назад, когда Амо Тэрт Виор или, по-вашему, Шамор, заигрался с магией. Обрушил на реальность такую силу, что та не выдержала, и между нашими мирами разверзлись бреши. До этого мы и не подозревали о вашем существовании. Мы не Изнанка вашего мира, Радомат, но мы каким-то образом связаны. Наша местная фауна, которая вам кажется страшными чудовищами, просачивается к вам, мы слышим отголоски вашей магии. И с каждым десятилетием, с каждым годом этих брешей становится все больше. Скоро граница между мирами станет похожа на рыбацкую

сеть, и тогда сюда ринутся настоящие монстры. Поверь, таких ты еще не видела и видеть не захочешь.

— Откуда?

— Из Междумирья.

— Страж, — пробормотала Констанс.

— Поверь, Страж — это цветочки. Причем благоухающие. За границей всех миров живут твари, Радомат, и как раз-таки они спят и видят, чтобы уничтожить здесь все живое. Они все ближе. И нет средства с этим бороться. Кроме одного.

— Объединиться с людьми?

— Не с людьми. С тобой. Ты знаешь, мы способны прозревать будущее. Пусть видения не всегда открывают правду, но это так. Моему отцу было видение. Давно, когда я был еще ребенком, а он был жив. Когда реальность начнет пожирать сама себя, когда великая война погубит один мир и ярким ее пламенем будет объят другой, придет Арра Таэн Радомат, Дева-Буревестница. Та, чья сила всколыхнет моря, сотрясет горы и расколется камни. Великая колдунья, что подчинит себе мир, и мир пойдет за ней, и она спасет этот мир. Или погубит его. Это дева — ты, Констанс, больше просто некому.

Императрица потерла глаза руками.

— Только этого титула мне не хватало для полного счастья.

— Это не повод для смеха, Радомат.

— А я и не смеюсь, Фаирасис. Спасет или погубит? Тогда почему ты веришь в то, что я именно спасу его, а не наоборот?

— А я не верю, Радомат. Но в противном случае мы все равно все умрем, так или иначе. Стоит рискнуть. Теперь ты понимаешь, почему ты важна. Почему я тебя защищаю. Тебя и еще одного, связанного с тобой.

Констанс удивленно посмотрела на демона.

— Еще одного? Альберта?

— Нет.

— Сафима? Шаома?

— Это неважно. Теперь ты, наконец, пойдешь со мной?

— Куда?

Фаирасис пожал плечами.

— В наш мир, разумеется.

— Чтобы меня сожрал Страж?

— Страж нападает лишь на тех, кто застрял между мирами. Тебе он будет неопасен.

Повелительница Магии подняла бровь.

— Зовешь меня на Изнанку? Туда, откуда нельзя вернуться?

— Можно. Если знать, как. Вставай, я научу тебя ходить между мирами. Меня терзает предчувствие, что скоро тебе это понадобится.

Демону не понадобилось ни пентаграмм, ни свечей. Фаирасис начертил что-то в воздухе, пропел на гортанном, неприятном языке, и комната завертелась. Проход через портал был похож на падение в бездну, визит на границу миров — на кошмар, из которого кто-то неведомый выпил все краски, сейчас же ее будто подбросили в небо из катапульты. Констанс зажала рот рукой, пытаясь удержать ужин на месте, закрыла глаза и тут же больно шлепнулась на что-то твердое. Надо полагать, на землю.

Боль пульсирующей лапой пощупала голову. Лофт осторожно помассировала виски,

стараясь не двигать головой. Сейчас ей только мигрени не хватает.

Демон ткнул ее в плечо.

— Радомат? Ты цела?

— Да, — Констанс открыла глаза. Боль, кажется, отступила.

Императрица стояла на коленях. Черные штаны были порваны и перепачканы, ладони содраны, на бедре, похоже, наливался синяк. И почему после каждой встречи с Той стороной должествующая источать величие Повелительница Магии предстает в каком-нибудь непотребном виде?

Лофт осторожно поднялась, опираясь на руку демона. Медленно огляделась.

То, обо что она ударилась так больно, определенно не было землей. Ни землей, ни камнем, ни глиной — сплошной слой непонятного серого и весьма твердого вещества. Впрочем, не такой уж сплошной — кое-где в странной субстанции виднелись выбоины, через которые пробивалась трава. Похоже, в мире демонов тоже цвела весна. Рядом стояла какая-то причудливая жестяная коробочка на колесах.

Никого живого, слава Свету, рядом не было. Покосившаяся постройка, невероятно высокая, выше Иссианского дворца, не похожая ни на что, виденное Констанс, казалось, вот-вот обрушится им на головы. Странные тонкие вышки непонятного назначения, соединенные не менее странными черными канатами, кое-где разорванными. Небо мира демонов было багровым, цвета крови. В воздухе стоял запах гари и какой-то гадости. С востока валил черный дым.

— Это твой мир?

Демон молча кивнул.

— Впечатляет. Точнее, впечатляло. Полагаю, вас постигла какая-то катастрофа.

— Более чем, Радомат.

— Магический катаклизм? — Констанс постаралась, чтобы слова прозвучали сочувственно. У нее слишком много проблем в собственном мире, чтобы оплакивать чужой, но необязательно демонстрировать это Фаирасису.

— Магия тут ни при чем.

— А, ну да. Чудовища. Их же у вас полно.

Коробочка вдруг запищала на непонятном языке, распахнув четыре зеленых глаза на макушке. Констанс отшатнулась.

— Что это?! Чудовище? Оно нападет?

— Нет, он абсолютно безобиден. Мы зовем их роботами.

Робот мигнул огоньком, пискнул последний раз и деловито куда-то поехал. Констанс проводила его потрясенным взглядом.

— Вы обладаете великой магией, Фаирасис. Воистину великой.

— Мы вообще ей не обладаем. Это наука.

— Чуть, наука на такое не способна.

— Ваша — нет. Прости, Радомат, в сравнении с нами у вас вообще нет науки.

Констанс фыркнула. И зашипела, увидев собакоскорпиона, тащившего что-то по земле. Рука Фаирасиса легла ей на плечо.

— Спокойно, Радомат, это всего лишь сантуры, их тут полно.

— Сантуры? Одна из этих тварей прокусила мне ногу.

— Я знаю, мы держим их в качестве домашних питомцев. И в качестве, — демон запнулся, — вы назвали ли бы это бойцовыми псами.

Констанс проводила тварь взглядом. Та устроилась вдалеке от них и принялась разрывать свою находку зубами.

— Что здесь случилось, Фаирасис? Что могло привести к таким разрушениям?

— Война.

Лофт нахмурилась.

— Война без применения магии? Сотворила вот это? Каким же оружием надо воевать?

— Я сказал бы тебе, Радомат, но ты все равно не поймешь. Как видишь, мы в не слишком-то хорошем положении, но мы справимся. Только если наши миры не уничтожат друг друга.

— Зачем ты мне все это показываешь?

— Затем, чтобы ты поняла, что мы не демоны. На самом деле, мы не слишком-то отличаемся от вас.

Констанс помолчала.

— Ты способен найти человека, Фаирасис? Или хотя бы узнать, жив он или нет?

Демон казался удивленным.

— Возможно. Но мне нужны его вещи. Ты хорошо его знаешь?

— Я вообще его не знаю. Меня попросили.

— Повелительница Магии теперь оказывает услуги друзьям?

— Хуже, врагам.

— И кто же это?

— Эмиль де Лантор.

Демон как-то странно усмехнулся.

— Он жив. Я лично этому поспособствовал. Забавно, что ты о нем спрашиваешь. Во второй раз за сегодняшний день.

— Во второй?

— Да. Молодой де Лантор — тот самый человек, о котором я говорил. Тот, кто связан с тобой незримой нитью.

— Что?! Но это же чушь, Фаирасис. Несусветная чушь. Он мой враг.

— И тем не менее, Радомат. Не будет его — не будет и тебя. А не будет тебя — оба наших мира потеряют последнюю надежду.

— Ты меня переоцениваешь.

— Едва ли. Ты — Арра Таэн Радомат, Дева-Буревестница. Щит против зла.

Императрица Иссианская рассмеялась.

— Щит против зла? Я считала себя таковой, Фаирасис. В семнадцать лет, когда моя разношерстная армия завоевывала Ка-Бодар. Я была могущественна, как никто в мире, и преисполнена надежд. Думала, я смогу перестроить мир. Снять с моих братьев и сестер ошейники, потушить четырехсотлетнюю ненависть. Мне казалось: чего проще! Надо лишь покарать жестоких королей и продажных священников, утешить страждущих, накормить голодных. Я представляла, что в мир вновь придет темный владыка вроде Шамора и я повергну его, словно героиня из легенд. Вот только все оказалось иначе. Я шла по Ка-Бодару, захватывая один город за другим, разбивая цепи на чародеях, отправляя на виселицу зажавшихся местных царьков, отбирающих у крестьян последний кусок хлеба. Я кормила людей, поила их, одаривала их милостями. Я думала, теперь они поймут, что колдуны не зло, что их обманывали. Знаешь, что случилось с этими городами через несколько месяцев? То же самое, Фаирасис, то же самое. Не потому, что туда пришел темный владыка. Люди сами

ставили над собой нового уroda, часто хуже прежнего, а на кострах снова начинали корчиться чародеи. И тогда я озверела, Фаирасис. Стала Тафирской Ведьмой, что скачет во главе эскадронов смерти. Мне казалось, если люди не понимают по-хорошему, их научат кровь и огонь. Но это их, конечно же, не научило. И тогда я поняла: зло не ходит в черном плаще в окружении мрачной свиты. Оно повсюду. Каждый день, каждый час я вижу гребаное зло. Оно въелось в этот мир, словно вековая грязь. Оно в достопочтенных матронах, которые подают нищим, но брезгливо отворачиваются, когда отмеченный черным крестом проходит мимо, в солдатах, пьющих, смеющихся, играющих с друзьями в карты, а потом от скуки принимающихся грабить и насиловать, в королях, для которых жизнь крестьянина ничего не стоит, и в крестьянах, спяну избивающих своих жен до полусмерти. И во мне. Кажется, пытаюсь искоренить зло, каждым своим действием я лишь множу его. Так скажи мне, демон, как мне победить зло, раз уж я избранная из вашего пророчества? Перебить всех людей? Может, вы знаете ответ, здесь, в мире победившей науки?

Если демон что-то и ответил Императрице, никто, кроме них двоих, этого не слышал.

;

## Глава 21

Ворота были заперты. То есть совсем.

— А чего ты хочешь от города, где вот-вот разразится война, Эмиль?

— Поесть я от него хочу, — буркнул я. — И поспать. Доставай королевскую подорожную, я помню, она у нас была.

— Была, — подтвердила Сидори.

Я подозрительно прищурился.

— Только не говори, что ты ее потеряла.

— Представь себе, когда мы лазали по лесу по твоей милости.

— По моей?!

— Если бы в Хырхе ты не влез не в свое дело, мы бы спокойно ехали по главной дороге.

В любом случае, нам нужен другой путь в город. Боюсь, заболтать в этот раз не выйдет.

Я покосился на стражников, деловито избивавших не признанного достойным прохода путника. Наверно, бедняга тоже потерял подорожную.

— И как, есть идеи?

— Чисто теоретически можно попробовать пробраться через канализацию.

— Нет! — подпрыгнул я в седле. — И не проси! Даже если ты будешь меня пытаться.

— Не переоценивай свои таланты, Эмиль. Если я буду тебя пытаться, ты через пять минут прыгнешь в нужник. Ну тогда думай. Ты у нас умный.

Комплимент прозвучал с сарказмом, который я предпочел не заметить.

— Прикинемся купцами.

— Купцам тоже нужен пропуск.

— Мы прикинемся очень непонятливыми купцами.

— Как вот этот? — кивнула Сидори на несчастного, которого успели повалить на землю и теперь пинали ногами.

— Ладно, не прикинемся. Тогда воспользуемся самым действенным способом решения проблем всех времен и народов. Дадим взятку.

— На пороге большой войны действенный способ может и не подействовать. Стражники могут решить, что голова им дороже, чем твои десять грошей. Особенно, если за подозрительных личностей власти дадут двадцать. В любом случае, деньги у нас кончились.

Шевели мозгами, Эмиль, пока ты ужасно неоригинален.

Я пошевелил.

— Надо склептоманить у кого-нибудь пропуск. Так сказать, изъять на нужды государства с последующим возмещением убытков. Предположительным.

Сидори кивнула в сторону второй драки, весело разгорающейся поодаль от ворот. Два небольших купеческих обоза увлеченно били друг другу морды.

— Судя по воплям, там как раз кто-то у кого-то что-то склептоманил. Возможно, они даже сделали это обоюдно. Думай, Эмиль, думай.

— Ладно, как скажешь, не хочу, чтобы меня приложили головой о телегу, как того беднягу. Точно, телега!

Сидори недоуменно посмотрела на меня.

— Мы заберемся в какой-нибудь обоз.

— Груз проверяют, не выйдет.

Я лукаво улыбнулся.

— Только не этот.

Сбоку от дороги стояла большая телега, распространяя аромат селедки аж до самого Арамора. Очевидно, в готовящийся к войне Адланис прибывало секретное оружие: если закидать рыбой Алых Всадников, они имеют все шансы передохнуть от вони.

— Ни один стражник не станет копаться в вонючей рыбе. Кстати, можешь, объяснить, зачем они в речной город везут рыбу?

— Это морская рыба, Эмиль. Она не живет в реке.

Я нахмурился.

— Рыба в воде живет! Река, море, какая ей разница.

Сидори закатила глаза.

— В реках и морях разная вода. Морская и пресная. Тебя что, в детстве не учили естественным наукам?

— Учили, но я предпочитал науки более полезные, например, как незаметно стянуть что-нибудь. Речная, морская, глупость какая. Вода мокрая, это все, что о ней надо знать! В любом случае, пошли.

Я потащил Сидори за руку. Хозяева обоза на нас не смотрели: одна половина увлеченно махала кулаками, другая делала ставки и громко подбадривала своих.

— Лезь, — велел я.

— Сюда?! Да мы там задохнемся.

— В таком случае господа купцы очень удивятся, когда начнут выгружать товар. В любом случае, у нас нет выбора. Ты же хотела от меня гениальный план? Вот тебе план.

Сидори кинула на меня убийственный взгляд и нехотя забралась в обоз. Я быстро оглянулся и юркнул за ней.

Мерзкие холодные рыбешки посыпались на меня сверху. Вонь стала просто-таки жуткой, я прижал руки ко рту, с невероятным усилием останавливая рвотный позыв. Если проторчать здесь достаточно долго, и правда можно преставиться. Получил пинок откуда-то сбоку, пнул Сидори в ответ. Судя по возмущенному шипению, попал удачно.

Воз был огромным, можно было спокойно поместиться впятером и заняться групповой любовью. Оставалось надеяться, что стража и правда не станет копаться в по неведомым причинам не переносящей речную воду гадости и мы спокойно проедем за ворота. И чем скорее, тем лучше. Сколько потом от этой вони придется отмываться, я предпочитал не

думать.

Вопли снаружи становились громче, очевидно, драка приближалась к кульминации. Минут через десять обоз трянуло и мы двинулись с места. Я зажал рот руками, чуть не протолкнув себе в глотку очередную рыбешку: качку вкупе с вонью мой организм пережить не мог. От катастрофы спасало только то, что мы сегодня не ужинали.

Телега немного проехала и остановилась, послышались грубые голоса стражников. Слава Свету, очереди на въезде в город в кои-то веки не было: во всем Танаире нашлось немного идиотов, стремящихся в объятия армии Лофт. Очередь, и длинная, еще пару дней назад торчала на выезде, но минувшей ночью выпускать перестали.

Голоса снаружи, из благословенно невоющего мира за пределами телеги, стали громче. Очевидно, стража, как водится, требовала взятку, хозяин обоза сопротивлялся. Ругань продолжалась пару минут и, наконец, стихла. Не знаю, кто победил в великом споре, да меня это и не волновало. Главное, как я и предсказывал, проверять благоухающий обоз никто не полез.

Мы вздрогнули и снова покатались. Через примерно двадцать минут прекрасного путешествия телега, наконец, остановилась. Я предостерегающе пнул Сидори, полезшую было на свободу.

— Ты хочешь вывалиться отсюда у всех на глазах? Подожди, пока они уйдут.

В ответ мне прилетел такой пинок, что я ойкнул. Похоже, мой гениальный план, который колдунья столь настоятельно с меня требовала, ей не понравился.

Снова послышались голоса. Учитывая все, что я знаю о торговцах, хоть знаю я о них немного, нас бросят где-то во дворе и оставят, пока купец с получателем товара не пропустят по кружке пива и не поругаются насчет цены. А значит, как только голоса смолкнут, придет время действовать. Разумеется, оставалась вероятность, что кого-нибудь оставят охранять вонючий груз, но с этим я поделаться ничего не мог. Придется объявить, что мы демоны селедки, пришедшие с Изнанки покарать человечество за пожирание бедной рыбы.

Мы выкарабкались из вонючей гадости, я, ругаясь, вытащил рыбешку из волос и показал возу неприличный жест. Рыбу на ужин я буду не в состоянии есть еще очень долго. Как я и предполагал, мы оказались на заднем дворе какого-то дома. Двор окружал заборчик, перемахнуть через который мог бы даже ребенок. К счастью, излишней предусмотрительностью рыбий купец не страдал, поблизости никого не было. Я примерно прикинул, в какой стороне должен располагаться центр города.

— Ты же знаешь, куда идти? Не разочаровывай меня, я верю, в этом прекрасном месте у вас есть тайная штаб-квартира и вроде того. Не пойдем же мы в таком виде на постоянный двор.

Громовержица кивнула.

— Знаю, не беспокойся. И, ты не поверишь, там даже есть ванна.

\*\*\*

Наверное, никогда в своей жизни я так старательно не мылся. Потратил несколько часов, выскребая мерзкий запах из волос, но полного успеха не достиг. В конце концов, после примерно пятого недовольного бурчания Сидори над моей головой образовалась туча и окатила меня потоком ледяной воды. Я протестующе пискнул, обиженно посмотрел на нее и, так и быть, освободил место омовения. Ванна в штаб-квартире была, увы, одна, и вдвоем мы в ней не помещались.

Сидори управилась за час. Пока мы мылись, к городу незаметно стало подползать утро. Несмотря на накопившуюся усталость, спать совершенно не хотелось. Я вышел на улицу.

Адланис был поделен на две части, нижнюю и верхнюю. Верхняя, как следует из названия, располагалась наверху, на небольшом холме. Из нашего убежища открывался прекрасный вид на аккуратные домики, узкие улицы и толстопузые, словно пивные бочки, храмы. Я окинул городок взглядом.

Адланис пришибло. Это было заметно даже ранним утром: ни одного случайного прохожего, никто не отливает на угол, на улицах даже нищих не было. Я его не винил. Меня бы тоже пришибло, находишься я в десятке миль от величайшей армии в мире. Впрочем, я и находился.

Сидори подошла и встала рядом.

— Пошли спать.

Я покачал головой и поднял глаза вверх. К углу дома была приставлена старая, но вполне функциональная лестница. Сияли звезды, стрекотали сверчки. Завтра вечером все решится. Завтра вечером, возможно, не станет ни нас, ни свободного Танаира. Но это ночь наша, только наша. И я не собираюсь разменивать ее на сон.

Я ловко вскарабкался по лестнице на крышу.

— Залезай! — девушка колебалась. — Да залезай же. Нельзя спать в такую ночь.

Сидори постояла несколько секунд и тоже полезла вверх. Я галантно протянул ей руку.

Город, которому не повезло встать на пути великой армии, лежал под нами. Прекрасный город витражных окон и храмов, бывшая столица Танаира. Слева, насколько хватало глаз, простиралась река, перерезанная шпилем башни Арамор. Башни, которая, без сомнения, войдет в историю. За рекой зеленел лес. Лес понятия не имел ни о каких армиях, ему было все равно.

Над городом, над лесом и рекой, над войной и страхом сияли звезды. Равнодушно и печально. Небо на востоке краснело. Занимался рассвет.

— Здесь так красиво, — тихо сказала Сидори. Я обнял ее за плечи.

Рассветало. Мы сидели, обнявшись. Я понял, что никто и никогда в жизни меня так не обнимал.

Людей внизу становилось все больше. Занимали свое место у прилавков лавочники, плелись на службу чиновники, медленно шел священник, перепоясанный рысой. Вдруг Адланис заволновался, появилась стража, оттеснившая горожан к обочине улицы. Раздались приветственные вопли. В город въезжал король Иерам.

Наверняка и папочка где-то там. Интересно, что он почувствует, когда он увидит меня живым? Обрадуется? Удивится? Или, скорее, и внимания не обратит?

Небо прочертил огненный всполох. Затем второй, третий. Красные точки проносились по небосводу и затухали в темноте.

— Смотри, — прошептал я. — Звезды падают. Может, на наш мир обрушился небесный огонь?

— Дикий Огонь, Эмиль. Есть легенда, что по небу летит Дикий Огонь. Беспощадный и жадный. Он ничего не хочет, он ни о чем не думает, он одержим лишь разрушением и смертью. Он летит и обращает миры в пыль и пепел. Безумцы и герои пытаются бороться с ним, но с ним невозможно бороться. Каждый, кто встает у него на пути, погибает. И в миг его смерти на небе зажигается звезда.

Я заглянул девушке в глаза. Дикий Огонь пожирает все вокруг, огонь ненависти и



страха. Огонь бессмысленной, бесконечной войны. Огонь, подожженный много лет назад, я вижу его отсветы в глазах людей, в пламени костров, на которых корчатся чародеи. Его не потушить и не остановить. Не таким, как мы. От него можно только бежать.

— Сидори, давай уйдем. Уйдем отсюда прямо сейчас. Это не наша война. Она никогда не была нашей. Пусть короли и императоры воюют, пусть мир катится в пропасть, пусть жгут и вешают друг друга, а я так больше не хочу.

Я поцеловал чародейку. Осторожно. Нежно. Не так, как тогда, в амбаре.

Сидори отстранилась и грустно посмотрела на меня. Очень грустно.

— Прости, Эмиль. Я не могу. Пошли вниз.

Я осторожно спустился, подал чародейке руку. Повинуясь внезапному порыву, подхватил девушку на руки и занес в дом, положил на постель. Ты сбежишь. Сбежишь со мной, даже если для этого мне придется тащить тебя на себе.

— Сидори.

Я осторожно расшнуровывал ее рубашку.

— Сидори.

Жестом фокусника я извлек из-за пазухи флягу с вином, протянул девушке. Она улыbnулась, приложила ее к губам.

Я заглянул ей в глаза. Глаза, которые через несколько минут затуманит сон. Прости, колдунья, ты не оставила мне выбора. Я не позволю тебе погубить себя и меня.

План мой был прост, как гнутая подкова: найти в этом Светом забытом месте отца и явиться пред его очи. В то, что Максимильен де Лантор не пожелал присутствовать на переговорах, я не верил, а сам Максимильен де Лантор ни за что не поверит в какое-то глупое пророчество. И уж точно не поверит, что его героем могу стать я. Пусть план короля полетит к Шамору, пусть король и канцлер сцепятся прямо накануне важнейших переговоров, неважно. Главное, что папочка отправит нас с Сидори куда-нибудь в безопасное место, и на этом наша миссия закончится. Чародейка наверняка будет проклинать меня последними словами, когда очнется, но дело уже будет сделано.

Девушка посмотрела на меня в ответ. Вполне себе осмысленно. Очень грустно.

— Прости, Эмиль.

Голову пронзила острая боль, в глазах потемнело, и я рухнул на кровать.

\*\*\*

Очнулся я в одиночестве. Спальня стала для меня тюрьмой: дверь заперта и, я подозревал, дополнительно запечатана магией, окна зарешечены. Связывать не стала, и на том спасибо.

Сидори застала меня старательно выводящим на стене угольком: «Максимильен де Лантор — свинья». Выглядела она усталой и, о чудо, виноватой.

— Свиньей же у тебя был Иерам.

— Иерам лишь по обличию. А отец в душе, что намного важнее! Ты, кстати, тоже свинья, Сидори. большая и жирная.

Девушка присела на стул, скрестила руки на груди и плотно сжала губы. Взглядом со мной она старалась не встречаться.

— Сказал человек, подливший снотворное мне в вино.

— Я пытался нас спасти, дурья ты башка! Что мы можем против Лофт? Почему ты так рвешься сложить голову в Араморе?

— Я не рвусь сложить голову. Ты так ничего и не понял?

— Представь себе, нет. Ты тащила меня сюда с упорством откопавшего трюфель кабана, проигнорировала кучу прекрасных возможностей удрать, заставила лезть через лес, а теперь я и вовсе пленник. Твой фанатизм в служении королю просто не знает границ.

— Я не служу королю. С чего мне служить тому, кто жжет моих братьев и сестер?

— Шириам считает, Лофт еще хуже.

— Шириам может считать все, что ей вздумается. Я не тащила тебя к королю, Эмиль. Я тащила тебя к Лофт.

— Но зачем?!

— Затем, что ты сын Максимильена, конечно же. В обмен на твою жизнь он сдаст Танаир без боя.

Я расхохотался.

— И это твой план? Шантажировать папочку? Сидори, он не мой отец. Он взял меня из дома призрения только потому, что ему нужно было выдавить из народа слезу умиления. Ему четырнадцать лет было на меня наплевать, а потом он и вовсе засадил меня в Сиди Корале. Пили меня на кусочки, он и не взглянет в мою сторону.

— Тебе так кажется, Эмиль. Ты просто обиженный ребенок. Почему, думаешь, король использует тебя втайне от канцлера? Потому что твой отец не позволил бы втянуть тебя в эти игры.

— Мне не кажется. Вся твоя затея — чушь и самоубийство. Думаешь, при правлении Лофт станет лучше? Ты же видела, через что мы проезжали, Сидори. Те, кто вешает, ничем не лучше тех, кто сжигает. Ты же сама говорила держаться подальше и от тех, и от других.

— Я видела, Эмиль. Именно поэтому я хочу спасти тысячи жизней. Если Танаир сдастся без боя, скольких смертей мы избежим? Сколько солдат не погибнет на поле боя?

— Чтобы потом сгнать в петле?

— Повелительница Магии не такая.

— Повелительница Магии, может, и не такая. Только вешать будет не Повелительница Магии и мародерствовать будет тоже не она. Ты предлагаешь впустить в страну армию, оставляющую за собой пепелище.

— Эта армия все равно войдет, так или иначе.

Я глубоко вздохнул.

— Армия войдет, а мы здесь причем? Какого Шамора ты решила героически всех спасти, да еще и максимально идиотским способом? От войны бегут, Сидори. Или наживаются на ней, сидя за высокими стенами, попивая вино и вливая народу в уши всякую чушь, как делал я, но я, насмотревшись на весь этот бардак, раскаялся. На пути у войны не встают грудью, потому что, какой бы могущественной колдуньей ты себя не мнила, против армии грудь у тебя в любом случае слишком хилая.

Сидори молчала, по-прежнему избегая смотреть на меня. Сидела на стуле, выпрямив спину и уставившись в пространство. Грудь, вопреки моему заявлению, у нее была весьма ничего.

— И что ты предлагаешь? Сбежать с тобой?

— Разумеется. Исчезнем отсюда, будто бы нас и не было. Никто нас не найдет. А король с Императрицей пусть делают, что хотят.

— И что тогда у меня будет? — тихо спросила колдунья, наконец-то на меня посмотрев. — Я годы жила с одной этой мыслью, Эмиль. На что-то повлиять, что-то исправить. Кого-то спасти. Искупить свои грехи. Что будет у меня, если сейчас я отступлю,

брошу все и всех?

Я открыл рот и снова закрыл его. Слова замерли на губах, сорвались с них беззвучно, поплыли по комнате, повисли между нами.

«У тебя буду я».

Сидори горько усмехнулась.

— Не прикидывайся, что мечтаешь жить со мной долго и счастливо, де Лантор. Мы — всего лишь случайные попутчики, нашедшие утешение друг в друге. Твои красивые глаза не заменят мне цель всей моей жизни, прости.

Я промолчал. Мы и правда случайные попутчики, не более того. Но от этих слов стало удивительно больно.

— Ты хочешь всех спасти, потому что не смогла спасти своего мужа? — вдруг неожиданно для самого себя спросил я.

Девушка резко вскинула голову. На мгновение ее губы вздрогнули и снова сжались.

— Да.

Я поднялся и тихо подошел к ней. Обнял. Сидори не сопротивлялась.

— Ты сильно любила его?

Девушка долго молчала.

— Я вообще его не любила. Да, не любила, не смотри на меня так. Просто у меня не было никого. Колдунья в Танаире не выживет. Казалось, что таких, как я, нет, что их всех убили. А потом я встретила Шириам, и мы стали держаться вместе. Две ведьмы, каждый день ожидающие костра и вздрагивающие при шагах за окном. Я вышла замуж за ее сына, потому что так для всех было проще. А потом Иссиан стал империей, обрел новую властительницу и невиданную силу. Лофт объявила войну всему миру, публично пообещала прийти на север. Людей охватила паника. И пришла Долгая Ночь. Неделя кровавой резни. Соседи давно подозревали, что кто-то в нашем доме умеет колдовать, но не знали, кто. И из нас троих выбрали Рабана. Забавно, правда? Ты знаешь, что его забили до смерти. Но не знаешь, что это произошло на моих глазах. Его валили наземь, били по голове, а я стояла и смотрела. Я могла обрушить на них молнии, могла заставить небеса разверзнуться, но не сделала этого. Стояла и смотрела. Потому что я знала, что молнии не поразят всех. Что в конце концов я окажусь на земле вместо него. Да, я не любила его. Но рядом с ним я впервые в жизни перестала быть совсем одна. Этого достаточно для того, чтобы его помнить. И теперь я хочу хоть кого-то спасти.

Мы долго сидели вдвоем. Могущественная колдунья, у которой не осталось никого, бредящая несбыточными грезами, и я, пропагандист и лжец, мечтавший в жизни разве что о вкусной еде и молодых девицах.

— Ты пойдешь со мной в Арамор? — наконец тихо спросила Сидори. — Если ты откажешься, мне придется тащить тебя туда силой.

— Пойду, — так же тихо ответил я. — Знаешь, я никогда в жизни не стал бы рисковать собой ради этой страны. Но в ней есть ты. Этого достаточно для того, чтобы ее спасти.

Глава 22

Тан-Фойден издавна славился дождем и шумом. Воплями уличных торговцев, причитаниями нищих, воем избиваемых в подворотне невезучих путников и бранью избивающих. А больше всего шумом славилась главная площадь.

Но сегодня площадь молчала. Замерла, притихла, не решалась подать голос. Люди топтались на месте, испуганно перешептывались, с ужасом и благоговением косились на

отца Гисидора. Площадь предвкушала. Предвкушала смерть.

Костры сложили прямо у подножия кафедрального собора. Много костров. На стене кто-то намалевал портрет Вокары в образе девы Светлых Чертогов с крыльями за спиной. Стирать художество, разумеется, не стали. Якоб Рёгнер стоял рядом с целителем скорбным изваянием, скрестив руки на груди. Настолько, насколько скорбным может быть изваяние, которому хочется пуститься в пляс от радости. Живая девчонка была наместнику, что кость в горле, мертвая же сослужила великую службу. Позволила распалить ненависть, которую так хотела погасить.

Наместник давно уже мечтал спалить к демонам всех, кто ему мешает. Мечтал, но боялся. Что ж, мечты сбываются. Благие намерения Проповедницы все-таки привели город на Изнанку. Девчонка доигралась. Приехала с глупостями и глупо погибла, а город возрыдал и возжелал мести и крови, чем Рёгнер не мог не воспользоваться. Жаль ее. И все-таки этот Аскольд идиот. Неужели он не понимал, как все выйдет.

Колдун валялся на земле в ошейнике со стянутыми за спиной руками. Кровоподтеков на лице почти не было. Били умно, не оставляя следов, не давая молве шанса сделать из палача мученика. Огнетворец зло взглянул на Лара и сплюнул на землю.

Приговоренных сбили в кучу. Вольнодумцы, торговцы, не желавшие делиться выручкой, не в меру умные книжники и просто те, кто как-то сказал неосторожное слово про наместника в таверне. Человек тридцать, не меньше. И это только те, кому предстоит умереть сегодня, в казематах томится как минимум в два раза больше.

— Страшная, невосполнимая потеря для нас всех, — возвестил Гисидор. Вид у него был одухотворенный, совсем как у настоящего святого. Одухотворению немало способствовало сегодняшнее исцеление. Подарившее исцеляемому вечную свободу, но в мирском смысле безуспешное. — Прекрасная юная дева, любимица всего Танаира, пытавшаяся разглядеть свет даже в самых темных душах, доверилась колдунам и погибла. Погибла от рук мерзкого чернокнижника Аскольда Андвана, именуемого Трехпалым, и его приспешников. Ушла навсегда, оставив о себе вечную память. Помолимся же за нее, пусть в Светлых Чертогах она не знает печали.

Площадь опустилась на колени. Помолимся. В конце концов, чем еще заниматься перед казнями?

— Мы протянули руку помощи чернокнижникам, но они ответили нам кровью и смертью. Так пусть же за смертью последует смерть.

Первого приговоренного повели на костер. Лар знал, что еще с утра мужчина сопротивлялся, но его били и били долго. Теперь он присмирел и просто тупо шел вперед.

— Этот противный Свету смерд доносил Аскольду обо всем, что происходит в городе. Я лично видел письма, — торжественно проговорил судья. Смертника привязали к столбу. Противный Свету смерд, будучи зажиточным купцом, как-то проиграл Рёгнеру в кости и не пожелал отдавать долг. Поступок, безусловно, недостойный, но не карающийся смертью. Получи он хоть раз письмо от Аскольда и подойти хоть на милю к лагерю, он бы, скорее всего, обделался от страха.

— Гибель Вокары не останется безнаказанной, — гремел священник. — Все эти мерзкие грешники приложили руку к тому, чтобы несчастная отправилась в Светлые Чертоги. Все они так или иначе помогали колдунам, все они предали Свет и душа их черна. Их смерть послужит наказанием и предостережением всем, кого одолевают темные мысли. Так пусть же огонь очистит их души, огонь охранит этот город от скверны, огонь воздаст им

по заслугам!

На костер возвели второго.

— Хранил у себя запрещенные книги, якшался с чернокнижниками, — зачитывал судья. — Варил зелья, держал черного кота.

Глаза отца Гисидора горели. Рёгнер облизывал растянувшиеся в довольной улыбке губы.

Третий, четвертый, пятый. Столько огня город не видел еще никогда. Погрязший во Тьме город, проклятый город.

— Раздавал листовки, продавал амулеты без лицензии...

— Очистим же свои души, обратим их к Свету и добру! Смотрите, люди, на эти мерзкие исчадия Тьмы и ужасайтесь!

— Укрывал у себя сочувствующих чародеям...

К столбу привязали последнего колдуна. Впрочем, настоящих колдунов тут было разве что трое. Вспыхнул огонь, пока еще тихий и несмелый. Человек на костре смотрел вниз, на подбирающееся к нему пламя, словно не понимая, что происходит. Его пока еще не жарили живо. Он пока еще не кричал.

Бестолково топчущийся рядом с наместником Кириан зажал рот руками. У Рёгнера не было ни одной объективной причины тащить секретаря сюда. Очевидно, лицемерие казни стало наказанием за самовольный побег с Проповедницей.

Я хочу уехать отсюда, понял Лар. Уехать навсегда, бросить дом, посиделки в трактире, вдову с соседней улицы. Бросить службу наместнику, никогда больше не видеть этой поганой рожи. Не видеть этого огня. Этот город отравляет меня. Отравляет каждого, кто сюда попадает.

— Да свершится же возмездие во имя Светозарного!

Костры разгорелись. Люди начали кричать, с каждой секундой все отчаяннее.

— Услышьте эти крики! Ибо не крики они, а песня! Песня искупления, песня во славу Светозарного. Светозарный, спаси эту душу, — проповедовал отец Гисидор. — Спаси и отвори ее от зла. Помолимся же! Помолимся же, ибо лишь молитвой можем уберечь себя от тьмы.

Полыхал огонь, бросая отсветы на лица, превращая их в уродливые маски. Песня во славу Светозарного слилась в дикий, нечеловеческий, невозможный вопль. Лар закрыл глаза. Это и правда проклятый город, и его душу уже давно пожрал огонь. Дикий огонь.

\*\*\*

Столько костров Аскольд видел впервые. Как глупо получилось: погибаешь сам и погубил всех. Какой же ты идиот, Андван.

Как и обещал, наместник не стал жечь его сразу. Оставил напоследок.

Вариас, Намир, Борид. Тройка тех, кто действительно помогал его банде. Аскольд знал всех по именам. Он обещал им, что сможет их защитить, что их не раскроют. Что они не сгорят. Грош цена его обещаниям.

Он подвел этих людей, но вряд ли сейчас они думали об этом. Они вообще ни о чем не думали, потому что огонь уже лизал им ноги. Кричали отчаянно и нечеловечески, как скоро будет кричать он сам.

— За прекрасную Вокару, да упокоится в Свете ее душа! Сколько добра она могла бы натворить, если бы ее предательски не убили. Клянусь Светом, я отдал бы все, чтобы вернуть ее к жизни!

Это Рёгнер. Светозарный, Великое Древо, Черные Отцы, хоть какой-нибудь бог, если он

вдруг есть на свете. Пусть эта тварь сдохнет. Сдохнет в муках, так, как ему мечталось, больше он ни о чем не просит.

— Помолимся же вновь за душу Проповедницы. Если бы она была здесь...

— Она здесь.

Аскольд дернулся, насколько позволяли веревки. Алавет. Алавет с остатками колдунов и рядом Вокара с приставленным к горлу кинжалом. Какого Шамора?!

Девчонка смотрела на Рёгнера. Испуганными глазами, слишком испуганными. Она же умерла, умерла, с такой раной не живут, он видел текущую изо рта кровь. Ни один целитель не сможет вылечить себя с кинжалом в спине.

Кириан или как там его, неудачливый кавалер Вокары, ошивающийся рядом с наместником, смотрел на Проповедницу во все глаза. Отец Гисидор открыл и закрыл рот, словно несказанные слова провалились обратно к нему в гортань.

Как они вообще здесь оказались, как прорвались на площадь? Шамор, порталом, конечно же, он задает глупые вопросы.

Алавет сделал шаг вперед.

— Ваша Проповедница у нас. Отдайте нам нашего командира, и она останется в живых.

Рёгнер молчал. Губы колдуна сами собой расползлись в ухмылке. Что, нравится, наместник? Ты попался в собственную ловушку, подняв мертвую Проповедницу на свое знамя. Посмотрим, что ты теперь будешь делать с живой.

По горлу Вокары потекла тонкая струйка крови. Взгляд Проповедницы перебежал с одного обуглившегося тела на другое, руки дрожали, губы были искусаны в кровь. Подобное зрелище не для нее.

В толпе послышалось бормотание. Жажда убийства боролась в горожанах с симпатией к синеглазой деве.

Наместник молчал, затравленно озираясь. Наконец, Рёгнер разлепил губы.

— Убивайте. Это не помешает нам свершить справедливость.

Толпа всколыхнулась, словно море.

— Это как же ж убивайте. Деву юную и убивать? Колдуна ж судят за убийство. А вот она, живехонька, значит, и убийства никакого не было.

Народ загомонил. Аскольд хмыкнул, оценив убедительность аргумента. Пару сотен других убийств, очевидно, ему уже простили.

Солдаты, стерегущие Аскольда, переминались с ноги на ногу. Наместник сделал знак тащить колдуна на костер, те не отреагировали. Алавет молча стоял посреди площади, прижимая к горлу Проповедницы кинжал. Никто не шевелился, словно все вдруг обратились в восковые фигуры. Секретарь наместника осторожно сделал шаг вбок.

— На костер его! — повысил голос Рёгнер.

— Помолимся, — взвыл Гисидор, но их не слушали. Солдаты стояли неподвижно. Секунду, другую, а потом нехотя повернулись и попытались подхватить колдуна под руки.

Аскольд почувствовал прикосновение к шее. Кто-то неумело расстегивал ошейник.

— Вы ее только не трогайте. Прошу, она ведь вам ничего не сделала. Отпустите ее и уходите.

Кириан. Дурак, влюбленный дурак, готовый на все ради своей синеглазой дамы. Где он ключ взял, спер у Рёгнера?

Аскольд кивнул юнцу, то ли благодаря, то ли обещая, запалил связывающую руки веревку, морщась от жара, и врзал огнем по обоим солдатам разом. Те взвыли, рухнув на

землю.

Наместник аж подскочил, повернувшись к нему. Оценил ситуацию, открыл рот и снова его захлопнул. Аскольд, пакостно улыбаясь, поднимался с земли.

Алавет убрал кинжал от горла Проповедницы. Та осталась стоять, не делая никаких попыток убежать. Аскольд не слишком-то удивился.

— Ты... Ты... — Наместник вращал глазами, переводя взгляд с Аскольда на Вокару и обратно. Казалось, красная рожа сейчас лопнет от напряжения. — Ах ты тварь, — вдруг заорал Рёгнер, обернувшись к Проповеднице. — Столичная тварь, шлюха! Подстилка колдунов! Приперлась сюда и решила мне все испортить!

— Заткнись, Рёгнер.

Аскольд сделал шаг вперед. Сейчас ты все-таки умрешь, Рёгнер. Как долго я об этом мечтал.

— Стоять! — взвизгнул наместник. — Не сметь!

Глаза Рёгнера затравленно перебегали с Аскольда на Алавета и вдруг остановились на мальчишке. Тот все еще стоял за спиной Аскольда с ключами от ошейника в руке.

— Предатель! — взвыл Рёгнер и бросился к нему. Аскольд инстинктивно дернулся, пытаясь схватить его за шкуру, но наместник проявил неожиданную прыть. Схватил юнца за волосы и перерезал ему горло. — Сраный предатель!

Аскольд выругался. Гребаный садист! Если кто-то на этой площади и недостойн смерти, так это юнец. Занес руку, чтобы спалить эту красную рожу. Встретился взглядом с Вокарой. Губы девушки дрожали.

— Умри, — глухим, задушенным голосом прошептала Проповедница.

А потом Якоб Рёгнер бросился в костер. Метнулся прямо в огонь и остался стоять в центре пламени. Без движения, без крика.

Отец Гисидор замолк на полуслове, поперхнулся, и кинулся в огонь следом за ним. Казалось, священника тащит туда неподвластная ему сила, он махал руками, нелепо дергался, словно пытаясь устоять на месте, но ноги ему не повиновались. А почему бы и самому не шагнуть в костер? Должно быть, там тепло. Тепло и хорошо... Колдун тряхнул головой.

«Я обладаю даром убеждения...»

«Шамор был целителем, как и я».

«Здесь прошел менталист, я точно знаю».

«Чудовища, что не хотят быть чудовищами...»

Аскольд взглянул на Алавета. Колдун смотрел в пространство, как и остальные члены его отряда. Стоял на месте, но не делал попыток никого остановить. Судья, еще несколько минут назад зачитывавший приговоры, повернулся и, словно голем, пошел в огонь. Пошли в огонь солдаты, покалеченные Аскольдом, площадь всколыхнулась. Люди медленно, с остекленевшими глазами, двинулись вперед.

Посреди всего этого, воздев руки к небу, стояла Проповедница. Взгляд ее был бессмысленным. Зрачки в синих глазах почти исчезли.

«Шамор вернется. И тогда вскипят моря, птицы рухнут с неба, а земля покроется пеплом. Он поработит разумы людей, и люди пойдут за ним на заклятие, и настанет конец мира...». Как можно было не догадаться?!

— Шамор! — прошипел Аскольд. Популярное ругательство подходило моменту как нельзя лучше. Девчонку надо привести в чувство.

Какой-то мужчина с пустым взглядом попытался пройти мимо колдуна. Аскольд с размаху залепил ему пощечину. Тот пошатнулся, перевел взгляд на мага, по-прежнему пустой. Огнетворец врезал ему еще и еще, из носа потекла кровь.

— Какого... — потрясенно пробормотал незнакомец. — Ежа мне в штаны!

— Останови их! — рявкнул Аскольд, кивая на лезущую в пламя толпу. — Пока они все здесь заживо не изжарились!

Мужчина кивнул и бросился к людям, неуклюже пытаясь оттеснить их от огня. Аскольд протолкался к Проповеднице и изо всех сил ударил ее по лицу. Синие глаза погасли, мгновение менталистка растерянно смотрела на него. Раздался отчаянный, нечеловеческий многоголосый крик. Сгорающие заживо кинулись прочь.

— Какого...

— Какого Шамора? — ехидно переспросил Аскольд. — Тех, в деревне, тоже ты?

— Я не хотела, — прошептала девушка. — Не хотела. Они хотели повесить ученика кузнеца. Я просто приказала им жить в мире. Я не думала, что так выйдет. Не хотела лишать их разума.

— Очевидно, люди, имеющие разум, в мире жить просто не могут.

Проповедница оглянулась, увидела полыхающих людей, зажала рот руками.

— Это все я?!

— Нет, — соврал Аскольд. — Объясню потом. Сложный план, можно было просто явиться и потребовать меня освободить.

— Меня бы не послушали.

Колдун поднял бровь.

— Да неужели? Ладно, уходим отсюда.

Наместник был еще жив. Он взвыл, молотя руками по полыхающей одежде, заметался кругами по площади, словно живой факел. «Ты сгоришь не сразу, о, не сразу. Гисидор позаботится о том, чтобы твои раны затягивались, аки на Светозарном».

Пламя, которое вот-вот должно было изжарить наместника до смерти, вдруг уменьшилось, повинувшись знаку Аскольда Андвана. Мага огня.

Рёгнер этого не заметил. С воплем он неслся, не разбирая дороги. Люди шарахались от полыхающего наместника. Никто не видел, как огонь с мечущегося в агонии тела перекинулся на чей-то дом.

Пламя объяло город в мгновение ока. Оно пожирало казармы, танцевало на ратуше и кафедральном соборе. Обжигало, забивало легкие удушливым дымом, погребало людей под крышами рушащихся домов. Город превратился в огненную ловушку.

И тут ударил колокол. Один раз, второй, третий, гулко, протяжно, заглушая вопли боли. Дурной знак, гримы бьют в колокола.

— Открывай портал!

Проповедница не отреагировала. Аскольд сильно встряхнул ее за плечи.

— Открывай портал, женщина!

— Мы не можем сбежать! Все эти люди...

— Умрут! Но это не значит, что нужно умирать вместе с ними!

Проповедница вытянула трясущиеся руки вперед. В пространстве открылась дыра. Первыми в портале, повинувшись знаку Аскольда, исчезли Алавет и его колдуны. Рядом испуганно топтался давешний мужик, который ругался ежами. Аскольд пожал плечами и указал ему на портал. Протолкнул Проповедницу и, наконец, зашел сам. Туда, где он только



что стоял, рухнул кусок горящего дерева.

\*\*\*

Они сидели на холме. Высоком холме с прекрасным видом на Тан-Фойден.

Аскольд безразлично смотрел на свою воплотившуюся мечту. Черный дым и языки пламени, мечущиеся в ужасе крошечные фигурки и рвущаяся к выходу, наступающая друг на друга толпа.

Сколько долгих дней ты мечтал об этом. Представлял, как все они умрут, как ты лично устроишь им вторую Долгую Ночь. А теперь ты не чувствуешь ничего. Только пустоту.

Месть свершилась. Ему больше нечего здесь делать.

Алавет сидел рядом и молчал. Молчали все. Проповедница куталась в плащ, по щекам ее текли слезы. Колдун обнял ее одной рукой.

— Я чудовище, Аскольд, чудовище...

— Может, поэтому мы с тобой так быстро и нашли общий язык. Привыкай, женщина, быть чудовищем не так уж и плохо. Местами это забавляет.

Внизу что-то грохнуло, и статуи над воротами повалились на землю, закрывая проход. Стражи, защищавшие город от зла. Проклятый город Тан-Фойден погибал, не спасенный ни молитвой, ни своими заступниками.

— И пал презренный черный город, — медленно проговорил Аскольд, глядя, как пламя охватывает ворота, — пороков мерзкое гнездо. Прославьте же героя, люди. Есть здесь герои?

Никто ему не ответил.

Любитель ежей повернулся к нему и, запинаясь, пробормотал, ужасаясь собственной смелости:

— Господин колдун, что же теперь будет? Куда же нам теперь?

Аскольд пожал плечами.

— Как — куда? Все дороги ведут в Иссиан. К тому же, я обещал познакомить наше чудовище с одним великим деятелем эпохи.

;

## Глава 23

Город ждал. Максимильен чувствовал это, видел в испуганных глазах людей, слышал в их голосах. Ждал, заколачивал ставни, запирали двери, готовился к самому худшему. Ждал беды, идущей с юга. И робко надеялся, что все же обойдется. Надеялся на него, на них с Иерамом. На двух своих правителей, в кои-то веки хоть в чем-то друг с другом согласившихся.

Этот город не должен пасть. Город, когда-то положивший начало Танаиру, город рыбаков и суконных лавок не может обратиться в пепелище. Вчера утром Максимильен заметил две фигуры, сидящие на крыше. Влюбленные или просто те, кому не спится на рассвете. На мгновение в одной из них ему почудился Эмиль.

Вчера канцлер получил послание. Обнаружил его, проснувшись, на собственной гербовой бумаге. Написанное соком марции, так похожим на кровь, в ироничном стиле Повелительницы Магии. В послании было всего три слова: «твой сын жив».

Королевская делегация, само собой, заняла лучшую резиденцию в городе, то есть дом бургомистра. Сам бургомистр был просто-таки неприкрыто счастлив, получив, наконец, возможность спихнуть все проблемы на высокое начальство. Расшаркивался, прыгал вокруг короля с канцлером, только что руки не целовал, и безропотно позволил распоряжаться всем гвардейцам в синем. Впрочем, если все пройдет гладко, в чем канцлер сомневался,

неудобства ему придется терпеть недолго. Они торжественно придут в Черную башню, не менее торжественно подпишут мир с Империей и все так же торжественно отбудут восвояси, надеясь, что благоразумная и верная своему слову Темная не предаст город огню, как только последний гвардеец скроется за поворотом. В благоразумие Лофт Максимильтен, как ни странно, верил, в то, что переговоры пройдут нормально — нет. Просто потому, что в этом Светом забытом мире нормально не идет ничего.

Король с самого утра хмурился все больше и больше, временами поглядывая в окно. Словно ожидал найти в городе что-то или кого-то, но не нашел. Занятно, неплохо бы узнать, в чем же дело, но сейчас не до их бесконечного противостояния с Иерамом. Об интригах короля можно подумать после.

Королевский кортеж нарочито медленно катился по узким улицам Адланиса, выбрав отнюдь не прямой путь до башни. Пусть народ видит, что сам король приехал их защитить, сказал Иерам, и канцлер с ним согласился. Максимильтен не сомневался, что прыгающий от радости бургомистр заплатил не одному десятку человек, чтобы те при виде высоких особ оглашали улицы радостными криками, но все равно приветствовали их как-то вяло. Те, кто поумнее, сбежали из города еще до того, как поступил приказ закрыть ворота, остались дети, старики и те, кому слишком не хотелось сниматься с места. И колдуны. Низшие маги Адланиса, еще несколько месяцев назад боявшиеся выходить на улицу, были спешно вынуты из темниц и освобождены от половины налогов королевским указом. Не стоит лишний раз злить Темную, пусть видит, что ее драгоценных чернокнижников никто не трогает.

Вот и башня Арамор. Башня на реке, которая, без сомнения, войдет в историю. Сегодня впервые за четыреста сорок лет король пожмет руку колдуну. Впервые за всю историю Танаир будет плясать под чью-то дудку. Пусть так. Лучше так, чем война, чем кровь и огонь. Крови и огня в мире и так слишком много.

У подножия башни простиралась центральная площадь Адланиса, способная вместить половину города. Судя по собравшейся толпе, она иместила. Людское море расступалось, ведомое благоговением перед королем и, что немаловажно, тычками алебард, и смыкалось вновь, стоило каретам проехать. Ничего удивительного, что на улицах так пустынно. Похоже, весь народ здесь.

У подножия башни их уже ждали. Шесть мужчин и две женщины в алых иссианских одеждах с церемониальными посохами в руках, застывшие на ступенях. Смуглые, но выглядящие вполне цивилизованно. Где же кадоби, знаменитая гвардия императрицы?

Иссианцы, как один, отсалютовали им посохами. Максимильтен невольно поежился. Боевые маги, чернокнижники, каждый из которых, без сомнения, слышал сотни историй о зверствах Кровавого Канцлера. О полыхающих кострах, отяжелевших от трупов виселицах и сожженных деревнях, чьи жители решились укрывать колдунов. Каждый из них мечтает всадить клинок ему в живот или сделать что-нибудь похуже, соразмерно своим колдовским способностям. Оставалось надеяться, что не всадят. Но крайней мере, не сегодня.

Король грузно выбрался из своей кареты, опираясь на руку гвардейца. Максимильтен, выждав полминуты, выпрыгнул следом и скромно встал за правым плечом монарха. Пусть власти в руках канцлера не меньше, а то и больше, чем у Иерама, сегодня он будет демонстрировать полную покорность. Покорность и благоговение перед Иерамом Вторым, Светом данным королем Танаира, щитом государства, его защитником и опорой.

Короля и канцлера окружила восьмерка гвардейцев, и они медленно двинулись к воротам башни. Восемь первоклассно обученных, но все же обычных людей, против

восьмерых колдунов, способных обращать кровь в лед и кости в пепел. Максимильен потрогал амулет на груди. Такой же, как на шее короля, редкий и баснословно дорогой, защищающий от колдовских чар. По крайней мере, хочется в это верить.

Ворота со стуком распахнулись перед ними. Сами по себе, как по волшебству. Точнее, именно по волшебству. Небольшая демонстрация силы от посольства Иссиана.

Медленно вверх по ступеням Черной башни. Максимильен попытался вспомнить, когда был здесь в последний раз. Без сомнения, очень давно. Башня Арамор, где когда-то Танаир был объявлен единым государством, где жили короли, начинались и заканчивались войны. Гордо возвышавшаяся над бывшей столицей, пока Танаир не стал стремительно расти. Канцлер беззвучно выругался, преодолевая очередную ступеньку. Проводить переговоры на последнем этаже, безусловно, символично, но тащить себя вверх с каждым шагом становилось все труднее. Так и подкрадывается старость. Остается радоваться, что толстому королю, без сомнения, приходится тяжелее.

Наконец, перед носом короля и канцлера выросла и все так же мгновенно распахнулась последняя дверь. Максимильен невольно затаил дыхание. За долгие годы воспоминания о прекрасном убранстве Арамора стерлись и истлели. И слава Свету: Черная башня стоит того чтобы увидеть ее снова, словно в первый раз.

Мебель была вырезана из камня. Розового, невероятно редкого и дорого камня, привезенного из самого Лухуунда, искрящегося на солнце. Два длинных стола, окружающие их обитые парчой кресла, витражные окна. Весь потолок занимала искусная роспись, рассказывающая историю падения Шамора. Кажется, все росписи во всех башнях, храмах и замках мира ее рассказывают. Черный, похожий на демона, старик в балахоне с криком падал в разверзнувшуюся тьму, где его уже ждали жуткие зубастые твари. С другой стороны Святой Иодар с мудрой улыбкой возносился на небеса. Герой поверг злодея, Свет победил Тьму. Если бы в жизни все было настолько просто.

За дальним столом восседала женщина, совсем не похожая на ту, с которой он беседовал на вершине горы. Уложенные в сложную прическу волосы, сверкающая камнями диадема, вышитое золотом алое платье. Императрица, славящаяся любовью к практичным черным одеждам и ненавистью к украшениям, решила все же недолго побыть Императрицей. Констанс взглянула на Максимильена и чуть кивнула в знак приветствия. Иерам выразительно поднял бровь.

Слева от Констанс сидел мрачный сероглазый мужчина, чем-то неувовимо на нее похожий. Слева, не справа. Разведка не врет, брат и любовник Темной и правда имеет не слишком большой вес при дворе. А смуглый старик справа с покрытым морщинами лицом, очевидно, тот самый доктор, неизвестно как умудрившийся войти в доверие к Императрице. Доктор, по обычаю Цидамира, сложил руки перед лицом и склонил голову, Максимильен ответил простым поклоном. Советник приветствует советника, Императрица поприветствует короля. Длинно и витиевато, как положено по древнему обычаю.

— Владыка Танаирский, — Повелительница Магии уместила приветствие в два слова. Чернокнижница, как доказывала неоднократно, на обычаи плевала.

— Императрица Иссианская.

Король грузно уселся в кресло, Максимильен занял место справа от него. Двое танаирцев против троих имперцев. Стоило взять с собой еще кого-нибудь для симметрии.

Сухощавый старик, кряхтя, выбрался на середину зала, туда, где между ними стоял небольшой резной столик. Подуй ветерок, и беднягу унесет прямо в окно.

Церемониймейстера выбирали долго и нудно, ибо, дабы никого не оскорбить, он должен был быть не танаирцем, не иссианцем и, что еще важнее, не идиотом. В итоге остановились на мэтре Вордере из Нордского Университета, таком старом, что он, кажется, сам не помнил, откуда происходил родом. Борода церемониймейстера практически подметала ковер, ноги шаркали по полу. Стар и благообразен, вот-вот песок посыплется, как раз то, что надо.

— Мы собрались сегодня, — начал старичок, старательно зачитывая речь со свитка. Даже голос у него был какой-то сухой.

— Мы знаем, зачем мы собрались, — перебила Императрица, взмахнув рукой, словно обрубая речь старика. — Не за тем, чтобы болтать о ерунде и бесконечно повторять одно и то же. У тебя, Иерам, наверняка есть дела, и у меня тоже. Так что давай просто подпишем этот шаморов договор, пообещаем не пытаться друг друга поубивать и разойдемся.

Король довольно хрюкнул. Похоже, прямолинейность Лофт ему понравилась. Принц бросил на сестру короткий взгляд, значения которого Максимильтен не смог понять, и отвернулся.

Двое стражников, алый и синий, вынесли на середину зала массивные песочные часы, поставили на столик и почтительно отошли. Красивый цидамирский обычай. Нетрудно догадаться, кто научил ему Императрицу. Обычай предполагал специально обученного человека, долженствующего их перевернуть, но Иссиан славился модернизированием чужих традиций. По мановению руки Лофт часы взмыли в воздух.

— Обратите лица свои к друг другу, вы, чьи сердца были полны ненависти, а умы темных помыслов, — шуршал старичок. — Посмотрите друг на друга и скажите: вот друг мой, против коего я не замышляю зла. Пока течет песок в часах, пусть каждый отринет вражду и ненависть и обратится душой к добру. Ибо сегодня мы скрепляем мир между великой империей Иссиан и славным королевством Танаир. Подойди, Констанс, Императрица Иссианская, Владыка Ка-Бодара, Виды, Табирада, Исринда, Валениса, Амара Кории и Новой Файизины. Подойди, Иерам, Владыка Танаирский. Пока течет песок в часах загляните друг другу в глаза и прочтите в них обещание вечного мира.

Король, сопровождаемый двумя выбранными для этой почетной миссии синими, грузно поднялся с кресла и пошел к часам. Навстречу ему двинулась Лофт в окружении двух колдунов. Даже сейчас чернокнижница не пожелала выпустить трость. Струящееся алое платье удивительно ей не шло. Шаг, еще шаг в полной тишине. Песок падал.

Монархи встали друг напротив друга, по обе стороны висящих в воздухе часов. Массивная фигура в синем и тонкая в алом. Юг и север, люди и колдуны, решившие заключить хрупкий мир.

Песок падал. Безмолвными статуями стояли гвардейцы, облаченные в военные мундиры с одной стороны и в алые мантии с другой. Почтительно склонившись, стоял церемониймейстер, спокойно улыбался доктор, посматривал на Императрицу ее брат. Песок падал. Что-то было не так.

Не так в кривой улыбке принца Альберта, не так в напряженных лицах стоящих на страже колдунов. Слишком напряженных для мирных переговоров. Максимильтен чувствовал опасность, ощущал ее кожей. В этом зале что-то произойдет. Произойдет сейчас.

Лицо Императрицы: усталое, строгое и даже какое-то одухотворенное. Непохожее на лицо человека, замыслившего предательство, но кого это волнует. Максимильтен видел много предателей, некоторые из них казались почти святыми.

— Скрепим же мир, Императрица Констанс Иссианская. Скрепим же мир, король Иерам Танаирский.

Иерам протянул Императрице руку. Захотелось остановить его, крикнуть: «беги», но это было бы безумием. Вместо этого Максимильен бросил быстрый взгляд на дверь. Путь к отступлению преграждали двое красных.

Король потряс белую ладонь Тафирской Ведьмы.

— Никогда бы не подумал, что это случится.

Лофт что-то хмыкнула в ответ. Алый гвардеец сделал шаг к королю. Почти незаметный. Максимильен все-таки заорал:

— Иерам!

Поздно. Колдун резко схватил короля за волосы, запрокинул голову, в руке блеснул клинок. Король Иерам Второй, Владыка Танаирский, его соратник и соперник, свалился с перерезанным горлом. Амулеты защищали от магии, но никто не догадался защититься от обычного ножа.

В башне начался хаос. Лофт бросилась к королю, вид у нее был ошарашенный. Так это все братец? Решил разом ужокошить правителей Танаира и заодно надоевшую сестру?! Шамор, какой же он идиот. Опасаться предательства от Лофт, но совсем сбросить со счетов принца.

В спину Повелительницы Магии полетело заклинание. Максимильен сам не понял, как выкрикнул:

— Пригнись!

Лофт бросилась на пол, ледяной гарпун с оглушительным звоном врезался в стеклянный витраж, тот разлетелся. Заорал кто-то, кому осколок впился в лицо. Колдуны бросались на свою Императрицу, швыряющую заклинания направо и налево, и падали замертво. О Максимильене все забыли.

Наверное, нужно было что-то сделать. Броситься к мертвому королю, попытаться помочь Лофт, вдруг превратившейся из злейшего врага практически в союзницу. Герой бы так и поступил и погиб бы, бессмысленно и бесполезно. Канцлер не был героем. Всего лишь стареющим человеком, который все в своей жизни сделал не так. Но к мертвому королю он все же бросился.

Пользуясь всеобщим хаосом, Максимильен подскочил к Иераму. Мимо просвистел нож, полоснул по щеке и воткнулся в дверной косяк. По лицу потекла липкая горячая кровь. Канцлер сорвал в шею Иерама медальон. Король всегда был осторожен и далеко не так глуп, хоть иногда и казался таковым, карманный телепорт, один из немногих артефактов, оставшихся от дошаморовой эпохи, он всегда носил с собой. Теперь он ему уже не понадобится.

Максимильен сжал теплый камень в руке, пробормотал магическую формулу. Последнее, что увидел канцлер перед тем, как упасть на пол летней королевской резиденции, — падающего замертво церемониймейстера. И исчез из ставшей западной башни, из обреченного города Адланиса.

\*\*\*

Он предал ее. Альберт предал ее!

Ее любовник, ее младший брат, тот, кого она вечно тащила за собой, кого защищала в детстве, кому утирала слезы и поверяла свои мечты. Альберт, не способный ни на что толковое, ее вечная тень, такой надоедливый и такой дорогой. Как он мог? Как он посмел?!

Констанс увернулась от ледяного болта, из пальцев вырвался поток пламени, и один из алых гвардейцев с воплем покатился по полу, пытаясь потушить пожирающий его огонь. Свет, какой же надо быть идиоткой, чтобы самой попросить Альберта набрать людей. Они все здесь предатели, все подкуплены братом. Все, кроме Шаома.

Доктор дернулся вперед. К ней. Глупо, самоубийственно, в отчаянной попытке защитить свою названную дочь. Констанс быстро открыла портал, и Исиф с размаху провалился в пустоту. Вниз, в город, в безопасность. Здесь он будет только мешать.

— Альберт, что ты творишь?!

Метательный нож просвистел над ухом, в глаза ей брызнула земля из валяющегося на полу горшка с каким-то растением. Надо же, Альберт нашел могучее боевое применение своим способностям. Повелителей Земли всегда негласно считали самыми слабыми из стихийников, возможно, поэтому братец вырос таким злым.

— То, что давно пора было сделать! Что, ты удивлена, Констанс? У тебя и в мыслях не было, что я способен против тебя пойти!

— Ты и не способен против меня пойти. Заканчивай этот балаган, пока я по-настоящему не разозлилась.

Шамор, ей угрожает Альберт. Альберт! Мальчишка, не владеющий даже пятой частью ее силы.

— О да, ты всегда меня презирала. Считала ни на что не годным.

Увернуться от огненного потока, врезать тростью одному, услышать, как хрустят кости, запалить мантию на втором. Констанс снова крутанула трость, отбросила бесполезный футляр и выхватила меч.

— И из-за этого ты решил меня убить?!

— Мне надоело, Констанс! Твоя кислая мина, твои умные речи, твоя неспособность никому доверять. Твоя свита, что вечно за тобой бегают. Твой идиот-доктор, что вечно молится великому кактусу. Надоело быть твоей тенью! Ты презираешь меня, всегда презирала! А знаешь, что меня доконало?! Что ты сбежала из моей постели, стоило поманить тебя пальцем! У великой Императрицы есть дела поважнее, чем я. Вот только ты больше не великая. Ты размякла, постарела, ты больше не способна делать то, что должно. А я способен. Я приведу Иссиан к величию, Констанс. Без тебя.

— Альберт, опомнись! Мы ведь были вместе. Всегда вместе, против всего мира!

— Это ты была против всего мира, а мне просто приходилось таскаться за тобой.

— Ты хочешь свергнуть мир в войну!

— Да! — рявкнул Альберт. — В войну, и Алое знамя взвевается над всем севером!

Толстый северный король валяется на полу с перерезанным горлом. Вот и все, не надо быть вещуньей, чтобы предсказать, что никакого перемирия не будет. Кровавого Канцлера нигде не видно, неужели удрал? Альберт, гребаный Альберт, ты сорвал все мои планы, а все ведь шло так хорошо! Ты об этом пожалеешь.

Констанс полоснула клинком по шее одного из алых гвардейцев, тот рухнул. Предатели бросались на нее и погибали один за другим.

Какая глупость, какая чудовищная глупость посметь поднять руку на Повелительницу Магии. Многие из мертвых лиц она знала, кто-то многим был ей обязан. Какая чудовищная глупость, какая чудовищная подлость.

Кровь из чьих-то разрубленных артерий брызжет в лицо, руки в крови, меч в крови, в крови все. Синие и красные тела, куски тел валяются друг на друге на устланном толстыми

коврами полу. Альберт бестолково пытается отдавать приказы немногим, оставшимся в живых. В арсенале магов земли практически нет боевых заклинаний, ах, какая жалость.

Они теснят ее к разбитому окну, что ж, пусть. Констанс рубила мечом и бросала заклинания. Билось стекло, плавился камень, несло гарью и кровью. Два гвардейца остались в живых. Один. Ни одного.

Тафирская Ведьма в очередной раз сделала то, что умела делать лучше всего. Она всех убила.

Императрица прислонилась к оконной раме и посмотрела на брата. Тот поднимался с пола. Кровь из рассеченного лба текла ему в глаза, он шатался. Констанс бросила меч, и он со звоном упал на пол.

— Все кончено, Альберт. Вот тебе твое величие. Неужели ты всерьез надеялся со мной справиться? Ты предал меня, предал Империю. Как ты мог?!

— И что ты теперь со мной сделаешь, убьешь? — брат выплюнул кровь.

Альберт сделал шаг вперед. Ее брат, ее любовник. Тот, кого она любила сильнее, чем вообще способна любить. Тот, кого всегда щадила и оправдывала. Хватит.

— Ты отправишься в подземелье, — произнесла Констанс, поднимая правую руку. — И будешь гнить там до конца своих дней. Один, в тишине и темноте.

Альберт с трудом сделал еще несколько шагов, подошел к ней практически вплотную.

— Я твой брат.

— Ты предатель, Альберт. Предатель и государственный изменник. А еще глупец, желающий дорваться до власти. Ты — угроза для Империи, а интересы Империи превыше всего.

— Ты не оставила мне выбора! Я устал от твоего презрения! Я всего лишь хотел для Империи блага! Где же твое хваленое милосердие?!

— Мое милосердие иссякло, — ровно произнесла Императрица.

— Ну и сволочь ты, Констанс.

Констанс пошевелила пальцами, за спиной брата заискрились очертания портала. Альберт, ее Альберт.

Нет, больше нет. Предатель и убийца.

— Тобой займутся тюремщики, меня ты больше не увидишь. Хочешь что-нибудь сказать напоследок?

— Так просто? Твой брат будет медленно сходить с ума под Иссианским замком, и это не потревожит твой сон?!

— Нет. Не потревожит.

— Тафирской Ведьмой ты была, Лофт, Тафирской Ведьмой и осталась, — выплюнул Альберт.

— Прощай, братец.

Магия заискрилась на кончиках пальцев, вот-вот готовая сорваться. Альберт вдруг резко нагнулся, подхватил что-то с пола. Кисть пронзила дикая боль. Императрица потрясенно уставилась на свою руку. Время замедлилось, потекло, как липкая патока. Альберт стоял, держа перед собой меч. Ее меч. А тонкая кисть с белыми пальцами медленно падала вниз, заливая кровью каменные плиты. Вместе с фонтаном, хлещущим из культы.

Маг земли Альберт Раизиан не владел боевыми заклинаниями. Вместо этого он отрубил ей руку.

Констанс покачнулась, золотая диадема, до сих пор чудом державшаяся на волосах,

упала на каменный пол, подпрыгнула, раскололась надвое и вылетела за окно.

Принц Альберт заглянул сестре в глаза. Серыми в черные. И толкнул.

— Прощай, Констанс.

Видение сбылось. Императрица Иссианская рухнула с башни.

;

## Глава 24

Толпа заполняла площадь от края до края. Воняла, перетаптывалась, испуганно шепталась, как и положено толпе. С ужасом и надеждой взирала на Арамор. Мы проталкивались между грязных спин, работая локтями. Ноги мне давно уже отдавили, от отпихнутых граждан вслед летели ругательства.

— Ты уверена? Точно уверена? — ныл я.

— Эмиль, прекрати спрашивать одно и то же.

— Нас вообще туда впустят?

— Впустят, колдуны меня признают.

— Мне бы твою самоуверенность.

К началу переговоров мы опоздали самым позорным образом: забыли, каким непреодолимым препятствием бывает толпа. Преодолеть главную площадь оказалось сложнее, чем Ничей лес. Пока мы пропихнемся к подножию башни, война севера с Иссианом может уже успеть начаться и закончиться.

Я наступил на чью-то ногу, ее хозяин пожелал мне отправиться на Изнанку, я огрызнулся в ответ. И внезапно меня охватил страх. Жуткий и совершенно иррациональный. Не перед Лофт и колдунами, перед чем-то много худшим.

— Сидори, разворачивайся. Разворачивайся, давай уйдем, пожалуйста. Здесь нельзя оставаться, бежим из города, бежим сейчас.

— Что ты несешь, Эмиль? Ты же согласился пойти со мной.

— Я передумал. Здесь нельзя оставаться. Нельзя и все. Что-то произойдет, я чувствую.

Вестей из Черной башни ждали не только обычные люди. Отмеченные черным крестом держались особняком, гордо зачесывая волосы назад по последней моде. Взирали на остальных со смесью страха и превосходства. Им отвечали тем же страхом и затаенной ненавистью, будто бы случайно пихали локтями, бормотали ругательства, но на большее не решались. Король поступил благоразумно, запретив под угрозой виселицы трогать колдунов в Адланисе. Глупо накалять и так до предела накаленную обстановку. Еще глупее злить чернокнижников, стоящих за рекой.

Толпа перешептывалась. Ждала. Сидори тащила меня вперед. Кто-то, как водится, затеял драку. Юнец с черным крестом наступил на ногу какому-то грязному мужику, и теперь они увлеченно тыкали друг друга локтями, попутно задевая всех подряд. В другой день стычка грозила бы перерасти в массовую потасовку, но сегодня на них шикали, не отрывая глаз от Черной башни.

Я оттолкнул какую-то женщину, пробираясь в толпе вслед за Сидори, и тут со стороны Арамора раздался пронзительный вопль:

— Убили! Люди! Короля убили! Нашего короля, нашего Иерама! Предатели чернокнижники!!!

Я вцепился в руку Сидори. Девушка испуганно посмотрела на меня. Убили короля. А отца?

Толпа замолчала, застыла в тупом оцепенении. Оскорбленный мужик мгновение



смотрел на чернокнижника, а потом ударил его кулаком в лицо. Раздался первый крик:

— Смерть чернокнижникам!

В голову юноши кто-то кинул камень. Магик упал на землю, закрыв голову руками, и на него набросились все разом. Четырехсотлетняя ненависть, сдерживаемая королевским указом, выплеснулась наружу.

— Предатели! Уроды! Смерть чернокнижникам!!!

Колдуна колотили руками, ногами, выдирали волосы, били, пока тело не стало похоже на отбивную. Рядом повалили еще нескольких. Чернокрестники разбежались, но их хватали, валили на землю. Сидори зажала рот руками. Я стиснул руку девушки и потащил ее прочь от побоища, расталкивая впадающих в безумие людей, под крики колдунов и грохот чего-то ломаемого.

— Уходим отсюда!

— Я не уйду. Эмиль, мы не можем уйти, надо их защитить!

— Сидори, очнись! — заорал я. — Как защитить?! Не уберемся сейчас, нас растопчут. Короля убили, убила твоя Лофт, которая тебе так нравится. Мы никому здесь не поможем! Ты что, не видишь, что творится?!

— Я не уйду!

Я вlepил девушке пощечину и силой потащил вперед. Нога поскользнулась в луже крови напополам с блевотиной. Со звоном осыпалось стекло. Антиквара выволокли из лавки, бросили на землю. Рядом отчаянно заревела девчонка, ее отбросили к стене. Сидори вырвала руку.

— Я их остановлю.

— Сидори! Сидори, нет! Ты сама меня учила стоять в стороне!

— Я стояла в стороне, — Сидори посмотрела на меня. Такого взгляда я у нее никогда не видел. И я ясно понял, что сейчас будет. — Когда убивали Рабана. И больше не буду. Мы остановим его. Дикий огонь.

— Нет! Нет, нет, нет, Сидори!!!

Девушка оттолкнула меня и взобралась на низкую крышу какого-то дома. Откинула капюшон, воздела руки к небесам, как Светозарный на иконах, как великий колдун прошлого. Небо разверзлось, подул неистовый ветер. Грянул гром, в избивающую антиквара толпу ударила молния. Диким потоком хлынул дождь, стекая по лицам, хлеща за шиворот, смывая с камней кровь и грязь. Она была величественна. Она была прекрасна. И беспомощна. Одна против всех, против обезумевшей толпы, против дикого огня. Обрекая себя на смерть в отчаянном порыве хоть кого-то защитить.

Люди изумленно закричали, отпрянули, с ужасом уставились на Сидори. Кто-то судорожно сжал пальцы на амулете на груди, кто-то зашептал молитву. Кто-то сунулся было к колдунье, с неба ударила молния и мужчина повалился замертво. Мгновение казалось, что безумие закончилось, сейчас они разойдутся. А потом толпа навалилась на девушку, как многорукое чудовище.

Сидори хватала за ноги, пытались стащить вниз, швыряли в нее камнями и всем, что подвернется под руку. Я бросился к ней, но меня оттеснили, повалили наземь. Чей-то башмак сломал несколько пальцев, я чудом встал, шипя от боли, под крики и грохот грома. Сидори отступала, поливая всех молниями. Я снова рванулся к ней и снова безуспешно.

Кто-то свалился навзничь, сквозь его прожженную насквозь грудь было видно землю. Сидори неловко подняла руку, заслоняясь от летящего в голову камня. Жадные руки

тянулись со всех сторон, желая достать, разорвать, убить и отдергивались под ударами молний. Сидори оскалилась и зашипела, как кошка. Приготовилась обрушить новый ливень, но вдруг пошатнулась и рухнула лицом вниз. Из спины ее торчали вилы.

Молодой горожанин с круглым, как блин, лицом, догадался тоже залезть на крышу.

— Видишь колдуна — бери вилы! — самодовольно выкрикнул он.

Я отчаянно закричал. Дико, безнадежно. Так, как не кричал никогда в жизни. Поднял глаза вверх. На мгновение мне показалось, что в вечерних небесах что-то вспыхнуло. Как будто зажглась еще одна звезда. Так погибла колдунья Сидори, небесный маг первой ступени, девушка, пытавшаяся спасти людей, девушка, верившая, что сможет предотвратить войну. Девушка, которую я успел полюбить.

Мой крик перекрыл могучий вопль:

— Смерть чернокнижникам!

Клич подхватили, он понесся по площади, превращаясь в невообразимый, дикий рев. Мой клич. Манифест Эмиля де Лантора.

— Да это ж де Лантор! Глаза разные.

Кто-то грубо пихнул меня в бок. Молодой перепачканный парень с окровавленным лицом смотрел на меня с восхищением.

— Ребята, де Лантор! Живой! Тот самый, что говорил колдунов бить! Смерть чернокнижникам!!!

Меня подхватили на руки и понесли. Так, как мне когда-то мечталось в тюрьме. Над охватившим площадь безумием, над отчаянными криками раздираемых на части колдунов, над кровью и смертью. Словно знамя. Я разрыдался, меня вырвало на чью-то голову, казалось, этого никто не заметил.

— Смерть чернокнижникам!

— Сидори. Сидори...

— Смерть чернокнижникам!!!

— Сидори. Это не я. Не я...

Это не я убил Сидори. Не я разжигал эту войну, не я вложил вилы в руки этим людям, не я научил их этим словам. Не я превратил эту толпу в монстра. Монстра многоликого, многорукого, скалящегося на меня тысячей пастей, как демоны Изнанки. Это не я убил мальчишку. Я всего этого не хотел. Это все сон, меня здесь нет.

— Зачем? Зачем?! Сидори. Это не я. Не я...

Трещало дерево, летели камни, в горле першило от запаха гари. Громили окна и двери, людей выволакивали из домов, кому-то деловито разбивали голову о стену. Истошно кричала женщина, которой трое дюжих молодцов пытались задрать юбку, и над всем этим безумием летел клич:

— Смерть чернокнижникам!!! — и детские, отчаянные всхлипывания его автора:

— Это не я. Это не я...

Толпа уронила меня на краю площади, и меня вырвало снова. Вновь кто-то прошелся по и так сломанным пальцам, я пополз вперед, по кровавому месиву и серым камням. Полуразгромленная торговая лавка валялась на земле, являя собой отличное укрытие, я заполз туда и сжался в комок. Меня трясло от рыданий вперемешку с рвотой, а толпа громила город. Мирный город, выбранный для мирных переговоров.

Убивали всех. Мужчин, детей, женщин, предварительно насилуя. Колдуны давно уже закончились, но толпа хотела крови, упивалась ей, хватала каждого, кто попадет под руку.

Мимо меня пролетел оторванный палец. Оторванный, похоже, голыми руками. Площадь смердела смертью, я сгибался в рвотных позывах, но тошнить уже было нечем. Казалось, безумие не закончится никогда, найдут и убьют всех и каждого, а после накинута друг на друга. Но оно закончилось. Потому что на город обрушились Алые Всадники, эскадроны смерти великой Империи.

Неистовый рев толпы заглушил топот копыт и улюлюканье имперцев. Рев перешел в отчаянный визг ужаса. На черных конях, с разрисованными лицами и страшными криками в Адланис въезжала смерть. Смерть безумная, безжалостная, вооруженная копьями, мечами, алебардами. Отряд, собранный из отбросов, из убийц и мародеров, созданный для одного — нагонять ужас на врагов.

Толпа, только что бывшая единым огромным монстром, распалась. Чудовища, голыми руками разрывающие колдунов и проламывающие головы детям, превратились в людей. Вдруг забывших о ненависти, заметавшихся в панике, страстно захотевших жить. Должных вызывать жалость. Но жаль мне их не было.

Горожане бросали вилы и топоры, кидались прочь, рвались в запертые дома. В воздухе свистели мечи, катились отрубленные головы, дикий хохот нападавших перекрывал отчаянные крики. Горожан догоняли, выволакивали из домов, рубили на куски, протыкали насквозь. Какая-то женщина отчаянно дергала дверь запертого дома, к этой двери ее и пригвоздили копьем. Кони храпели и били копытами, затаптывая трупы горожан и чернокрестников.

— Слава Алому знамени! Слава Иссиану!

Я трясся в своем укрытии. Чудо, невероятное чудо, что они меня не видят. Прямо перед моим лицом шлепнулась отрубленная рука.

— Слава принцу Альберту!

Кто-то ринулся в переулок, ему вслед полетело копье, пробив насквозь. Человек дергался, как наколотый на иголку жук, изо рта его хлестала кровь. Я еще успел подумать, причем здесь принц Альберт, и отключился.

Как только я очнулся, меня тут же стошнило снова. Все тело превратилось в один сплошной синяк, сломанные пальцы болели, на лице запеклась кровь. Я вытер лицо и с трудом сел. Осторожно выглянул из-под лавки. Город превратился в руины: разгромленные дома, перевернутые прилавки, развороченная земля. И тела, мертвые тела, заполняющие улицу. Изрубленные мечами горожане, забитые ногами колдуны, переломанные, брошенные, как попало.

Я подождал десять минут. Подождал двадцать. Вороны с карканьем расклевывали валяющиеся тела, но людей видно не было. Придется надеяться, что Алые Всадники покинули город, отправившись убивать дальше. Я с трудом встал и медленно пошел вперед, не разбирая дороги. Мимо того, что когда-то было городом, мимо трупов в сточных канавах. Смерть чернокнижникам, кричали они, прежде чем их принялись кромать на куски. Видишь мага — бери вилы, кричали они, а изо рта Сидори вдруг хлынула кровь. Этому научил их я. Я погубил этот город, я убил Сидори, я, а не Алые Всадники, не Лофт и доверчивость Иерама. Я убийца. И всегда им был.

Он падает. Падает и ломает шею, тот, кого я так ненавидел, тот, кто издевался надо мной, кто должен был занять мое место.

Я чудовище. Хуже, чем демоны с Изнанки, хуже, чем Шамор. Во мне нет ничего человеческого.

— Шамор, ты чудовище, Эмиль! В тебе нет ничего человеческого. И ты говоришь об этом сейчас? Почему? Это какая-то очередная интрига, обман?

— Потому что я не могу с этим жить.

Потому что я не могу с этим жить. Потому что я убил мальчишку. Хотел убить, представлял ночами, как сдавливаю ему горло, и убил. Так и запишите, первую жизнь Эмиль де Лантор отнял в восемь лет, своего детского врага. Вторую в двадцать два, своей любовницы.

Торжественный приход Максимильена де Лантора в дом призрения под взглядами восхищенных горожан сорвался. У Максимильена де Лантора кто-то украл кошель.

Милосердные сестры были в ужасе. Пахнувший табаком большой человек в гневе. Я робко выступил вперед.

— Я... я видел ваш кошелек, добрый господин. В комнате у Мура. Но он не мог украсть, он мой друг!

Опущенные глаза, дрожащий голосок. Ложь от первого до последнего слова. Конечно же, видел, ведь я сам его туда и подложил. Папочка разглядел во мне таланты к лицедейству, но даже не подозревал, насколько был прав.

Сейчас этот урод получит по заслугам. Грязный, тупой, превративший мою жизнь в Изнанку. А большой и важный человек возьмет меня, выберет меня, защитит меня. И у меня будет жизнь без боли. Будет дом.

Я всего лишь хотел свой дом. И еще я хотел отомстить. Но убивать его я не хотел. Не хотел.

Милосердная сестра хватается Мура за шиворот и пулей несется наверх. Мур потерянно крутит головой, он не понимает, что происходит. Не понимает, куда и за что его ведут. Через минуту они возвращаются. Мур ревет, а женщина победно потрясает толстым кожаным кошельем.

— Ах ты сучий сын! К тебе такой господин приехал, хотел усыновить, а ты. Гребаный ублюдок. Всех нас опозорил. Ну ты у меня сейчас получишь!

Кулак летит в залитое слезами лицо. Мур выворачивается и с ревом несется вниз. По прогнившей лестнице. По прогнившей скользкой лестнице. Через перила. Как кукла.

Это была случайность. Это было убийство.

Я стою и не могу отвести взгляд от темной лужи, медленно вытекающей из-под головы. Что я натворил...

Кто-то подходит сзади и закрывает мне глаза руками.

— Не смотри, малыш. С твоим другом все хорошо, он просто ушибся. Он сейчас встанет и пойдет наверх. А ты не смотри. Бедняга. Эмиль у нас такой впечатлительный.

Запах табака. Табака большого и важного человека.

— Простите. Я хотел всего лишь сделать какого-то малыша счастливым, а вышло...

— Вы ни при чем, — милосердная сестра раболепно улыбнулась. — Это случайность. Трагическая случайность. Но поделом. Вору в наших стенах не место, тем более такому, который крадет в ответ на добро. И, раз уж вы хотели взять ребенка, Эмиль очень хороший мальчик. Умный, начитанный. Веселый. Ему так одиноко здесь. Может быть...

Запах табака приближается, окутывает меня. Обхватывают сильные руки. Запах табака, запах дома. Руки отца.

— Пойдем домой, малыш.

Что я натворил... Я ничего не натворил. Ничего не было. Я не помню это, не хочу

помнить. Мур упал сам, а за мной пришел отец и забрал в новую жизнь. Жизнь, где все будет хорошо. Ничего не было, это не я. Это не я.

— Я не хотел. Все вышло случайно.

— Случайно?! Ты случайно всем налгал, случайно подставил невинного ребенка? Мне стоило догадаться. Я просто не ожидал, что в восемь лет можно быть таким монстром.

— Я не хотел его убивать! Не хотел! Я не думал, что все так получится. Я просто хотел выбраться оттуда, жить нормальной жизнью. Ты не выбрал бы меня!

— Не выбрал бы. Разумеется, не выбрал бы, потому что был более достойный. И тогда ты решил выставить его вором.

— Отец! Отец, прости...

— Я устал тебя прощать. И я не твой отец. Отправишься в Сида Корале, может, хоть это чему-то тебя научит. Хотя я сомневаюсь.

Не научило.

Я убийца. Я недостойн того, чтобы жить.

Я брел, спотыкаясь и падая. Куда мне идти отсюда? Куда мне вообще теперь идти?

Решение пришло само. Все это надо закончить. Закончить сейчас, пока из-за меня не погиб еще кто-нибудь. Мне незачем жить. Я доказал это, доказал неоднократно.

На дороге валялся окровавленный кусок веревки. Я понятия не имел, как связывать петлю, но это и неважно. Разберусь, я умный. Должно быть, умирать больно. Веревка врежется в шею, я начну конвульсивно дергаться, язык вывалится и посинеет. Ну и пусть, через минуту все закончится. Жить я больше не могу и не хочу.

Я сложил концы веревки вместе, неумело попытался скрутить петлю. Кажется, как-то так. Справа кто-то застонал. Чуть слышно.

Я обвел улицу тупым взглядом. Под обломками того, что когда-то было лавкой бакалейщика, шевелился старик. Точнее, не старик, примерно ровесник отца, со смуглой кожей и в рваных дорогих одеждах. Неужели кто-то выжил в этом кошмаре? Я опустился рядом с ним на колени.

— Мужик, вставай.

Никакой реакции.

— Ты ранен? Вставай, надо уходить отсюда.

Я попробовал подхватить несчастного подмышки. Учитывая, что весил он в полтора раза больше меня, вышло плохо.

Мужчина болезненно скривил разбитые губы, что-то прошептал. Я напряг слух.

— Амария...

— Нет тут никакой Амарии.

— Амария...

Бедняга бредит и, возможно, умирает. Но надо попытаться его отсюда вытащить. Может, хоть на это я еще гожусь.

— Вставай! Я не Амария, меня зовут Эмиль. Мы в Адланисе, в городе был погром, ты ранен, нужно найти доктора.

— Не нужно, — неожиданно осмысленно ответил полутруп. — Я сам доктор.

Лопнувшие губы скривились в болезненную гримасу, взгляд темных глаз сфокусировался на мне.

— Ну идем же!

Я снова попытался поднять несчастного. С третьей попытки тот со стоном все же сел.

— Что случилось в башне?

— Я не знаю. Орала про убитого короля, толпа обезумела, начала убивать колдунов, потом прискакали Алые Всадники.

— А что с Императрицей?

— Понятия не имею. Радуетя, наверное, что так ловко вышло обмануть Танаир.

Доктор ощупал залитую кровью штанину, зашипел от боли. Если он не сможет идти, ему конец.

— Констанс не собиралась вас обманывать.

— Тебе-то откуда знать?

— Я знаю.

У бедняги явно бред, ну да ладно. Главное — его отсюда вытащить.

— Идем. Надо убратся отсюда подальше. А еще лучше бежать из Танаира. Пойдем вниз по реке, если повезет, доберемся до границы Монора. Туда Империя пока еще не дошла.

Мужчина оперся на мое плечо, надавив аккуратно на свежий синяк, встал, я зашипел.

— Нет. Нам нужно остановить войну.

От неожиданности я забыл о боли.

— Мужик, ты рехнулся?! Остановить войну? Что мы можем против Иссиана? Против Алых Всадников?!

— Мы — ничего, — сумасшедший доктор с трудом сделал шаг вперед. — Но я знаю того, кто может. Нужно найти ее. Найти мою дочь.

;

Эпилог

Принц Альберт стоял на вершине башни. Император Альберт.

Башня Арамор, Черня башня. Башня, в которой, как надеялась Констанс, родится новый мир. Что ж, он родился, хоть и не такой, каким его представляла сестра. Бедная сестра, променявшая величие Империи на дешевые обещания севера.

— Ваше Величество, — Тарби склонился в почтительном поклоне. — Я смиренно приношу вам свои поздравления и соболезнования. Сегодня великий день для Империи.

— Благодарю, — хмуро ответил Император. — Хоть я представлял его себе и совсем не так.

— Жаль, что все так вышло, — скорбно покачал головой барон. — Но ваша сестра не оставила нам выбора. Иссиан не может позволить себе прогнуться под северных варваров, вы были вынуждены взять бразды правления в свои руки. Империи нужен сильный лидер.

— Я знаю, Тарби. Но от этого не легче.

— Ваше Величество! — рыцарь Лаэрэдс застыл на пороге.

— Говори, — разрешил Альберт.

— Ваше Величество, мы обыскали подножие Арамора. Однако тела вашей сестры не нашли. Понимаю, звучит безумно, но...

— Моя сестра умерла.

— Ваше Величество, простите за дерзость. Констанс была великой колдуньей, могла ли она...

— Моя сестра умерла, — отдельно повторил Альберт. — Неслыханное предательство короля Иерама, который под видом мирных переговоров замыслил убийство, застало ее врасплох, и синие столкнули ее с башни. Мы будем помнить ее и скорбеть о ней, величайшей из величайших, приведшей Иссиан к могуществу и процветанию. И жестоко

отомстим тем, кто повинен в ее смерти.

Лаэрэдс понятливо кивнул.

— Разумеется, Ваше Величество.

Альберт взглянул с высоты на останки города. Города, что посмел не повиноваться Империи, что вздумал выдвигать условия тому, перед кем следовало смиренно преклониться. И получил по заслугам. Скоро Алое знамя взвьется над Танаиром, над всем севером. Знамя, означающее новый порядок и новый мир. Его мир.

— Иссиан будет великим, — тихо проговорил Император. — Мы не станем ни с кем договариваться. Мы сотрем северные королевства с лица земли.

Новый Император стоял на вершине Черной башни. Внизу вороны расклевывали трупы. Началась Третья Магическая Война.

**Больше книг на сайте - [Knigoed.net](http://Knigoed.net)**